

Глава XXI

В ГИМНАЗИИ

Между тем в кабинет вошла Юдифь. Выслушав конец нашего разговора, она обратилась к отцу со следующим предложением.

— После всего того, что вы рассказывали Юлиану о наших женщинах в сравнении с женщинами прежнего времени, я думаю, для него будет небезынтересно посетить нашу гимназию сегодня после обеда и посмотреть, как мы себя тренируем там. Сегодня будут состязания в бегах, в прыгании и других упражнениях. После обеда пойдут занятия для учащихся нашего возраста, и я непременно должна быть там.

Я горячо принял предложение, и ему впоследствии я был обязан одним из интереснейших и поучительнейших уроков, которые мне дала цивилизация XX века в первые дни моего знакомства с нею,

У дверей гимназии Юдифь рассталась с нами, чтобы присоединиться к своему классу в амфитеатре.

— Разве она будет участвовать в каких-нибудь состязаниях? — спросил я.

— Весь ее «год», т. е. все учащиеся ее возраста, живущие в нашем городе, будут принимать большее или меньшее участие в упражнениях, которые там сегодня состоятся.

— В чем заключается специальность Юдифи? — спросил я.

— Что касается специальностей вообще, мы их мало культивируем. Конечно, частным образом каждый может делать все что угодно, но общественная задача нашего физического воспитания состоит не в том, чтобы создать атлетов-специалистов, а в том, чтобы дать возможность каждому хорошо и пропорционально развить свои члены. Мы прежде всего стремимся к достижению известной степени силы и определенного размера ног, бедер, рук, поясницы, груди, плеч, шеи и пр. Мы не задаемся

при этом целью достигнуть высшей степени физического развития, наши требования сводятся к известному минимуму, и все те мужчины и женщины, которые удовлетворяют этому минимуму, считаются вполне здоровыми. А потому каждому предоставляется, конечно, возможность дальнейшего развития и в выбранном им специальном направлении идти дальше намеченного минимума.

— А сколько продолжается у вас курс гимнастического воспитания?

— Оно составляет обязательный отдел всей воспитательной системы для каждого, пока тело не сформируется окончательно; предельным для этого возрастом мы считаем 24 года, но обыкновенно гимнастическими упражнениями мы занимаемся в течение всей жизни. Конечно, все зависит от личных склонностей.

— Неужели вы продолжаете заниматься в гимназии?

— Почему же нет? Для меня так же интересно быть здоровым в 60 лет, как это было в 20 лет.

— Доктор, — сказал я, — вполне естественно, если мне это кажется удивительным, так как я жил в такое время, когда считалось общепринятым правилом, что мужчина, которому исполнилось 45 лет, не должен бегать за конкой, что же касается женщин, то они переставали бегать еще в 15 лет, когда их тело заключали в тиски, на ноги надевали мешки, а ступни сжимали винтами, одним словом, когда они должны были навсегда расстаться с мыслью о здоровье.

— Да, вы, как видно, очень мало считались с требованиями вашего тела, — сказал доктор. — Ваши женщины совершенно их игнорировали, что же касается мужчин, то до 40 лет они предъявляли чрезмерные требования к своему телу, а после 40 тело предъявляло чрезмерные требования к ним, что было вполне справедливо. Вся страшная масса физических страданий, которые причинялись слабостью и болезнями и которые можно было легко предупредить, представляется нам одним из главных обстоятельств, инкриминирующих ваше экономическое неравенство, эту основную причину, из которой прямо или косвенно вытекали все прочие черты вашего общественного строя.

Мужчины в жестокой борьбе за существование и в стремлении отнять у другого средства к жизни не считались ни с телом, ни с душой своих противников (конкурентов); что же касается женщин, то сложная система рабства до того исковеркала их

тело и ум, что кажется удивительным, как мог сохраниться в их теле хотя бы один здоровый атом.

При входе в амфитеатр мы увидели группу мужчин и женщин, которые, смеясь, рассказывали по арене. Все они, как сообщил мне доктор, были товарищи Юдифи по классу 1978 года; все они были в возрасте 23 лет, они все родились в этом городе или постоянно в нем жили. Я с восхищением разглядывал фигуры молодых мужчин и женщин: они были стройны и прекрасны, как боги и богини Олимпа.

— Должен ли я на них смотреть, — спросил я, — как на обыкновенных представителей вашей молодежи, или же это собрание выдающихся атлетов?

Вся молодежь 23-летнего возраста, которая живет в этом городе, собралась сюда сегодня, за исключением, может быть, двух-трех, которым помешала какая-нибудь особенная причина.

— Но где же у вас чахоточные, калеки, уродливые и слабые?

— Видите ли вон там в кресле молодого человека, окруженного толпой? — спросил доктор.

— Так и у вас, значит, есть хоть один инвалид?

— Да, — ответил мой собеседник, — с ним произошел несчастный случай, и он никогда больше не будет вполне здоров. Это — единственный больной в их классе, и вы видите, как другие ухаживают за ним. У вас было столько калек и больных, что чувство жалости притуплялось в вас и не вызывало больше слез, сердце черствело и перестало откликаться на чужое горе; у нас же этих несчастных так мало, что мы ухаживаем за ними и лелеем их, как избалованных детей.

В эту минуту затрубили в рога и несколько десятков молодых людей и женщин стремительно бросились вперегонки.

В то время, как они бегали, рога продолжали издавать воодушевляющие звуки. Меня поразила стройность, с которой все сразу остановились, несмотря на то что состязавшиеся не были специально тренированы для бегов, а составляли группу, которая, согласно очереди испытаний, должна была явиться в этот день, чтобы принять участие в беге. В мое время бега таких неподготовленных соперников кончились бы тем, что соискатели были бы разбросаны по дороге от середины до конца.

— Юдифь, я вижу, прибежала третья, — сказал доктор, читая сигналы. — Она будет очень рада своему успеху, особенно ввиду вашего присутствия.

Следующее упражнение было сюрпризом. Я заметил у самого конца амфитеатра, на высокой площадке, группу юношей,

занятых какими-то приготовлениями. Мне было очень интересно знать, что они намерены делать. Вдруг при звуках барабана вся группа с площади бросилась вперед.

Я невольно вскрикнул, так как платформа была очень высокая и падение с нее грозило опасностью для жизни.

— Все обошлось благополучно, — смеялся доктор, и в следующую минуту я с удивлением смотрел на группу молодых мужчин и женщин, которые носились в воздухе на высоте 55 футов над уровнем беговой площадки. Потом состязались в бросании мячей и в стрельбе.

— Теперь я понимаю, почему у ваших женщин так прекрасно развиты грудь и плечи, — сказал я.

— А, так вы это заметили! — воскликнул доктор.

— Я, конечно, заметил, — был мой ответ, — что ваши женщины в общем обладают таким физическим развитием и отличаются таким здоровым видом, какие в наше время очень редко встречались.

— Вам, конечно, будет очень интересно видеть подтверждение ваших предположений. Согласны ли вы оставить на время амфитеатр и пройти в анатомическое отделение? Для такого страстного анатома, как я, иметь вас учеником — настоящая находка, так как вы лучше, чем кто-либо другой, в состоянии оценить, насколько проведение в жизнь принципа экономического равенства способствовало усовершенствованию не только всей человеческой культуры, но также и форм человеческого тела вообще, а женского в частности. Я особенно подчеркиваю, когда говорю о женской фигуре, так как в ваше время, вследствие уродливых общественных условий, не позволявших женщине жить полной жизнью, она никогда не имела возможности правильно развиваться. Вы видите, эту группу гипсовых статуй: они сделаны на основании антропометрических измерений, произведенных в последние десятилетия XIX века и дошедших до нас; этим антропометрическим измерениям мы вообще обязаны многими сведениями.

Обратите внимание на линии тела: они подтверждают то, что, судя по замечанию, которое вы сейчас сделали, и раньше вам бросалось в глаза, а именно тенденцию к несоразмерной тонкости частей тела выше талии и чрезмерному развитию частей, лежащих ниже талии. Фигура производит, благодаря этому, впечатление сахарной головы, которая под влиянием теплой погоды значительно растаяла. Проследите далее: фронтальная

поверхность бедер шире поверхности плеч, между тем как первая должна быть меньше второй хоть на 1—2 дюйма. В действительности эффект получался, вероятно, еще более резкий, так как ваши дамы любили наматывать много материи ниже талии.

При этих словах я взглянул на каменное лицо женщины, чьи прелести так старался унижить доктор, и мне показалось, что незрячие глаза изваяния смотрели на меня с укором, и этот немой укор мгновенно нашел в моем сердце сочувственный отклик. Я был современником тех женщин, изваянный образ которых теперь стоял предо мной, и только блеску их глаз я был обязан всем, чем жизнь моя была красна. Была ли их красота с современной точки зрения совершенна или нет, но только в них я находил чудное воплощение «вечно женственного» и только чрез них я постиг святые тайны природы. Эти застывшие глаза имели право смотреть на меня с укоризной за то, что я молчаливо выслушивал человека другого столетия, как бы соглашаясь с ним, а между тем этот человек унижал те чары, которые некогда имели такую власть надо мной!

— Молчите, доктор! — воскликнул я. — Вы, может быть, и правы, только не мне выслушивать такие слова.

Я не находил слов, которые выразили бы то, что волновало меня, но в этом не было необходимости: доктор понял меня. Он посмотрел на меня своими умными серыми глазами и, положив руку ко мне на плечо, сказал:

— Вы правы, мой мальчик, вы совершенно правы. Вы должны так говорить, и Юдифь еще сильнее станет любить вас за эти слова, потому что современные женщины более ревниво оберегают честь своего пола, чем ваши современницы. Но если бы, с другой стороны, в этой комнате могли присутствовать бесплотные тени ваших женщин, то они бы больше, чем кто-либо, радовались тому, что свобода выстроила для душ их дочерей такие прекрасные, пышные чертоги.

Посмотрите, — продолжал он, указывая на другую фигуру, — вот тип современной женщины: линии далеко не идеальны, но они весьма пригодны для научного сравнения, так как в основание их положены средние величины многочисленных измерений. Прежде всего вы видите, что эта статуя на 2 дюйма выше той. Взгляните на плечи! Они на 2 дюйма шире, чем бедра только что рассмотренной нами фигуры. С другой стороны, окружность тела в области поясицы больше, и это показывает более мощное развитие мускулов. Размер грудной клетки

показывает нарастание в $1\frac{1}{2}$ дюйма, а окружность живота на целых 2 дюйма больше. Везде проявляется более сильное физическое развитие, и притом в гораздо большей степени, чем это могло бы зависеть исключительно от увеличения роста. Что касается общего развития мускульной системы, то, как вы сами видите, тут даже и сравнения не может быть. Вы спросите: как объяснить эту поразительную перемену? Ответ ясен: она явилась последствием свободной, здоровой, ничем не опутанной жизни, к которой женщина получила доступ благодаря экономической независимости. Для того чтобы развить плечи, руки, грудь, бедра, ноги — словом, все тело, нужны были упражнения, и притом не легкие, вялые, а такие, которые требуют значительных усилий, которые производятся регулярно, а не случайно, урывками. Провидение не может наделить женщину физическим здоровьем на других условиях, чем на тех, на каких приобретают его мужчины. Но женщины в ваше время никогда не пользовались теми средствами, которые были в большом употреблении у мужчин. Женский труд в течение целых веков ограничивался мелкими работами, рукоделием и работой пальцев — работами, которые только чрезмерно утомляли тело и ум, никогда не вызывая той реакции жизненных сил, которая восстанавливает и развивает члены, участвующие в работе. С незапамятных времен мальчик обыкновенно уходил копать землю или охотиться вместе с отцом или же оспаривать что-либо у других юношей; девушка же оставалась дома, стряпала и прядла. До 15 лет она еще могла вместе с братом принимать участие и в некоторых глупых видах спорта, но как только она вступала в зрелый возраст, она должна была распротиться со всякой активной физической жизнью вне дома. Надо ли удивляться, что в результате получалось низкорослое, хилое и слабое тело, существование полуинвалида? Еще удивительно, как после столь долгого периода придавленной и уродливой физической жизни женское тело в такое короткое время настолько окрепло, что вполне отвечает тем требованиям, которые предъявляет к нему новая, свободная жизнь, начавшаяся для женщин только в этом столетии.

— У нас было очень много прекрасных женщин, по крайней мере, нам они казались в физическом отношении совершенными, — сказал я.

— Конечно, у вас были такие, и они, без сомнения, были совершенными, как вы их считали, — возразил доктор. — Но такими природа предназначила быть всем женщинам, а между

тем разве я не прав, когда говорю, что слабое здоровье было обычным уделом ваших женщин? Об этом, по крайней мере, свидетельствует ваша литература. И если можно верить последней, то $\frac{4}{5}$ практики доставляли вашим докторам женщины. Не видно, однако, чтобы доктора им особенно помогали, хотя я не намерен этим бросить тень на свою собственную профессию. Дело в том, что доктора были бессильны, и они это сами очень хорошо сознавали до тех пор, пока социальные условия женщин оставались неизменными.

— В общем вы правы, — заметил я, — один великий писатель пустил даже в ход афоризм, справедливость которого была всеми признана, а именно: что инвалидность представляет собой нормальное состояние женщин.

Я припоминаю это выражение; какое это, в сущности, со стороны современной вам цивилизации ужасное признание своей полной неспособности обеспечить половине человеческой расы основное условие счастья! Хилость женщин была величайшим несчастьем вашего времени, а их физическое возрождение явилось одним из существеннейших элементов в общей сумме счастья, которую экономическое равенство принесло человечеству. Подумайте только, какая огромная разница между женской долей ваших дней, полной одних только слез и стонов, и жизнью современной женщины с ее атмосферой веселья, радости и избытка жизненных сил.

— Все-таки, — сказал я, — одна вещь остается для меня не совсем понятной: я не врач и не знаю больше того, что обыкновенно знают молодые люди, но я всегда полагал, что причина слабости и болезненности женского организма коренится главным образом в ее природной физической хрупкости.

— Да, я знаю, таков был общий взгляд ваших современников. Вы утверждали, что сама природа наделила женщину таким физическим строением, которое обрекает ее на жалкое болезненное существование, что в лучшем случае ее физическое состояние может быть только сносным. Более богохульной мысли против природы никто никогда не высказал. Естественные функции никогда не должны причинять боль или вызывать болезни; а если это случается, то причину надо искать в ненормальности окружающих условий. Чтобы объяснить тайну женских страданий и болезней, выдумали миф «о Еве и яблоке», из-за которого на нее обрушилось Божие проклятие, но на самом деле источник этих страданий и болезней кроется не в гневе

божием, а в тех условиях и обычаях, которые создал для нее мужчина. Раз вы допускаете, что страдания и болезни вытекают из физического сложения женщины, вам приходится верить в миф как в исторический факт. Тем не менее и в ваше время существовали многочисленные факты, которые наглядно доказывали, что здоровье женщины находится в прямой зависимости от обстоятельств и социальных условий. Вследствие этого и в ваше время непредубежденные умы были уверены в том, что, если б женщине на долгое время были обеспечены благоприятные условия существования, в ее физическом состоянии произошла бы такая перемена к лучшему, что она восстановила бы репутацию своего Создателя.

— Неужели вы хотите сказать, что деторождение больше не сопровождается ни болезнями, ни опасностью.

— В настоящее время это состояние не считается опасным ни в то время, когда его переживают, ни в дальнейших последствиях. Что касается других предполагаемых природных недомоганий у женщин, в силу которых ваши умные мужчины считали себя вправе держать женщин в экономическом подчинении, то они давно перестали причинять женщинам малейшее беспокойство. И это еще далеко не последний стадий в физическом развитии женского организма. В настоящее время мужчины в атлетических состязаниях берут очень часто верх над женщинами, но мы убеждены, что между мужчинами и женщинами в физическом отношении должно водвориться полное равенство и отличаться между собой они будут в силу индивидуальных только особенностей.

Остается еще один вопрос, который невольно возбуждает это изумительное физическое перерождение женщины. Вы говорите, что она уже почти стоит на том же уровне физического развития, как и мужчина, и что ваши физиологи предвидят дальнейшую эволюцию ее физического развития, которая в самом недалеком будущем должна привести ее к полному уравнинию с мужчиной.

Не предполагает ли подобный взгляд, что женщина потенциально была всегда равна с мужчиной в физическом отношении и что только неблагоприятные обстоятельства и плохие условия искусственно сделали ее более слабой, чем она могла быть?

— Конечно.

— Как же вы объясняете все-таки тот факт, что женщина во все времена и во всех странах, за весьма кратковременны-

ми и сомнительными исключениями, была всегда физически слугой и рабыней мужчины? Если верно, что она когда-либо в физическом развитии не уступала мужчине, то каким образом она впоследствии потеряла свои прежние свойства и почему эта потеря стала таким универсальным правилом. Далее если допустить, что подчинение, в котором находилась женщина во все исторические эпохи, вытекало из неблагоприятных условий и обстоятельств, которые были созданы мужчиной, то является странным, почему женщина, бывшая некогда равной мужчине, позволила последнему так распоряжаться ее судьбой? Всякая философская теория, которая берется объяснить, каким образом какое-нибудь явление исчезло, должна также дать рациональное объяснение того, как оно возникло.

— Совершенно верно, — ответил доктор, — вы ставите вопрос на практическую почву. Та теория, которая утверждает, что женщина со временем сравнится в физической силе с мужчиной, предполагает также, что она некогда уж пережила подобное состояние; этой теории остается, следовательно, объяснить, как могло случиться, что женщина лишилась прежнего равенства. Предположите, что когда-то, в далеком прошлом, мужчина и женщина были совершенно равны между собою по своей физической силе, все же и при таком условии остается существенное различие между ними, как между представителями двух полов, именно то, что мужчина в порыве страсти может обладать женщиной против ее воли, если только он превосходит ее физической силой, женщина же этого сделать не может, как бы ни была велика ее страсть и как бы она ни была сильна физически. Я часто задумывался над этим существенным различием в половых отношениях, в котором я усматриваю корень всякой половой тирании в прошлом; теперь, к счастью, тирания навсегда уступила место взаимности. И не раз мне приходила в голову мысль, что природа из предусмотрительности запаслась таким средством, чтобы сохранить во что бы то ни стало человеческую расу даже в такие темные периоды, когда не стоило жить, разве только ради какого-то отдаленного потомства. Эту цель природа, очевидно, и преследовала, наделив наступательной силой тот пол, который меньше всего может чувствовать последствия употребляемого им насилия. Быть может, природа в данном случае пользовалась не совсем благородным средством, но нельзя не признать, что с точки зрения результатов расчет ее оказался верным. Принимая во внимание, что в мрачные периоды истории женщины должны

были чувствовать отвращение к беременности как к тяжелой и бесполезной для них обузе, мы должны согласиться с тем, что, быть может, только благодаря вышеупомянутому средству, людской род продолжал размножаться. Но вернемся к вопросу, который нас главным образом интересует. Предположим, что в отдаленном прошлом был период, когда мужчина и женщина были совершенно равны между собою. Конечно, индивидуальные различия должны были всегда существовать. Одни индивидуумы могли быть сильнее других того же пола. Некоторые мужчины могли быть сильнее некоторых женщин и, наоборот, могли встречаться женщины, которые были сильнее мужчин. Хорошо; мы знаем, что еще в исторические времена существовал дикий способ добывания жен путем насильственного похищения их; этот способ должен был иметь особенно широкое распространение в более ранние времена. Сильная женщина ничего не могла бы выиграть в половом отношении, если бы ей удалось овладеть более слабым мужчиной, вот почему она его никогда не преследовала. Наоборот, мужчине было выгодно пользоваться своей силой по отношению к более слабым женщинам, так как этим путем он приобретал жену. Похищая женщин с известной целью, мужчины должны были естественно избегать сильных женщин, так как последние могли оказывать большее сопротивление их желаниям, и всегда предпочитать более слабых. С другой стороны, слабые мужчины рисковали остаться одинокими и бездетными. Понимаете, какое из этого следует заключение?

— Это так просто, — ответил я. — Вы хотите сказать, что при половом подборе сильные женщины, как и слабые мужчины, оставались в стороне и одерживал верх тип сильных мужчин и слабых женщин.

— Совершенно верно. Раз вы допускаете, что, благодаря указанному процессу, между полами установилось резкое различие по отношению к физической силе еще в первобытные времена, то вы легко поймете, как просто и естественно следовала в том же направлении дальнейшая эволюция. Став господствующим полом, мужчины должны были стараться не только сохранить свою власть, но увеличить ее. Женщины же, вынужденные подчиниться, с течением времени стали смотреть на свое порабощение как на состояние естественное и неизбежное, предназначенное им самим Небом. И так шло до тех пор, пока в массах не пробудилось сознание и не явилась потребность, в конце последнего столетия, построить жизнь человеческого

общества на нравственных началах, на принципах свободы, равенства и уважения к каждой человеческой личности. С этого времени женщина снова стала приближаться к первобытному состоянию физического равенства с мужчиной и этот процесс телесного возрождения будет продолжаться до тех пор, пока она совершенно не сравнится с последним в физической силе.

— Мне приходит в голову тревожная мысль, — сказал я. — Что, если в конце концов женщина не только сравнится с мужчиной, но и превзойдет его в физическом и духовном отношении в такой же степени, в какой он превосходил ее в прошлом, и что, если женщина станет злоупотреблять своим превосходством подобно тому, как злоупотреблял им мужчина?

Доктор рассмеялся.

— Я думаю, — сказал он, — что нет основания опасаться каких бы то ни было злоупотреблений даже в том случае, если женщины достигнут превосходства. Не потому, конечно, что женщинам можно больше доверять, чем мужчинам, а потому, что человеческая раса быстро приближается к тому времени — и отчасти оно уже наступило, — когда господство в мире будет принадлежать умственной и нравственной силе и вопрос о физическом превосходстве перестанет играть какую-либо роль в человеческих отношениях. Правителями и вождями людей в наше время могут стать лишь те, кто обладает великой душой, то есть те, которые больше других чувствуют в себе Дух Великого «Я»; и одно это условие является гарантией против возможности всякого злоупотребления силой ради достижения корыстных целей. Сила, допускающая злоупотребление, перестала бы быть у нас силой.

— Великий «Я»? Что это означает? — спросил я.

— Это одно из имен, которыми мы называем душу и Бога, — ответил доктор, — но тема эта слишком серьезная, чтоб теперь говорить о ней.

Глава XXII

СИСТЕМА ПРИБЫЛИ КАК МЕТОД ЭКОНОМИЧЕСКОГО САМОУБИЙСТВА

На следующее утро Юдифь получила приглашение отправиться по какому-то особенному случаю для исполнения своих общественных обязанностей. Когда она ушла, я отыскал доктора

в библиотеке и стал осыпать его многочисленными вопросами, которых у меня, по обыкновению, за ночь немало набралось.

— Если вы намерены продолжать свои занятия по истории, — обратился он ко мне, — то я бы предложил вам переменить учителя.

— Я очень доволен тем, кого Провидение мне послало, — ответил я, — но я отлично понимаю ваше желание отдохнуть хоть немного от моих настойчивых вопросов.

— Дело не в этом, — возразил доктор, — я уверен, что никому не представлялось такой увлекательной задачи, какая выпала на мою долю, и я вовсе не намерен еще расстаться с ней, но я просто думаю, что перемена метода обучения в течение этого утра вам будет приятна.

— А кто мой новый учитель? — спросил я.

— Их несколько, но это не учителя, а ученики.

— Полноте, доктор, — протестовал я, — разве вы не видите, что человеку в моем положении и без того приходится разгадывать много загадок, а вы еще хотите от себя прибавить.

— Мои слова, значит, кажутся вам загадочными? Но их значение весьма просто. Впрочем, поспешу объяснить вам, в чем дело. Как один из тех граждан, которым народ из признательности за известные заслуги пред обществом вотировал голубую ленту, я исполняю некоторые почетные обязанности, относящиеся главным образом к области воспитания. Мне сообщили, что сегодня в 10 часов утра состоится экзамен на 9-ю степень в Арлингтоновой школе. Экзаменующиеся изучали историю периода, предшествовавшего великой Революции, и теперь они будут излагать свои впечатления. Я подумал, что для разнообразия вам не мешало бы послушать их, особенно ввиду того интереса, который должна иметь для вас названная тема.

Я уверил доктора, что никакая программа не могла бы быть так заманчива для меня.

— О чем, собственно, они будут говорить? — спросил я.

— «Система прибыли как орудие экономического саморазрушения» — вот их тема, — ответил доктор.

До сих пор во всех наших беседах мы говорили главным образом о нравственной несправедливости старого режима. То, что мы услышим сегодня, только разве случайно коснется области нравственных вопросов. Молодежь постарается нам доказать, что частная капиталистическая собственность, совершенно независимо от ее нравственного облика, заключала в себе, как орудие производства, неисправимые дефекты, которые должны

были роковым образом привести к полному крушению всю систему, если обществу суждено было когда-либо вырваться из тины нищеты.

— Эта доктрина совершенно противоположна той, которую мне часто приходилось слышать, — сказал я. — Наши попы и моралисты постоянно уверяли нас, что нет того социального зла, которого не может излечить моральная или религиозная медицина. Они говорили, что, в конце концов, бедность есть только плод человеческой испорченности и, как только люди станут добродетельны, она исчезнет.

— Эти проповеди нам знакомы из книг, — сказал доктор. — Насколько духовенство и моралисты руководились в данном случае чисто профессиональными соображениями и, проповедуя подобные доктрины, пользовались ими как средством для того, чтоб возвыситься в глазах общества в качестве учителей нравственности; насколько они, произнося свои громкие фразы, как эхо, повторяли чужие слова, обнаруживая свое умственное убожество, и, наконец, насколько они были искренни в своих убеждениях и сами верили в то, что проповедовали, — обо всем этом трудно судить нам на таком расстоянии; но одно не подлежит сомнению: что более вредной бессмыслицы трудно было бы придумать. Промышленная и коммерческая система, которая призвана организовать производство и руководить работой огромного населения, представляет собой очень сложную машину. Если эта машина построена ненаучно, система должна рухнуть независимо от того, будут ли заведующие машиной святыми или грешниками; никто не станет оспаривать ту мысль, что мир нуждался и всегда будет нуждаться в такой добродетели и нравственности, на которые человечество по природе своей только способно, но сказать фермеру, что его личная нравственность может заменить собою науку о земледелии, или сказать капитану негодного судна, что личные добродетели помогут ему доставить корабль благополучно к пристани, так же нелепо, как поучать человечество, доведенное плохой экономической системой до крайней нищеты, что тайна всеобщего благополучия заключается в добрых делах и личном благочестии. Одну из печальнейших глав истории представляет собой глава об этих слепых руководителях, которые во время революционного периода причинили гораздо больше зла, чем те, которые открыто защищали старый режим. В то время как грубая откровенность последних внушала добрым людям одно только отвращение, первые сбивали людей с толку и умеряли то

возмущение, которое без вмешательства духовенства и моралистов давно бы созрело и сделало бы невозможным господство старого режима. А здесь я позволю себе, Юлиан, обратить ваше внимание на одно чрезвычайно важное обстоятельство, имевшее решающее влияние на ход Революции. Помните, что успех последней был обеспечен только тогда, когда общество переросло ребяческие учения и поняло наконец, что корень всех зол и людских страданий заключается не в испорченности человеческой природы, а в безумии системы прибыли, с которой самым тесным образом было связано само существование капиталистической собственности.

Экзамен в Арлингтоне, по словам доктора, должен был состояться в 10 часов утра. Несмотря на то что было уже без 5 минут десять, а от Арлингтона, как мне было известно, нас отделяло довольно большое расстояние, доктор продолжал спокойно беседовать.

— Тот ли это самый Арлингтон, который в мое время был предместьем нашего города? — решился я наконец спросить его.

— Тот самый.

— Но ведь он находился на расстоянии 10–12 миль от города? — сказал я.

— Я могу вас уверить, что мы его не отодвинули, — ответил доктор.

— А если так, — робко заметил я, — то не рискуем ли мы опоздать, раз экзамен должен начаться через 5 минут?

— О нет, в нашем распоряжении еще 4–5 минут.

— Доктор, — сказал я, — правда, я в последние дни познакомился с несколькими новыми способами весьма быстрого передвижения, но я все-таки не могу понять, как вы доставите меня через 3 минуты в Арлингтон. Не намереваетесь ли вы превратить меня в электрическую жидкость и отправить по телеграфной проволоке? Но даже в таком случае нельзя больше медлить.

— Конечно, мы должны были бы спешить, если бы таким путем думали достигнуть Арлингтона. Я как-то не подумал о том, что вы захотите пойти, мы бы могли выйти раньше. Как это скверно вышло!

— У меня нет особого желания посетить Арлингтон, — возразил я, — но я только думал, что это необходимо, раз мы хотим присутствовать на экзамене. Теперь я вижу, что ошибся. Я должен был уже освоиться с мыслью, что не все законы природы, которые мы в свое время считали непреложными, сохранили для вас свою силу.

— Нет, с законами природы все обстоит у нас по-прежнему, — сказал доктор, смеясь. — Но неужели Юдифь не показала вам электроскоп?

— Что это такое? — спросил я.

— Он имеет такое же значение для зрения, какое телефон имеет для слуха, — ответил доктор, и, отправившись со мной в музыкальную комнату, он показал мне прибор. — Теперь уж 10 часов, и мы не располагаем временем для объяснений. Возьмите стул и наладьте инструмент так, как я. Так!

Моментально, без всякого предупреждения, я увидел перед собой большую комнату. Около 20 мальчиков и девочек 13–14-летнего возраста занимали два ряда стульев, расположенных полукругом около кафедры, на которой спиной к нам сидел молодой человек. Ученики сидели лицом к нам, и, казалось, на расстоянии не больше 20 футов. Все до мельчайших подробностей, даже шелест платьев, малейшая перемена в подвижных лицах учащихся, ясно улавливалось нашим слухом, как и зрением, как будто мы действительно стояли позади учителя. Как только передо мной открылось это зрелище, я хотел было обратиться к доктору с каким-то замечанием, но тут же остановил себя. Доктор усмехнулся.

— Вам нечего беспокоиться, — сказал он, — вы не можете им мешать; они нас не видят и не слышат, хотя мы их видим и слышим очень хорошо. Они от нас на расстоянии 12 миль.

— Боже великий! — сказал я шепотом, так как, несмотря на уверения доктора, я никак не мог себе представить, чтоб они нас не слышали. — Где мы находимся, здесь или там?

— Мы, конечно, здесь, — возразил доктор, — но наши уши и глаза там. Этот аппарат совмещает в себе свойства электроскопа и телефона. Мы могли бы очень хорошо прослушать экзамен без электроскопа, но я решил, что для вас будет гораздо поучительнее, если сумеете также и видеть экзаменующихся. Не правда ли, славная молодежь? А теперь посмотрим, так же ли они интеллигентны, как и красивы.

КАКИМ ОБРАЗОМ ПРИБЫЛЬ УБИВАЕТ ПОТРЕБЛЕНИЕ

— Предметом нашей сегодняшней беседы, — живо заговорил учитель, — послужит следующая тема: «Прибыль как орудие экономического самоубийства, или Безнадежность экономических перспектив для человечества при господстве

частного капиталистического строя». Так вот, Франк, можете ли вы подробно развить эти положения? — При этих словах один из мальчиков встал.

— Они означают, — начал он, — что общество, которое добивалось только прибыли при производстве вещей, необходимых для жизни, — а оно должно было добиваться одной лишь прибыли, пока господствовала капиталистическая система, — такое общество должно было неминуемо терпеть нужду, так как система прибыли по своему характеру не могла не уродовать производство и не обрывать его в тот именно момент, когда оно только начинало удовлетворять потребностям.

— А чем производство предметов должно быть ограничиваемо?

— Их потреблением.

— Но разве нельзя представить себе, чтобы производство вещей не в состоянии было удовлетворить потребности в них, иными словами, разве спрос не может превзойти средств производства?

— Это мыслимо в теории, но невозможно на практике; конечно, если только иметь в виду такого рода спрос, который вызывается разумными требованиями, а не фантастическими прихотями. С тех пор, как введена система разделения труда, и особенно с тех пор, как многочисленные изобретения умножили силы человека, производство практически зависит только от спроса, который в свою очередь обуславливается размерами потребления.

— Было ли это так перед великой Революцией?

— Конечно. Политэкономы того времени нисколько не сомневались в этом. Англия, или Германия, или Соединенные Штаты могли бы, каждая из этих стран в отдельности, снабжать весь мир предметами производства. Ни одна страна ни в одной отрасли не производила столько, сколько она была в состоянии произвести.

— Почему они этого не делали?

— Потому что закон прибыли требовал, чтобы производство не выходило за известные границы.

— В каком же направлении действовал этот закон?

— Система прибыли создала пропасть между производительными и потребительными силами страны, в результате чего получилось такое положение вещей, при котором общество не в состоянии было потреблять столько, сколько оно производило.

— Объясните нам, пожалуйста, каким образом система прибыли привела к подобным результатам.

— Так как при старом порядке вещей, — продолжал Франк, — не было коллективного агентства, которое взяло бы на себя задачу организации труда и обмена, то эта функция естественно попала в руки отдельных предпринимателей, которые должны были быть капиталистами, так как выполнение подобной функции было под силу лишь людям с большим капиталом. Их было два класса: одни из капиталистов занимались организацией работ для производства; другой класс, который был занят организацией распределения продуктов, составляли торговцы, посредники и лавочники. Эти люди собирали в свои руки огромные количества продуктов, чтобы затем продавать их всем членам общества для потребления. Огромные народные массы населения были или наемными рабочими, которые продавали свой труд, или же мелкими производителями (кустарями), которые продавали посредникам предметы своего производства. К этому же классу следует отнести фермеров. На рынках были собраны всевозможные продукты, и здесь толпились рабочие и крестьяне и за деньги, которые они выручали: одни за свой труд, другие за предметы своего производства, — покупали то, что им нужно было для своего потребления. Понятно, что должна была существовать какая-нибудь побудительная причина, которая заставляла как тех, которые занимались организацией работ, так и тех, которые заведовали распределением продуктов, жертвовать своим временем и подвергать риску свое состояние. Этим мотивом была прибыль.

— Теперь расскажите нам, как собиралась эта прибыль.

— Промышленники или работодатели-капиталисты платили рабочим за их труд, а купцы — фермерам за их предметы производства известными знаками, которые назывались деньгами и в обмен на которые можно было приобретать продукты, собранные на рынке. Но плата, которую капиталисты назначали наемным рабочим или фермерам, не была достаточна для того, чтобы последние могли купить предметы в количестве, соответствовавшем эквиваленту их труда. Эту разницу капиталисты оставляли за собой, и она составляла их прибыль. Продукты в складах и магазинах продавались за цену, превышавшую стоимость их производства. Таким путем капиталисты собирали свою прибыль.

— Объясните на примере.

— Возьмем прежде всего для примера капиталиста-фабриканта, который нанимал рабочие руки. Предположим, что он изготавливал обувь. Допустим, что за каждую пару этой обуви он

платил 10 центов кожевнику, 20 центов за работу и еще 10 центов тратил на разные другие расходы, которые связаны с изготовлением обуви, так что пара башмаков ему самому, в общей сложности, обходилась в 40 центов. Фабрикант же продавал их посреднику, скажем, за 75 центов. Посредник от себя продавал розничному торговцу за 1 доллар, а этот продавал их покупателям за 1 $\frac{1}{2}$ доллара. Теперь возьмем для примера фермера, который продавал не только свой труд, подобно наемному рабочему, но также вместе с трудом и материал. Допустим, что он продавал хлеботорговцу бушель пшеницы за 40 центов. Торговец продавал эту пшеницу на мукомольный завод по 60 центов за бушель. Заводчик при продаже муки оптовому торговцу не только прибавлял стоимость по изготовлению муки, но и прикидывал солидную прибыль в свою пользу. Оптовый торговец, пуская эту пшеницу в розничную продажу, получал свою прибыль, и, наконец, лавочник взимал свою долю прибыли с покупателя. Так что в конце концов, когда взятый нами для примера фермер купит для своего потребления количество муки, эквивалентное бушелю пшеницы, ему придется заплатить, вследствие разных посреднических процессов, вдвое дороже, чем ему заплатил хлеботорговец за его первоначальный бушель.

— Прекрасно, — сказал учитель, — а теперь перейдем к практическим результатам этой системы.

— На практике эта система, — ответил мальчик, — должна была неминуемо привести к тому, что создавалась пропасть между производительными силами и потребительными средствами тех, которых нанимали для производства вещей, суливших прибыль. Способность рабочих к потреблению всегда измерялась стоимостью денежных знаков, которые они получали за свой труд при производстве товаров, и эта стоимость, как мы видели, была гораздо ниже той, которая назначалась на эти товары в магазинах. Эта-то разница и создала ту пропасть, которая существовала между тем, что они в состоянии были производить, и тем, что они могли потреблять.

МАРГАРИТА РАССКАЗЫВАЕТ О ГРОЗНОЙ ПРОПАСТИ

— Маргарита, — сказал учитель, — я попрошу вас продолжать на ту же тему; начните с того пункта, на котором остановился Франк. Итак, расскажите нам, как отразилась на экономи-

ческой системе та пропасть, которую, по объяснению Франка, создало получение прибыли.

— Последствия, — сказала девушка, которая отозвалась на имя Маргариты, — зависели в данном случае от двух факторов: во-первых, от того, насколько была многочисленна армия наемных рабочих, труд которых доставлял прибыль капиталистам-производителям, а во-вторых, от того, как велика была взимавшаяся прибыль и обусловленное последней противоречие между производительной силой и потребительной способностью рабочего. Если эти производители, предметы производства которых служили источником прибыли, представляли собой только небольшую кучку людей, то их неспособность купить больше, чем только часть продуктов их производства, создаст небольшой разлад между потребительными и производительными способностями всего общества как целого. Но если такие производители составляли большинство населения, то этот разлад вырастал в пропасть и сообразно с этим всякое действие, направленное к тому, чтоб искусственно затормозить производство, грозило неисчислимыми бедствиями.

— А как была велика настоящая цифра тех наемных рабочих и самостоятельных производителей, которые, благодаря системе прибыли, были лишены возможности потреблять столько, сколько они производили?

— Этот класс людей, как упомянул Франк, составлял по крайней мере $\frac{9}{10}$ всего населения, если не больше. Доходополучатели, как те, которые организовали производство, так и те, которые организовали обмен, в общей сложности составляли самую малочисленную группу в то время, как те, с продуктов производства которых первые собирали свою прибыль, составляли главную массу населения.

— Хорошо. Теперь обратимся к другому фактору, от которого зависела образовавшаяся при системе прибыли пропасть между потребительными и производительными способностями страны, а именно к норме прибыли: скажите нам, какому правилу следовали капиталисты при определении размеров прибыли. Без сомнения, как люди разумные, они должны были предвидеть, что система чрезмерной прибыли приведет к сокращению потребления, и, исходя из этого соображения, они, надо думать, старались ограничиваться ничтожным доходом.

Как раз наоборот: капиталисты старались по возможности получить большую прибыль. Они руководились при этом правилом:

«Выжимать из торговли столько прибыли, сколько она может дать».

— Вы хотите сказать, что вместо того, чтобы стараться смягчить тенденцию к сокращению потребления, которую проявляла система прибыли, капиталисты намеренно обостряли и усиливали ее?

— Я именно это и хотела сказать, — ответила Маргарита. — Золотое правило и великий лозунг капиталистов гласили: «Покупать по возможности дешевле и продавать по возможности дороже».

— Что это означало?

— Это означало, что капиталист должен был стараться покупать за самую дешевую плату труд рабочих или предметы их производства и продавать свой товар на рынке публике по возможности дороже.

— Масса же публики, — заметил учитель, — состояла главным образом из тех же рабочих. Таким образом, те самые люди, которым ваш капиталист и его товарищи платили ничтожнейшую цену за их производительный труд, должны были на рынке уплачивать непомерно высокие цены за продукты этого труда.

— Так.

— Хорошо. Попробуем теперь резюмировать всю мудрость этой экономической системы, имея в виду интересы всей нации. Не правда ли, эта мудрость выражалась в стремлении получить что-то за ничто или приблизительно так? И если бы кому-либо действительно удавалось получить что-либо даром, это означало бы, что он усвоил себе золотое правило в совершенстве. Например, если бы фабриканту удалось загипнотизировать своих рабочих и заставить их работать на него без всякого жалования, то не значило ли бы это, что он сумел осуществить в жизни требование вашего мудрого правила?

— Конечно; тот фабрикант, который бы так поступил и продал бы на рынке продукт неоплаченного труда по обычной цене, разбогател бы в самое короткое время.

— И то же самое, я думаю, применимо и к хлеботорговцу, если б ему удалось получить даром хлеб от фермера и продавать его потом на рынке по самой высокой цене.

— Конечно, он бы сразу сделался миллионером.

— Хорошо, теперь допустим, что все капиталисты-фабриканты и торговцы, узнав секрет этого гипнотизирующего средства, стали б им пользоваться: так что они все могли бы без

всяких затрат иметь в своем распоряжении как рабочих, так и материал, необходимый для производства, — тогда, значит, все капиталисты стали бы сразу богатыми?

— Ничуть.

— Вот тебе и раз, почему нет?

— А потому, что если бы вся армия наемных рабочих перестала получать плату за свой труд и фермеры ничего бы не получали за свои продукты, тогда некому было бы покупать на рынке и вся торговля замерла бы совершенно. Тогда не было бы никакого спроса на товары и единственными потребителями, оказались бы капиталисты и их друзья. Рабочие погибли бы все от нужды, и капиталисты были бы вынуждены сами работать.

— Оказывается, что то, что было бы выгодно для одного капиталиста в отдельности, грозило бы гибелью ему и всем прочим сотоварищам, если бы все капиталисты стали так поступать. Почему это так?

— А потому, что каждый капиталист, эксплуатируя своих рабочих, рассчитывал сбывать свои товары не той группе рабочих, которых ему удавалось обмануть, а всему обществу; последнее же состояло из служащих остальных капиталистов, которые не были настолько счастливы в эксплуатации своих рабочих, чтобы совершенно лишить их возможности купить что-либо на рынке. На успех своей мошеннической проделки каждый капиталист мог надеяться лишь постольку, поскольку он был уверен, что другие капиталисты при попытке проделать то же самое потерпят неудачу. Если б это предположение не оправдалось, то есть если бы всем капиталистам удалось поступить со своими служащими так, как каждый в отдельности стремился всегда поступить, тогда в результате получилось бы то, что вся промышленность остановилась бы.

— Выходит, значит, что экономическая система, основанная на прибыли, должна непременно вызвать крушение промышленности, как только господствующий принцип этой системы будет последовательно проведен в жизни; следовательно, единственно, что спасало промышленность от гибели, — это те препятствия, которые не позволяли основному принципу экономической системы проявиться во всей его силе. Так ли это на самом деле?

— Совершенно верно, — ответила девушка. — Тот капиталист богател скорее всех, кто успешнее обирал своих рабочих или мелких производителей; но очевидно, что стоило только

достаточному количеству капиталистов добиться такого же успеха в этом направлении, чтобы в результате получилось полное разорение не только капиталистов, но и всего народа. Заключение наиболее выгодную для себя сделку с рабочим или с производителем, уплатить им возможно меньше за их труд или их продукты — вот идеал, к которому стремился каждый капиталист, а между тем математически верно, что каждая успешная в этом смысле сделка подтачивала весь промышленный механизм, и достаточно было бы, чтобы большому числу капиталистов удалось заключить подобного рода «удачные сделки», чтобы вся промышленная система окончательно рухнула.

Еще один вопрос: плохие последствия плохой системы обыкновенно усугубляются, благодаря вмешательству дурных людей, пользующихся случаем, чтобы ловить рыбу в мутной воде; я уверен, что и система прибыли, благодаря деятельности таких людей, оказалась еще хуже, чем она могла быть сама по себе. Теперь сделаем другое предположение: допустим, что капиталисты были бы не вымогателями, а очень справедливыми и добросовестными людьми и что они удовлетворялись бы таким размером прибыли, который отвечал бы вполне их собственным разумно понятым интересам и требованиям самозащиты. Имело ли бы это предполагаемое нами значительное уменьшение доходов своим последствием то, что рабочие были бы в состоянии потреблять весь продукт своего производства и таким образом еще более способствовали бы расширению последнего?

— Нет, этого не случилось бы, — ответила девушка. — Глубокое различие между системой прибыли и современной системой производства, направленной к обогащению всей страны, коренится в причинах, неразлучных с существованием частного капитализма; пока существовала частная капиталистическая собственность, положение вещей должно было быть таково, что, каким бы изменениям ни подвергалась система прибыли, эта система была несовместима с прочными улучшениями в экономических условиях жизни трудящихся масс, даже если бы капиталисты были ангелами. Корень зла лежал не в нравственных, а в экономических причинах.

— Но думаете ли вы, что в предполагаемом мной случае уменьшилось бы на значительную сумму количество прибыли?

— Может быть, сумма доходов уменьшилась бы, но это уменьшение носило бы случайный и, во всяком случае, временный характер. Еще сомнительно превышали ли эти доходы в

среднем ту норму, которая была необходима, чтобы поощрять торговые и промышленные предприятия.

— А скажите мне, почему доходы должны были быть для этого так велики?

— Законные доходы при системе частного капитализма, — ответила Маргарита, — то есть такие доходы, на которые в силу самозащиты должны были всегда рассчитывать капиталисты, какими бы они ни руководились хорошими намерениями по отношению к потребителям, состояли из трех элементов, отсутствующих в нашей системе, но неразрывно связанных с капиталистическим строем. Во-первых, капиталист, затеявая какое-либо предприятие, должен был рассчитывать, что оно будет приносить ему по крайней мере те же доходы, которые он получал бы, если бы отдавал свои деньги в ссуду под верное обеспечение, он должен был, иными словами, быть уверенным, что предприятие принесет известный процент на затраченный капитал. Если бы капиталист не был в этом уверен, он бы предпочел дать деньги займа. Но этого еще мало. Пускаясь в какое-нибудь предприятие, капиталист всегда рисковал всем своим капиталом, а подобного риска он всегда мог избежать, давая деньги займа под верное обеспечение. Отсюда получается двойная прибыль: проценты на затраченный капитал и вознаграждение за риск, т. е. прибыль должна была быть настолько велика, чтобы быть в состоянии при успехе предприятия вознаградить за возможность потери капитала в случае неудачи. Если, например, шансы на удачу и неудачу были одинаковы, капиталист должен был стремиться больше, чем к 100% дохода. Но на деле шансов на неудачу в те времена было больше, чем на удачу. Дела в то время носили большей частью характер очень рискованных спекуляций, это была своего рода лотерея, в которой количество пустых билетов далеко превосходило количество призов. Следовательно, только надежда на очень высокие призы могла соблазнить предпринимателя. Далее, если предприниматель сам заведовал предприятием, он весьма естественно мог требовать той платы, которую он бы получал в качестве заведующего каким-нибудь делом. Другими словами, помимо процентов на капитал и вознаграждения за риск он вправе был рассчитывать еще на вознаграждение за свое знание и опыт в ведении предприятия по бурным волнам торгового моря, в сравнении с которым в то время Северный Атлантический океан являлся только маленьким прудом. Если он за свои услуги требовал прибыли, то такое требование нельзя не признать справедливым.

— Так что, Маргарита, из ваших слов можно заключить, что даже в том случае, если бы капиталист был настроен по отношению к обществу очень гуманно, он не мог в то время без риска понизить размер своей прибыли настолько, чтобы дать возможность рабочим и служащим потреблять больше, чем они были в состоянии?

— Совершенно верно. Корень зла лежал в тех препятствиях, осложнениях, ошибках, риске и ненужных тратах, которыми при частном капитализме неизбежно сопровождался процесс производства и распределения, те самые процессы, которые при коллективном капитализме стали так просты, надежны и успешны.

— В таком случае нет, значит, основания представлять себе наших предков-капиталистов какими-то чудовищами только потому, что их экономическая система дала такие результаты?

— Ни в каком случае. Среди капиталистов, как и среди других классов общества, были и хорошие и дурные люди, и они, подобно другим, вероятно, боролись, сколько могли, против деморализующего влияния той системы, которая через каких-нибудь 50 лет в состоянии была бы само небо обратить в ад.

МАРИАННА ОБЪЯСНЯЕТ, ЧТО ТАКОЕ ПЕРЕПРОИЗВОДСТВО

— Довольно, Маргарита, — сказал учитель. — Теперь я попрошу вас, Марианна, помочь нам в дальнейшем выяснении нашего предмета. Если направление, в котором действовала система прибыли, верно обрисовано вашими предшественниками, то нетрудно понять, что экономическое положение того времени характеризовалось тем, что, с одной стороны, огромные запасы потребительных ценностей были сосредоточены в руках доходовладельцев, которые были рады продать их, а с другой — масса людей, производителей этих ценностей, сильно нуждались в продаваемых продуктах, но не были в состоянии их купить. Согласуется ли такое представление с теми фактами, о которых мы читаем в истории?

— Так согласуется, — ответила Марианна, — что можно подумать, что вы ее читаете.

При этих словах рассмеялся весь класс.

— Опишите, пожалуйста, — только поменьше неуместного юмора, так как для наших предков этот предмет не был

праздной шуткой, — положение вещей, как вы его себе рисуете. Усматривали ли наши предки в этом излишестве товаров в сравнении со спросом на них со стороны покупателей главную причину экономической неурядицы?

— Они действительно считали это излишество главной и постоянной причиной экономической неурядицы. Они вечно жаловались на плохие времена, застой в торговле, избыток товаров, но даже в лучшие времена, в те короткие периоды оживления, которые они называли периодами расцвета промышленности, положение народных масс оставалось, с нашей точки зрения, самым жалким.

— Назовите тот термин, которым наши предки пользовались для обозначения того, что на рынке больше товаров, чем можно продать.

— Перепроизводство.

— Означал ли этот термин, что люди производили большее количество пищи, одежды и других вещей, чем нужно было для удовлетворения их потребностей?

— Нисколько. Народные массы всегда терпели сильную нужду, и особенно горькую нужду они испытывали именно в те периоды, когда торговый механизм был обременен тем, что называлось тогда перепроизводством. Если бы народ получил только доступ к этим имевшимся в избытке вещам, он бы не замедлил найти для них употребление и потребовал бы еще. Вся беда, как уже было сказано, заключалась в том, что прибыль, взимавшаяся капиталистами, фабрикантами и торговцами, ложилась тяжелым бременем на потребителей, так что рабочие и производители не были в состоянии приобрести предметы своего же производства за ту цену, которую они получали за свой труд.

— С чем обыкновенно сравнивают наши историки те условия, в которых общество находилось, когда господствовала система прибыли?

— С состоянием хронической диспепсии, которой наши предки так часто страдали.

— Пожалуйста, проведите подробнее это сравнение.

— При диспепсии больной не в состоянии ассимилировать пищу; он чахнет, хотя бы под руками у него находились всевозможные яства, вследствие невозможности усвоить питательные вещества. Не будучи в состоянии есть столько, сколько нужно для поддержания жизни, больной испытывает боли от несварения желудка; его мучит тягостное ощущение переполненного

желудка, и вместе с тем, вследствие недостатка питания, он страдает от голода. Вот это-то болезненное состояние удивительным образом напоминает собой экономическое положение общества при господстве системы прибыли. Народные массы всегда и во всем терпели нужду, хотя, если судить по тому, как они работали, они в состоянии были бы удовлетворить все свои нужды, но экономическая система лишала их возможности потреблять столько, сколько они производили, и еще больше мешала им производить столько, сколько они могли.

Едва только они успевали утолить первое острое чувство голода, как весь общественный организм подвергался жестоким приступам, совершенно аналогичным болям при несварении или переполнении желудка, которые можно облегчить только путем систематического недоедания. Но такое лечение может играть лишь роль паллиатива: за недоеданием следует снова переполнение и такого рода эксперименты могут продолжаться до бесконечности.

— Не можете ли вы объяснить, почему произошла такая ошибка в терминологии и слово «перепроизводство» применялось к явлению, которое скорее могло быть названо голодом? Почему состояние, которое являлось следствием вынужденного воздержания, рассматривалось как результат пресыщения? По-моему, в данном случае была допущена такая же ошибка, какую совершил бы доктор в своей медицинской практике, если бы он поставил диагноз прожорливости вместо недоедания.

— Эта ошибка произошла оттого, что политэкономы и другие образованные люди, которые одни имели голос в таких случаях, рассматривали экономические вопросы с точки зрения капиталистов, совершенно не считаясь с интересами народа. А с точки зрения капиталистов перепроизводство наступало всякий раз, когда вследствие высоких цен, которые они назначали на товары, последние становились недоступными для народа, — в таком же смысле употребляли термин и политэкономы, которые писали в интересах капиталистов. С точки зрения последних, а следовательно, и политикоэкономов, весь вопрос заключался в положении рынка, а не народа. И тех и других мало интересовало, страдал ли народ от голода или от обжорства; повторяю: для них вопрос заключался в условиях рынка. Их теория, согласно которой спрос вызывает предложение, а предложение отвечает спросу, имела в виду не реальные нужды людей, а искусственно созданные требования рынка, который являлся детищем системы прибыли.

— Что такое представлял собой этот рынок?

— Рынок представлял собой количество людей, имевших достаточно денег для покупки товаров; те же, которые не имели денег, не имели для рынка никакой цены, и так как народ имел мало денег, то он для рынка представлял незначительную величину.

Рынок нуждался только в тех вещах, в которых нуждались люди, имевшие достаточно денег для удовлетворения своих потребностей. Народные же массы, у которых были только потребности, но не было денег, не принимались во внимание, хотя их численное отношение к богатым было как 100 : 1.

Признавалось, что рынок достаточно снабжен товарами, когда он мог удовлетворить все требования состоятельных людей, хотя бы при этом огромное большинство народа терпело во всем недостаток, а многие были лишены самого необходимого.

Считалось, что рынок переполнен товарами, когда он в состоянии был в избытке снабдить всем, в чем нуждались богатые люди, хотя бы в это время на улицах страдания и голод заставляли толпы оборванных людей поднимать восстание.

— Возможно ли что-либо подобное в настоящее время? Возможно ли у нас существование голодных, оборванных людей рядом с многочисленными, переполненными всевозможными товарами складами?

— Конечно нет. Теперь не может быть речи о перепроизводстве, раз есть хоть один нуждающийся. Наша система так устроена, что не может быть слишком мало в одном месте, когда в другом слишком много.

— Каким именем наши предки называли те экономические неурядицы, которые они приписывали перепроизводству?

— Они называли их коммерческими кризисами. Переполнение рынка составляло обычное явление, которое можно было бы назвать хроническим кризисом, но от времени до времени результаты постоянного несоответствия между производством и потреблением, накапливаясь, доводили торговлю до полного застоя. Такого рода период, в отличие от хронического кризиса, наши предки называли острым кризисом или паникой, так как обществом овладевал в это время какой-то слепой страх.

— Какой причине приписывали подобные кризисы?

— Их приписывали всевозможным причинам, но упускали из виду ту, которая их единственно вызывала. Вопросу о кризисах, по-видимому, была посвящена обширная литература. В музеях целые полки уставлены книгами, посвященными этому предмету,

и я старалась изучить их или хотя поверхностно просмотреть с целью уяснить себе данный вопрос. Если б эти книги не были написаны таким сухим языком, они были бы очень забавны, благодаря необычайной наивности, которую их авторы обнаруживают в своих попытках обойти настоящую и единственную причину трактуемых фактов. Они за объяснениями обращаются чуть ли не к астрономии.

— Что вы хотите этим сказать?

— Я уверена, что весь класс подумает, что я сочиняю сказки, но это факт, что одной из наиболее прославленных теорий, которыми наши предки объясняли периодические промышленные кризисы, была так называемая теория солнечных пятен.

В первой половине XIX века промышленные кризисы происходили через каждые 10—11 лет. По случайному совпадению через такой же промежуток времени на солнце являлись пятна, и вот один выдающийся английский политэконом пришел к заключению, что эти солнечные пятна и создают «панику». Впоследствии, впрочем, эта теория была признана неудовлетворительной и для объяснения кризисов была придумана новая теория «отсутствия доверия».

— А это что означало?

— Я не вполне уяснила себе, в чем заключалась эта теория, но, по-моему, было естественно предположить, что экономическая система, приносившая такие результаты, должна была подорвать доверие к себе.

— Марианна, я боюсь, что вы приступили к изучению образа жизни ваших предков, не питая к ним никакой симпатии, а между тем, чтобы понять людей, необходимо сочувствовать им.

— К сожалению, — возразила Марианна, — они настолько отличаются от меня, что, по-видимому, вряд ли я буду в состоянии когда-либо понять их.

Класс захихикал, а Марианна получила позволение сесть на свое место.

ЖАН ГОВОРIT О КОНКУРЕНЦИИ

— Я хочу предложить вам, Жан, несколько вопросов. Мы видели, каким образом система прибыли создала такое положение вещей, при котором рядом с перепроизводством товаров существовала масса народа, которая не имела возможности приобретать их. Теперь назовите нам ту основную черту, ха-

рактрную для торговых сношений прежнего времени, которая выработалась под влиянием переполнения рынка.

— Я думаю, вы намекаете на конкуренцию? — спросил мальчик.

— Да. Итак, объясните нам, что такое представляла собой эта конкуренция, — мы имеем в виду исключительно конкуренцию между капиталистами, — и какие причины породили ее.

— Она обуславливалась, как это явствует из всего предыдущего, недостаточностью потребительных средств большой публики, что, в свою очередь, вытекало из системы доходов. Если бы наемным рабочим и мелким производителям дана была возможность получить на рынке следуемую им долю в общей сумме производства, товары быстро раскупались бы без всякого усилия со стороны продавцов, так как явилось бы столько покупателей, что они искали бы продавцов и в состоянии были бы раскупить все товары. Но так как покупательные средства народных масс, благодаря системе доходов, были ничтожны, то понятно, что между капиталистами велась постоянная и ожесточенная борьба из-за покупателей, которых каждый хотел привлечь к себе. Увеличить общую покупательную сумму, хотя бы на один доллар, нельзя было иным путем, как косвенно или непосредственно увеличив покупательные средства населения, но можно было при помощи различных приемов менять направление покупательной силы, и в этом заключалась вся цель конкуренции. Конкуренция приводила в восторг наших предков, они считали ее жизненным нервом торговли, но, как мы убедились, она в действительности являлась одним из тех многочисленных результатов системы доходов, которые свидетельствовали об уродливых формах потребления.

— Какие приемы пускали в ход капиталисты, чтобы, как они выражались, хорошо поставить дело?

— Эти приемы заключались главным образом в том, что капиталисты сами или через наемных посредников всячески заискивали пред покупателем, самым бесстыдным образом расхваливали свой товар, не забывая при этом поносить своих соперников-продавцов и их товары. Ложь, самая чудовищная и бесцеремонная, была таким обычным явлением в торговле, что если когда-либо торговец и говорил правду, ему тоже не верили.

Из истории мы знаем, что лгать было в обиходе всегда у наших предков, но никогда еще ложь не получала такого распространения, как в XIX веке, когда, благодаря конкуренции, она стала одним из главных устоев жизни. По мнению наших

предков — а их свидетельство в данном случае является весьма компетентным, — обман служил лучшим смазочным средством для всей торговой машины; неудивительно поэтому, если спрос на это средство был неограниченный.

— Но почему, невзирая на это море лжи, в котором утопали наши предки, невзирая на то, что они не останавливались ни перед какими средствами там, где дело шло о сбыте товара, почему все-таки они не в силах были, как вы это утверждаете, увеличить общую сумму потреблявшихся товаров хотя бы на один доллар?

— Нетрудно понять причину. Размер потребления мог быть увеличен только путем увеличения покупательных средств народа. А между тем система заискивания, или, как ее называли, система рекламирования, скорее могла способствовать сокращению потребления, чем росту его.

— Почему так?

— А потому, что рекламы стоили очень дорого и за все эти расходы должны были расплачиваться потребители. Ясно, что последние могли бы покупать гораздо больше, если бы их оставили в покое и вместо трат на рекламы соответственно понизили цены на товары.

— Вы говорите, что для увеличения размера потребления оставалось только одно средство — увеличить покупательные силы народа. Но наши предки утверждали, что именно это и достигалось благодаря конкуренции. Они были того мнения, что конкуренция служила могущественным средством в смысле понижения цен и уменьшения прибыли, что именно этим путем она и способствовала относительному росту покупательных сил широких слоев населения. Было ли это мнение достаточно обосновано?

— Конечно, — ответил юноша, — благодаря конкуренции, благодаря приему «соблазнять покупателя приманкой дешевизны», цены на товары нередко понижались, но это понижение цен было, в сущности, только номинальным, и в общем народ от него очень мало выигрывал, так как оно осуществлялось такими средствами, которые сводили его практический результат к нулю.

— Объясните, пожалуйста, вашу мысль.

— Вполне естественно, что все усилия капиталистов были направлены к тому, чтобы понижение цен не сопровождалось уменьшением барышей. Цель эта достигалась различными средствами. Первое заключалось в том, что продавец понижал качество и истинную ценность тех предметов, на которых он

сбавлял цену; для этого при производстве он широко пользовался фальсификацией материалов. Такой прием практиковался в XIX веке во всех отраслях промышленности и торговли. Он находил применение при производстве всех предметов человеческого потребления. Бесцеремонность предпринимателей доходила до того, что, как передают историки, в то время никто не мог быть уверенным в том, что он получил ту вещь, которую он хотел купить. Вся атмосфера торговли была насыщена ложью и обманом. Многие капиталисты-фабриканты старались увеличить спрос тем, что изготовляли недоброкачественные товары, которые быстро изнашивались. И так практиковалось даже в самых выдающихся отраслях промышленности! В своем стремлении к наживе капиталисты даже свои машины заставляли быть недобросовестными: они умели развращать сталь и медь. Как ни слепы люди были в то время, они, однако, сознавали всю обманчивость мнимых понижений цен, что видно из следующей фразы, которой они характеризовали дешевые товары: что дешево, говорили они, то гнило.

Понятно, что подобная система удешевления товаров обходилась бедному человеку вдвое больше, чем он на ней сберегал. Как яркую иллюстрацию того, насколько обманчива была действовавшая система понижения цен, можно привести пример сапожного дела в конце XIX века. Как известно, благодаря разным чуть ли не магическим изобретениям, стоимость обуви в XIX веке значительно понизилась, и, несмотря на это, все утверждали, что хотя обувь стала значительно дешевле, чем 50 лет назад, когда она шилась руками, но качество ее до того понизилось, что в общем она обходилась не дешевле, чем в прежнее время.

— А помимо фальсификации товаров и применения дешевого труда, фабриканты не прибегали к другим средствам, чтобы сделать возможным понижение цен?

— Существовали еще два других средства. Первое из них заключалось в том, что фабрикант сбавлял плату своим рабочим и таким образом за счет последних делал скидки в расценке своих товаров; это было самое распространенное средство для удешевления товаров. Нет нужды доказывать, что уменьшение жалованья рабочим еще в большей степени парализовало и без того ничтожные покупательные силы народа.

Таким путем отдельные группы капиталистов, которым удалось сбавить жалованье своим служащим, могли рассчитывать на быстрый сбыт своих товаров до тех пор, пока подобной же

меры по отношению к своим служащим не применяли и другие капиталисты. В конце концов этот прием никому не приносил пользы, не исключая и капиталистов.

Наконец системе конкуренции известно было еще третье средство для понижения цен. Средство это заключалось в сбережении и сокращении числа рабочих рук. Применение усовершенствованных машин и новейших изобретений позволяло хозяину рассчитывать часть своих служащих. Средство это в такой же мере, как предыдущее, означало удешевление предметов на счет жалованья, выплачиваемого при производстве этих предметов служащим и рабочим, а следовательно, оно должно было привести к тем же результатам, как и предыдущее, то есть к еще большему понижению покупательных средств народа. В конечном результате народ не только не извлекал никакой выгоды из понижения цен, но терпел даже ущерб от этого мнимого удешевления товаров.

— Вы доказали, — сказал учитель, — что понижение цен на товары, при системе конкуренции происходило, в сущности, на счет мелких производителей или же на счет потребителей, но не на счет предпринимательской прибыли. Хотите ли вы этим сказать, что конкуренция между капиталистами сама по себе не имела влияния на уменьшение прибыли?

— Нельзя отрицать, что конкуренция могла привести к подобному результату, но лишь в тех странах, где вследствие продолжительного господства системы прибыли накопились огромные капиталы, требовавшие какого-нибудь применения, искавшие выхода. Впрочем, даже в тех случаях, в которых понижение цен достигалось на счет уменьшения прибыли, понижение это наступало слишком поздно и было бессильно увеличить потребительные средства народа.

— Почему слишком поздно?

— Потому что капиталист раньше делал все возможное, чтобы вознаградить себя за понижение цен уменьшением жалованья своим рабочим. Это значит, иными словами, что только тогда решался он приносить в жертву свои барыши, когда потребности масс были доведены до минимума и, следовательно, народ не мог уж воспользоваться понижением цен. Когда население доведено до такой крайности, оно уже не располагает больше покупательными средствами, которые можно было бы использовать. И мы видим действительно, что в XIX веке самые низкие цены на товары стояли в тех странах, где народ терпел наибольшую нужду. Таким образом, для экономическо-

го положения данного общества являлось дурным предзнаменованием, когда капиталист должен был жертвовать частью своих барышей. Это обстоятельство служило явным доказательством, что из рабочих масс выжато все, что только возможно было выжать.

— Значит, в общем конкуренция не могла смягчить последствий системы прибыли?

— Я считаю вполне доказанным, что она еще больше усугубляла весь вред этой системы. Отчаянное соперничество из-за обладания какой-либо частью обнищавшего рынка толкало капиталистов на путь неслыханных жестокостей и бессердечия.

— В чем заключались обычные экономические последствия системы конкуренции?

— Система конкуренции толкала вниз по наклонной плоскости все отрасли промышленности и все классы общества, капиталистов наравне с некапиталистами, с силой непреодолимого закона, столь же неминуемого и универсального, как закон тяготения.

Гнет конкуренции раньше всех должны были почувствовать на себе те слои населения, которые располагали наименьшими средствами, то есть рабочие, которые ничего не имели, а за ними — фермеры, которые имели немного больше их. И тех и других нужда заставляла не останавливаться ни пред какими жертвами, лишь бы скорее сбыть свои продукты или свою рабочую силу. На рынках, переполненных вещами и людьми, эти классы должны были пасть первыми жертвами.

За этими классами следовали мелкие капиталисты; оставались одни лишь крупные, которые в интересах самозащиты, с целью избежать общей участи, прибегали к взаимному сплочению своих интересов. Это стремление крупных капиталистов искать защиты для своих предприятий против всесокрушающего влияния конкуренции в организации своих сил посредством так называемых синдикатов и трестов можно считать знаменем времени в дореволюционном периоде.

— Предположим, что Революция не наступила бы, скажите, была ли бы такая система, при которой капитал и контроль над всей промышленной жизнью страны сосредоточены в нескольких единичных руках, хуже системы конкуренции?

— Такая система консолидации народных богатств привела бы, без сомнения, к невыносимому плутократическому деспотизму, и, раз подчинившись его игу, народ никогда не был бы в состоянии его сломить. В этом отношении система консолидации

частной собственности, которая постоянной угрозой висела над страной в дореволюционном периоде, заключала в себе большую опасность в будущем для страны, чем система конкуренции. Что же касается непосредственного влияния этих двух систем на благополучие людей, то вторая из них представляла, пожалуй, некоторые преимущества.

Как особая форма автократии, она допускала возможность, чтоб какой-нибудь доброжелательный деспот возвысился над системой и старался улучшить положение народа. Ничего подобного нельзя было ожидать от капиталистов при системе конкуренции.

— Что вы, собственно, хотите сказать этим?

— Я хочу этим сказать, что при системе конкуренции капиталист не имел возможности проявлять свои добрые чувства, даже если б он и питал таковые. Он не мог быть лучше самой системы. Если бы он старался быть лучше ее, система сокрушила бы его. Он должен был следовать тем же самым приемам, каким следовали его конкуренты, или же терпеть неудачи. К каким бы жестоким и мошенническим приемам они ни прибегали, он должен был им подражать или удалиться с арены борьбы. Самый злой, самый низкий и подлый из всех конкурентов тот, который беспощаднее всех угнетал своих рабочих, самым наглым образом фальсифицировал свои товары и искуснее всех лгал, именно этот и диктовал законы всем прочим конкурентам.

— Очевидно, Жан, что, если б вы жили в первом периоде революционного движения, вы бы очень мало сочувствовали тем реформаторам, которые боялись, чтобы монополии и синдикаты не уничтожили конкуренции.

— Я не могу сказать, оказался ли бы я разумнее своих современников, — возразил юноша, — я могу только сказать, что моя признательность монополистам, сделавшим невозможной конкуренцию, могла бы только сравниться с тем чувством восторга, с которым я приветствовал бы крушение этих самых монополистов, которые должны были очистить дорогу зреющего общественного капитализма.

РОБЕРТ ГОВОРIT ОБ ИЗБЫТКЕ ЛЮДЕЙ

— А теперь, Роберт, очередь за вами, — сказал учитель. — Жан рассказал нам, каким образом избыток продуктов, обусловленный системой прибыли, создал конкуренцию между

капиталистами со всеми ее последствиями. Но помимо избытка товаров на рынке существовал еще другого рода избыток. Какой излишек я имею в виду?

— Излишек людей, — ответил Роберт. — Недостаток покупательных средств со стороны народа, был ли он вызван недостатком работы или низким размером жалованья, обуславливал меньший спрос на товары и, следовательно, меньший спрос на труд. Переполнение складов товарами сопровождалось закрытием фабрик, благодаря чему на улицу выбрасывались массы безработных; другими словами, избытку предметов на товарном рынке соответствовал избыток рабочих рук на человеческом рынке.

И такая отчаянная конкуренция, какая существовала между капиталистами вследствие излишка товаров, предлагавшихся для сбыта, происходила также между рабочими вследствие избытка на рынке не находивших себе применения рабочих рук. Когда капиталист не находил для своих товаров покупателей, он терял лишь деньги, когда же не находили покупателей на свой товар те, которые ничем, кроме мускульной силы и умения работать, не располагали, их ждала неминуемая гибель. Капиталист, если его товары могли хоть сколько-нибудь сохраниться, мог всегда выжидать, рабочие же, жившие изо дня в день трудами своих рук, не могли ждать; они должны были найти покупателя или умереть. И в этом отношении, то есть в смысле недостатка средств для выживания, положение фермера, которого с формальной точки зрения следовало считать капиталистом, было немногим лучше положения рабочего, так как его средства были так ничтожны, что он должен был также заискивать в покупателе, как и рабочий в нанимателе. Именно это давление нужды, которое постоянно испытывали фермеры и рабочие и которое вынуждало тех и других во что бы то ни стало найти немедленно покупателей на свой труд или на свои продукты, и отдавало их всецело в руки крупных капиталистов, пользовавшихся их стесненным положением, чтоб сбавлять жалованье своим рабочим и по возможности меньше платить за продукты мелким самостоятельным производителям.

— А наблюдался ли тот избыток людей, о котором вы говорите, единственно среди рабочих и мелких производителей?

— Наоборот; во всех отраслях торговли, ремесел, науки и искусств замечалось подобное же переполнение; везде на новичка смотрели ревнивыми глазами, так как в каждом вновь выступающем работнике видели соперника в тяжелой борьбе

за существование. Трудно представить себе, чтоб в те времена люди могли находить удовлетворение в своем труде, как бы добросовестно и самоотверженно они ни выполняли его; их постоянно должна была преследовать мысль, что было бы благороднее, если б они уступили свой труд и вознаграждение за него другим, которые в нем более нуждались.

— Скажите мне, Роберт, представляли ли себе наши предки положение вещей таким, каким вы нам его описали? Понимали ли они, что этот избыток предложения труда представлял собой нечто ненормальное в общественном строе?

— Конечно, и это их очень смущало. Этому вопросу была посвящена огромная литература, где разбирается вопрос, почему нельзя найти достаточно работы, несмотря на то что, судя по господствовавшей бедности, такая масса народа нуждалась в предметах первой необходимости. Конгрессы и разные законодательные учреждения постоянно назначали комиссии из ученых людей для специального расследования этого предмета.

— А сумели ли ученые мужи правильно объяснить это явление, указывали ли они, как на его основную причину, на систему прибыли, которая создала несоответствие между производительными силами и потребительными средствами страны?

— Боже упаси! Критиковать систему прибыли считалось в то время равносильным богохульству. Ученые дали этому вопросу соответствующее название — они окрестили его проблемой о безработных — и оставили его в покое.

Наши предки имели обыкновение называть проблемами те серьезные и запутанные вопросы, для решения которых следовало подвергнуть критике основы существовавшего порядка вещей, но они смотрели на эти проблемы как на неразрешимые тайны, скрытые от нас Божественным Провидением.

— Был, однако, в то время, Роберт, один философ-англичанин, который поборол все трудности и осветил тайну перенаселения. Он указал на единственное средство, которое следовало применить, если желали освободиться от избытка рабочих рук, сохранив вместе с тем нетронутой систему прибыли. Помните ли вы его имя?

— Вы имеете в виду Мальтуса?

— Да, в чем заключался его план?

— По его мнению, у бедных людей существовало одно только средство избежать нужды, это не родиться, то есть я хочу сказать, не иметь детей. Этот старик, как вы сказали, был единственный из всей компании, который проник в самую

сущность системы прибыли и убедился, что на земле рядом с прибылью нет места человечеству. И так как он смотрел на современную экономическую систему как на нечто непреложное, установленное Самим Богом, то нет ничего удивительного, если он советовал человечеству убраться со света. Общество считало Мальтуса холодным философом. Может быть, он и был таковым, но в том, что он предостерегал людей от опасности, которая ожидала каждого в этом мире, нельзя не видеть акт человеколюбия. Пока царила система прибыли, должен был развеяться красный флаг, который напоминал бы человечеству о грозящих ему бедствиях.

ЭМИЛИЯ ПОКАЗЫВАЕТ НЕОБХОДИМОСТЬ «ДОБАВОЧНЫХ ТРУБ»

— Я вполне с вами согласен, Роберт, а теперь мы попросим вас, Эмилия, следовать за нами в дальнейшем развитии этой интересной и поучительной темы. Экономическую систему производства и распределения, на которой зиждется вся жизнь общества, можно сравнить с цистерной, снабженной двумя насосами: один из них служить для накачивания воды, это — насос, который можно уподобить производству; другой, служащий для выкачивания воды, соответствует потреблению. Если при устройстве цистерны соблюдены все правила научной техники, то оба насоса по силе должны соответствовать друг другу так, чтобы цистерна могла с одинаковой быстротой наполняться и опорожняться. Но экономическая система наших предков была построена на совершенно иных началах. Вместо полного соответствия между приводящей, снабжающей трубой, то есть производством, и отводящей, то есть потреблением, — вторая, задерживаемая в своем действии шлюзом прибыли, на $\frac{1}{2}$ или даже на $\frac{2}{3}$ отставала от первой. Другими словами, она в состоянии была выпускать $\frac{1}{2}$ или даже только $\frac{1}{3}$ того количества воды, которая в то время накачивалась в цистерну чрез приводящие трубы производства. Так вот, Эмилия, объясните, какие должны были произойти последствия от этого несоответствия между свойствами приводящей и отводящей труб цистерны.

— Такая система, — ответила девушка, — должна была вызывать переполнение цистерны и соответственно этому понижение нагнетательной силы насоса на $\frac{1}{2}$ или $\frac{1}{3}$ первоначальной ее величины.

— Но допустим, — продолжал учитель, — что в той цистерне, которой пользовались наши предки, понижение деятельности насоса производства повлекло бы за собой еще большее замедление и без того слабого тока по отводящим трубам потребления, благодаря тому что народ лишился бы и тех жалких покупательных средств, которыми он раньше обладал в форме заработной платы или платы за продукты?

— В таком случае, — ответила девушка, — раз сокращение производства не только не облегчало, но еще больше парализовало потребление, тогда оставалось одно только средство спасти машину от полного засорения или застоя — это открыть добавочные трубы.

— Совершенно верно. Раз мы довели наши рассуждения до этого пункта, мы в состоянии теперь понять, какую огромную роль играли эти прибавочные трубы в экономической системе наших предков. Мы видели, как при этой системе народные массы продавали капиталистам свой труд и свои продукты, а взамен получали на рынке только ничтожную часть стоимости своего труда и своих продуктов, разница же в виде прибыли присваивалась капиталистами. Мы знаем также, что последние, составляя незначительную горсть населения, могли тратить на свои личные нужды только небольшую долю накопленных барышей. Ясно, что капиталисты, которые одни заведовали бесконтрольно организацией производства, не имели никакого основания добиваться расширения его, раз не был обеспечен сбыт тех товаров, которые уже обращались на рынке. С другой стороны, малейшее сокращение производства, как мы видели, пагубно отражалось на покупательных средствах рабочего класса и, следовательно, роковым образом опять приводило к относительному перепроизводству, то есть к накоплению в складах излишка товаров. Вопрос, значит, сводился к следующему: какие средства должны были капиталисты пустить в ход, чтоб сбыть тот излишек своих продуктов, который оставался у них после того, как они все, что могли, употребили на свои собственные нужды?

— Конечно, — сказала Эмилия, — прежде всего надо было так употребить излишек продуктов, чтоб он больше не возвращался, то есть чтоб он бесследно канул, подобно капле в море воды. Это достигалось бессмысленными непроизводительными затратами. Можно различать два вида таких затрат: 1-й заключался в помещении капитала в разных непроизводительных

промышленных и коммерческих предприятиях, существование которых было возможно исключительно благодаря конкуренции; 2-й — в производстве предметов роскоши.

— Расскажите нам сначала о первом способе непроизводительной траты капиталов.

— Первого рода предприятия организовались не потому, что увеличивался спрос на прежние предметы или возникал спрос на новые, а с единственной целью добиться перемещения предприятий из рук одного капиталиста в руки другого.

— Но разве подобного рода перемещение вызывало много бесполезных затрат?

— О том, как велики были эти затраты, можно судить по тому, что 95 % таких предприятий обыкновенно кончались в то время банкротством. На что указывает этот факт, засвидетельствованный современниками, как не на то, что капиталисты старались удовлетворять потребности, которые или вовсе не существовали или давно уже были удовлетворены?

С другой стороны, тот же факт, если он хоть отчасти соответствовал истине, может дать нам представление о том, как велики должны были быть накопленные барыши, если можно было их так непроизводительно тратить. При этом следует иметь в виду, что если какому-либо капиталисту даже удавалось вытеснить другого капиталиста и лишить его возможности продолжать свое дело, результат получался тот же с точки зрения общезкономической, как если б он обанкротился: и в том и в другом случае чей-нибудь капитал пропадал даром, и все различие заключалось в том, что в первом случае это был капитал прежнего предпринимателя, а во втором — капитал новичка, впервые выступившего на арену промышленной борьбы. В тех странах, где описанная экономическая система достигла некоторого развития, во всех отраслях торговли и промышленности существовало гораздо больше предприятий, чем этого требовали нужды населения, а в оборот пускалось больше денег, чем было шансов на их возвращение. Для того чтобы новый капитал мог найти себе применение, он должен был вытеснить старый, уже находившийся в обороте. Огромные суммы накопившихся в руках капиталистов барышей должны были искать себе выхода на тех самых рынках, обнищанию которых они же способствовали. Благодаря этому создавалась атмосфера безумной конкуренции, которая, по сохранившимся сведениям, подобно пожирающему пламени, уничтожала огромные капиталы.

— А теперь расскажите нам о других непроизводительных затратах, посредством которых старались понизить давление в цистерне с тем, чтоб дать возможность насосам работать дальше. Я имею в виду тот труд, который затрачивался на производство предметов роскоши. Что такое роскошь?

— Этот термин в эпоху, предшествовавшую Революции, означал непроизводительную трату денег на удовлетворение требований утонченной чувственности, которую позволяли себе богатые в то время, как народные массы нуждались в самом необходимом.

— В каких формах проявлялась роскошь?

— Она проявлялась в самых разнообразных и прихотливых формах: то в постройке великолепных, по-царски обставленных дворцов, то в содержании многочисленного штата прислуги, в иных случаях — в богатой сервировке стола, в роскошных экипажах, яхтах для прогулок, в других — в дорогой одежде, драгоценных камнях и тому подобных безумных прихотях. Богатые всегда изощрялись над расходом своих излишков в то время, как народ жил в нищете. Целые армии рабочих были всегда заняты изготовлением всевозможных предметов роскоши и тщеславия. Это было как будто намеренное издевательство над бедняками, которые приготавливали все эти изысканные вещи и в то же время не в состоянии были удовлетворить своих скромных насущных потребностей.

— В каком свете представляются вам эти траты на предметы роскоши с точки зрения нравственности?

— Если бы общество достигло той степени благополучия, которая позволяла бы всем членам его одинаково производить подобного рода траты, — ответила девушка, — тогда то или иное проявление роскоши было бы делом вкуса. Но роскошь наших предков, их непроизводительная трата богатств среди окружавшей их нищеты и страданий свидетельствуют о таком бессердечии, которого нельзя было бы допустить у цивилизованных людей, если б оно не подтверждалось неопровержимыми фактами. Представьте себе собрание пирующих на банкете людей. Вообразите себе, что в то время, как эти люди ликуют и веселятся, в углах того же зала притаились кучки голодных бедняков, которые жадно следят за каждым куском, который пирующие кладут в рот. Такую именно картину представляла собой жизнь богатых классов в больших городах Америки, Англии, Франции и Германии, с той только разницей, что нуждавшиеся и голодные находились не внутри пирушественного зала, а на улице.

Но разве в оправдание роскоши не ссылались на то, что благодаря ей получала работу масса людей, которые иначе остались бы без занятий?

— Но что вызвало само существование безработных? Почему люди готовы были угождать всем требованиям и прихотям капиталистов и продавать себя для самых унижительных работ? Не потому ли, что благодаря системе барышей капиталисты низвели потребительные средства народа до ничтожнейших размеров в сравнении с его производительными силами и этим самым они сузили поле полезного применения труда, которое при разумной системе, какая господствует, например, в наше время, должно быть настолько обширным, чтоб на нем для всех нашлась работа, так чтобы могли быть удовлетворены в одинаковой степени потребности всех членов общества.

— Тот мотив, который, как вы указали, наши предки приводили в оправдание роскоши, является лишь попыткой последствиями одного зла оправдать существование другого.

— Моралисты всех веков, — заметил учитель, — осуждали роскошь богачей. Почему их проповеди не оказывали никакого влияния?

— А потому, что они не понимали экономической основы того явления, которое они бичевали. В своей близорукости они не разглядели, что в прежние эпохи роскошь составляла экономическую необходимость: как вы доказали своим сравнением с цистерной, без трат на предметы роскоши производство не могло бы функционировать. Эти траты в такой же степени являлись необходимостью, в какой необходимым является при некоторых гнойных процессах в организме прокол для выпуска гноя. При нашей системе богатства распределяются между всеми членами общества так же равномерно и свободно, как и кровь, циркулирующая в здоровом теле. Но когда богатства сосредоточиваются в руках незначительной части общества, как это было при прежнем режиме, они теряют свою живую силу, как это бывает с кровью, когда она в известных органах застаивается, превращаясь в яд, от которого нужно освободиться во что бы то ни стало.

В этом смысле на роскошь следовало смотреть как на рану, которую нужно было держать открытой, если хотели продолжать систему доходов.

— Вы говорите, — сказал учитель, — что в интересах производства необходимо было избыток доходов употреблять на разные непроизводительные предприятия. Но неужели доходоповладельцы

не могли придумать употребления более разумного для своих барышей, чем ведение беспощадной борьбы с конкурентами, и более соответствующего чувству гуманности, чем удовлетворение утонченных чувственных удовольствий в то время, когда кругом них царила такая ужасающая нужда?

— Конечно, если бы капиталисты смотрели на дело с точки зрения гуманности, они бы могли найти другое, менее безнравственное употребление для избытка своих доходов, который являлся тормозом для производства. Они могли его периодически сжигать на костре в виде жертвы богу «Наживы».

— Я согласен, что с нравственной точки зрения сжигание на кострах избытка богатств было бы безусловно более поучительным зрелищем для людей и богов, чем непроизводительная трата на предметы роскоши, чем это откровенное издевательство над горькой нуждой бедняков. Но как насчет экономических последствий вашего плана?

— Они представляются мне столь же выгодным в экономическом, как и в нравственном отношении. Процесс растрачивания избытка доходов на борьбу с соперниками и на производство предметов роскоши был очень длителен и сопровождался перерывами, в которых производительная промышленность бездействовала, а рабочие томились в нужде и праздном ожидании, пока излишек старого производства не найдет себе сбыта, чтоб очистить место для нового. Но если б весь излишек прибыли сразу уничтожался, производство шло бы правильным ходом, не встречая на своем пути препятствий.

— Но что стало бы с теми рабочими, которые были заняты в производстве предметов роскоши? Разве они не очутились бы без всяких занятий, если бы роскошь была упразднена?

— Наоборот, периодические жертвоприношения, о которых я говорю, еще больше увеличили бы спрос на предметы роскоши — материал для костров. Во всяком случае, такое употребление было бы куда более достойным, чем помогать капиталистам тратить на безумные прихоти то, над чем в поте лица своего трудились их бедные братья. Но самая главная выгода процесса сжигания остается еще впереди. После нескольких годичных жертвоприношений, может быть, даже после первого, так сказать, живого предметного урока возник бы сам собою вопрос, так ли уж привлекательны нравственные принципы системы прибыли, чтобы ради их сохранения стоило приносить такие огромные экономические жертвы.

— А теперь, Карл, вы поможете нам разрешить один вопрос, касающийся совести. Мы тут, один за другим, рассказали очень скверную историю о системе доходов, — скверную как с точки зрения нравственной, так и экономической. Но, может быть, мы поступили несправедливо? Может быть, мы нарисовали слишком мрачную картину? Что касается нравственной точки зрения, то вряд ли в чем-нибудь мы можем себя упрекнуть, так как трудно подобрать достаточно сильные выражения, которые могли бы дать надлежащую оценку тому грубому издевательству над народом, которое заключала в себе разбираемая система. Но, может быть, мы слишком строго отнеслись к ее экономической несостоятельности и чересчур мрачными представили те перспективы, которые ожидали человечество в будущем, если бы эта система держалась? Можете ли вы нас успокоить на этот счет?

— Очень легко, — ответил Карл. — Ничто так не убеждает нас в безнадежности этих перспектив при капиталистическом строе, как свидетельство самих политэкономов XIX века. Хотя они представить себе не могли, чтоб основой экономической системы могло служить что-либо другое, помимо частного капитала, тем не менее они не питали никаких иллюзий относительно его последствий. Они были не только далеки от того, чтоб ободрять человечество и обещать ему лучшее будущее, если оно мужественно перенесет все зло настоящего, а, наоборот, они очень убедительно учили и доказывали, что господствовавшая система неизбежно должна вызвать полный застой в промышленности и привести ее на край гибели.

— Какие доказательства они приводили?

— Они так же, как и мы, признавали, что при системе ренты, процентов и доходов капитал обнаруживает тенденцию концентрироваться в руках немногих лиц, потребительные же средства народа, наоборот, не только не проявляют подобной тенденции, но убывают или же, в лучшем случае, остаются в одном положении. Из такого несоответствия между производством и потреблением логически вытекало то, что капиталисты тем меньше могли рассчитывать извлечь выгоды из помещений своих капиталов в производительных предприятиях, чем больше в их руках накапливалось богатств. Так как отечественный и иностранный рынки были переполнены

товарами, то под давлением конкуренции капиталисты вынуждены были искать новых предприятий для помещения своих капиталов и, доведя плату своих рабочих до возможного минимума, браться за все, что на рынке могло сулить им барыши, которые бы сколько-нибудь оправдывали риск. Таким образом существовал известный минимум прибыли, и когда положение промышленности принимало такой характер, что капиталисты не могли рассчитывать на него, они предпочитали вовсе прекратить свои дела и, следовательно, обречь производство на смерть.

— И все это, говорите вы, политэкономы XIX века сами предвидели?

— Да, я могу привести множество цитат из классических произведений того времени, которые заключают в себе подобные предсказания, и, право, мне кажется, не надо было быть пророком, чтобы предсказать все это.

— Насколько в эпоху, непосредственно предшествовавшую Революции, был близок мир, или, точнее, те страны, где промышленность достигла наибольшей степени своего развития, к экономической катастрофе?

— Они были у самого порога ее. Наиболее прогрессивные в промышленном отношении страны истощили совершенно свои собственные рынки и с отчаянием боролись за обладание иностранными рынками. Проценты с капитала в Англии упали до 2 %, и этот факт показывает, как велик был в то время избыток капиталов; что же касается Америки, то в каких-нибудь 30 лет доходность с 7—6 % упала до 4—3 % и с каждым годом ценность денег все больше понижалась. Производительная промышленность словно попала в сети, в которых она бессильно металась и билась в судорогах агонии. В Америке наемные рабочие превратились в пролетариев, а фермеры быстро приближались к положению обезземеленных арендаторов.

Таково было положение вещей, когда наконец всеобщее недовольство, поддерживаемое горечью настоящего и опасениями еще худшего будущего, пробудило в народе в исходе XIX века потребность положить раз и навсегда конец господству частного капитала.

— Следует ли понимать ваши слова в том смысле, что хронический упадок производства, близкий к полному застою, мог спокойно уживаться рядом с нуждой и совершенной необеспеченностью народных масс?

— Именно так. Удовлетворение потребностей масс, как мы уже неоднократно говорили, при системе прибыли никогда не входило в задачи производства. По мере того как промышленность все больше приближалась к своей точке замерзания, все больше росла и обострялась борьба между капиталистами из-за более выгодного помещения своих доходов, и вместе с ней росли бедствия народа. В разгаре конкуренции капиталисты прежде всего старались понизить цены на товары, но понижение цен влекло за собой уменьшение заработной платы и платы за продукты мелких производителей. Таким образом еще раньше, чем прибыль предпринимателей терпела чувствительный ущерб, конкуренция наносила жестокий удар трудящимся массам. То, что политэкономы прежнего времени называли состоянием застоя в производстве, означало не что иное, как доведенную до крайней степени нужду, на которую в течение неопределенно долгого времени обречен был народ.

— Довольно, Карл; вам удалось рассеять все наши опасения. Мы боялись раньше, что, может быть, мы слишком строго и несправедливо отнеслись к системе доходов. Это опасение должно рассеяться теперь, когда из вашего описания мы узнали, какого рода перспективы рисовали себе сами защитники этой системы. Что еще можно прибавить к их описаниям, к той характеристике, которую они давали экономической системе своим предсказанием, что в конце концов она должна привести производство к состоянию полного застоя? Что сказать об экономической системе, которая обрекает производство на прозябание в то время, когда огромные массы народа нуждаются в пище и одежде?

Так вот какими надеждами на лучшее будущее политэкономы того времени могли утешать и ободрять массы рабочих, терпевших и холод и голод! Эти лучшие дни на деле оказались бы самыми худшими и безнадежными для трудящегося человечества, которое было бы даже лишено надежды на возможность улучшений.

Должны ли мы после всего сказанного удивляться, что наши предки смотрели на политическую экономию как на мрачную науку; ничто, в самом деле, не могло быть проникнуто таким мрачным, безысходным пессимизмом, как те учения, которые она проповедовала. И безотрадн была бы судьба человечества, если бы политическая экономия действительно оказалась достойной названия науки.

ЭСФИРЬ ВЫЧИСЛЯЕТ, ВО ЧТО ОБОШЛАСЬ ЧЕЛОВЕЧЕСТВУ СИСТЕМА ДОХОДОВ

— А теперь, Эсфирь, — продолжал учитель, — я попрошу вас сделать маленький подсчет, во что обошлась нашим предкам доставшаяся им привилегия в виде системы доходов. Маргарита дала нам полное представление о том, как велики были непроизводительные траты, которые вызывались конкуренцией и производством предметов роскоши. Но скажите, исчерпывалось ли этими двумя видами непроизводительной траты капитала все то, что стоила народу система доходов?

— Эти две формы трат не дают даже и слабого представления о том, каких жертв требовала от народа система барышей, — ответила девушка, которую учитель назвал Эсфирью. — Если бы всю сумму богатств, потраченную на конкуренцию и роскошь, предоставили в пользование народу, этим, конечно, могли бы значительно поднять общий уровень благосостояния, но не следует думать, что одной непроизводительной тратой капитала ограничивался весь ущерб, который обществу наносила система доходов. Вред ее, главным образом, заключался в том, что она тормозила производство и не давала выхода могучим, творческим силам человека. Представьте себе, если бы народу, в огромной своей массе погруженному в нищету и страдавшему от лишений, дали возможность удовлетворить все свои нужды и вести достойную человека жизнь, подумайте, какое количество добавочного богатства потребовалось бы для удовлетворения всех нужд потребления. Это соображение может служить основанием для вычислений количества ценностей, которые американцы или какой-либо другой народ того времени должен был бы и мог производить, если бы только ему не препятствовала система доходов. Можно с полным основанием предположить, что производство при иных условиях возросло бы в 7–8 или в 10 раз.

— Но скажите нам следующее: была ли Америка в конце XIX века в состоянии расширить свое производство настолько, чтоб удовлетворить спрос со стороны народа?

— Это не подлежит никакому сомнению. В XIX веке техника сделала огромные успехи и умножила в несколько сот раз производительные силы промышленности. В последней четверти XIX века в Америке, как и в других прогрессивных странах, плодовые растения в состоянии были в течение 6 месяцев давать столько продуктов, сколько их могло бы хватить

для всего населения на целый год. И количество этих растений могло быть увеличено до бесконечности. Таким же образом искусственно задерживались и успехи земледельческой культуры, так как обильный урожай при системе доходов грозил фермерам разорением. Как уже было здесь упомянуто, еще старые политэкономы высказывали, что размеры производства могли бесконечно расти, если бы существовала только уверенность в соответствующем нарастании спроса.

— Можно ли найти в истории пример, когда народ приносил бы другой тирании такие же жертвы, какие от него требовала система доходов?

— Я уверена, что такого примера не найдется, и я вам объясню, почему я так думаю. Свободному развитию часто мешали реакционные учреждения, и для того, чтобы подвигаться вперед, нужно было разрушать их, и человечество всегда шло навстречу свержению таких учреждений. Но никогда еще мир не был так подготовлен для великого и быстрого социального переворота, как в периоде, предшествовавшем Революции. Промышленные и механические силы, которые сдерживались системой доходов, нуждались только в снятии этой узды, чтобы, словно по мановению волшебного жезла, сразу изменить весь экономический строй. Но все то, о чем мы говорили, составляет только огромные материальные потери, которые причиняла нашим предкам их экономическая система; как бы они сами по себе ни были значительны, они кажутся ничтожными в сравнении с той неизмеримой потерей, которую человечество понесло в смысле счастья. Я говорю о нравственном ущербе, о той сумме несправедливости и слез, горьких лишений, погибших духовных сил, которыми человечество платило за каждый день господства частного капитализма: нет слов, которые в состоянии были бы выразить все количество причиненного им зла.

О ТОМ, ЧТО ДО РЕВОЛЮЦИИ НЕ СУЩЕСТВОВАЛО ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМИИ

— Довольно, Эсфирь. А теперь, Жорж, я хочу, чтобы вы нам рассказали об одной специальной группе ученых, которые согласно своим профессиональным занятиям, должны были сами знать и обязаны были разъяснять народу то, что нам представляется теперь столь понятным, а именно что система прибыли заключала в себе непримиримые экономические противоречия

и грозила человечеству неисчислимыми бедствиями. Я говорю о политэкономах.

— Никакой политической экономии до Революции не было, — возразил юноша.

— Но существовала ведь многочисленная группа ученых, которые называли себя политэкономами?

— О да; но они неправильно присвоили себе этот ярлык.

— Почему вы так думаете?

— А потому, что до Революции никто, за исключением разве тех, которые содействовали ее наступлению, и понятия не имели, что такое политическая экономия.

— А что это такое?

— Экономией, — ответил юноша, — называется разумная хозяйственная организация производства и распределения богатств. Индивидуальная экономия есть наука о хозяйстве, которое преследует интересы одной только личности без отношения к интересам других. Семейная экономия — это хозяйство в интересах какой-нибудь семейной группы без отношения к интересам других групп. Политическая же экономия может только означать хозяйство, которое стремится к достижению наибольших выгод для всех, составляющих одну какую-нибудь политическую организацию. Такого рода хозяйство необходимым образом предполагает общественное или государственное регулирование экономических вопросов в интересах всех граждан. Но до Революции общество не имело представления ни о подобной экономии, ни об организации, которая была бы в состоянии выполнить ее истинные функции. Все экономические системы и доктрины, которые были известны дореволюционному времени, проникнуты, как в теории, так и на практике, духом узкого индивидуализма. В то время как в разных других отношениях наши предки до известной степени придерживались принципов общественной солидарности, политического единства и строгого соответствия между правами и обязанностями, в вопросах, касавшихся приобретения и распределения богатств, они в теории и на практике проявляли самый узкий индивидуализм и самые грубые противообщественные инстинкты.

— Просматривали ли вы когда-нибудь в исторической библиотеке те трактаты, которые наши предки называли политико-экономическими?

— Признаюсь, — ответил мальчик, — я прочел лишь название произведения, которое стояло во главе этой литературы, и

счел возможным ограничиться одним заглавием. Название этой книги «Богатство народов». В настоящее время, когда организация производства и распределения богатств находится в руках народа и преследует интересы народа, это было бы прекрасное заглавие для какого-нибудь политико-экономического произведения; но какой был смысл назвать так книгу, написанную сто лет тому назад, то есть раньше, чем зародилась даже идея о национальной экономической организации, и написанную с единственной целью научить богатых сделаться еще богаче на счет своих сограждан или, в лучшем случае, ценой полного равнодушия к их материальному благополучию? Я встречал на многих так называемых политико-экономических произведениях того времени в виде подзаглавия слова «Наука о богатстве». Но какое, скажите, отношение мог иметь защитник частного капитализма и системы доходов к науке о богатстве? Азбука истинной науки о производстве богатств требует установления гармонии труда, согласования разнообразных усилий, между тем как те писатели, о которых мы говорили, квинтэссенцией экономической системы считают борьбу, соперничество, непримиримый антагонизм интересов.

— При всем том, — сказал учитель, — главная ошибка этих так называемых политико-экономических трактатов заключалась только в бессмысленности их заглавий. Исправьте название, и эти произведения, как документы известных периодов, приобретают неоспоримую ценность. Например, им можно было бы дать следующее название: «Исследование экономических и социальных результатов попытки обходиться без всякой политической экономии». Не менее подходящим для них названием могло бы служить следующее: «Этюды о естественном течении экономической жизни страны, в которой господствует анархия и ничто не регулирует взаимных отношений в интересах общего блага». Если мы будем смотреть на упомянутые произведения с точки зрения рекомендуемых нами названий, то есть как на добросовестное описание тех гибельных последствий, к которым привел частный капитализм, тогда мы поймем их настоящую ценность и практическое значение. Анализируя детально различные явления в области промышленности и торговли того времени и их воздействия на социальные учреждения, авторы с очевидностью показывают нам, что результаты частно-капиталистического строя не могли быть иными, чем они были в действительности. Было бы наивно предполагать,

что при добрых намерениях можно было достигнуть других результатов, несмотря на господство старых законов. Хотя язык этих произведений тяжелый и не отличается ясностью, но я всегда был того мнения, что никакие другие документы дореволюционного периода не могли с такой силой убедить разумных людей в том, что дальнейший прогресс человечества немислим, пока не будет положен конец господству частного капитала. Роковая и непонятная ошибка этих авторов заключалась в том, что они явились проповедниками того, что сами себе плохо уяснили. Только умственным ослеплением можно объяснить то, что эти люди позволяли себе смотреть на варварские пережитки как на фундамент социальной науки; они не могли понять той простой истины, что сама идея о научном и социальном порядке требовала для своей реализации прежде всего уничтожения варварских условий существования.

Что же касается настоящего урока, то, чтобы закончить его, нам остается выяснить еще 2—3 пункта. Мы все время говорили о взимании прибыли, но это был только один из трех главных методов, посредством которых капиталисты собирали свою дань с рабочего мира, приобретая и поддерживая этим свое могущество. Какие были другие два метода?

— Рента и проценты.

— Что представляла собой рента?

— В то время, — ответил Жорж, — не существовало разумного и равномерного распределения земельных участков, как теперь. Вообще не существовало естественного права на землю. С другой стороны, если кому-нибудь удавалось захватить землю, то ничто не мешало такому хищническому захвату, хотя б он простирался на целые провинции. Естественным результатом такого порядка было то, что земля оказалась почти вся в руках сильных и хитрых, а большинство народа осталось ни с чем. Дальше: землевладелец имел право прогонять каждого со своего участка и наказывать тех, которые вздумали бы без его согласия поселиться на нем. Но те, которые не имели земли и нуждались в ней, поневоле должны были обращаться к капиталистам. Вот та плата, которую капиталисты назначали за то, что позволяли народу жить на их земле, называлось рентой.

— Быть может, эта рента представляла собой вознаграждение за те экономические услуги, которые рентополучатели оказывали обществу?

— Что касается платы за пользование землей, независимо от каких бы то ни было улучшений, произведенных на ней, то она

взималась не за какие-либо услуги, а как своего рода выкуп, который получал собственник, благодаря своему праву прогонять арендатора. Последний платил не за что-либо сделанное для него, а за гарантию, что ничего не будет сделано против него.

— А теперь расскажите о процентах. Что надо понимать под этим словом?

— Процентом называлась плата за пользование деньгами. В настоящее время коллективная администрация руководит всеми промышленными силами нации в интересах общего блага, но в те времена все экономические предприятия имели целью наживу, а предприниматели нуждались в деньгах, которые они должны были уплачивать за разного рода услуги. Деньги являлись, таким образом, необходимым орудием, без которого предприниматель не мог обойтись. Естественно, что плата за пользование этим орудием должна была быть довольно значительна. Эта плата и называлась процентом.

— Быть может, те, которые давали деньги займа, этим самым оказывали обществу экономическую услугу и процент являлся справедливым вознаграждением за эту услугу?

— Нисколько. Отдавая деньги займа, разве кредитор не устранялся добровольно от экономической деятельности, разве он не отказывал часть своих сил в пользу должника? Процент, следовательно, являлся вознаграждением за то, что один давал возможность делать другому то, что он сам мог бы делать, но не хотел. Это была дань, которую бездействие наложило на деятельность.

— Если бы в одну ночь умерли все землевладельцы и землевладельцы, была ли бы такая потеря ощутительна для общества?

— Ни в малейшей степени, раз они после себя оставили бы землю и деньги. Их экономическая роль была чисто пассивная, и в этом заключалась огромная разница между ними и капиталистами: последние, хороши ли они были или нет, всегда были деятельны.

— В чем выражалось общее влияние процентов и ренты на потребление, а следовательно, и на производство страны?

— Оно выражалось в том, что задерживало то и другое.

— Каким образом?

— Точно таким же образом, как и взимание прибыли. Те, которые получали ренту, были весьма немногочисленны, платили же ее почти все. Получателей процентов было очень мало, плательщиков же, наоборот, было очень много. Проценты и рента, подобно предпринимательской прибыли, вели к постоянному

понижению покупательных средств широких масс и к сосредоточению этих средств в руках небольшой группы людей.

— Что вы можете сказать о сравнительном действии этих трех процессов в смысле разрушительного влияния их на народное потребление последовательно, на общий спрос?

— Это действие было различно в разные эпохи и в разных странах; оно находилось в тесной зависимости от степени экономического развития. Частный капитализм многие сравнивали с быком о трех рогах; рога эти, символизировавшие ренту, проценты и прибыль, различались между собой по длине и силе в зависимости от возраста животного. В Соединенных Штатах, например, в ту эпоху, которой посвящен настоящий урок, прибыль представляла собой самый крепкий из всех трех рогов, хотя и остальные два росли с ужасающей быстротой.

— Итак, Жорж, — сказал учитель, — мы видели, что еще задолго до Революции было признано истиной, как и теперь, что размер производства должен исключительно определяться потреблением. Мы видели, как прибыль в союзе с рентой и процентами довела мир до нищенского состояния, как они уродовали потребление, ограничивали производство и все покупательные средства сосредоточили в руках единичных лиц. В этом заключалась дурная сторона их влияния. Раньше, чем покончить с этим предметом, я хотел бы, чтобы вы нам рассказали, в чем состояла хорошая сторона их влияния, Исходя из той истины, что производство регулируется единственно потреблением, какого правила следует держаться при распределении продуктов производства для того, чтобы развить до возможно большей степени потребление и таким путем вызвать наибольший спрос?

— Для этого все продукты производства должны быть поровну разделены между всеми членами общества.

— Объясните, почему это так должно быть.

Это само собой очевидно. Чем больше количество людей, между которыми требуется, скажем, разделить хлеб или что-нибудь другое, и чем равномернее производится это деление, тем скорее съедят его и тем больше хлеба опять потребуют. Проще эта мысль может быть выражена так: потребности у всех людей, по существу, одинаковы, так как они вытекают из одинакового физического сложения, которым наделила их природа. Равномерное распределение между всеми необходимых вещей — вот руководящий принцип, которому должно следовать, если желают добиться наибольших размеров потребления. Итак, равное

распределение продуктов и есть то правило, следуя которому можно достигнуть наибольшего количества потребления и, как непосредственного результата последнего, наибольшего размера производства.

— Покажите, с другой стороны, какое действие окажет на потребление неравномерное распределение продуктов?

— При неравномерном распределении продуктов у одних должно оказаться больше, чем они в состоянии потратить, а у других в то же самое время меньше того, чем им нужно, так что, в общем, размер потребления оказывается меньше в сравнении с тем, каким он мог бы быть при равномерном распределении продуктов. Если бы, например, миллион долларов разделили поровну между 1000 людей, деньги были бы немедленно истрачены на необходимые вещи, и явился бы спрос на еще большее количество продуктов; но если бы этот миллион очутился в руках одного человека, то как бы ни была велика его потребность в роскоши, он все-таки не мог бы даже и сотой доли своего капитала истратить в тот же промежуток времени. Основной закон науки об общественном богатстве состоит в том, что существует прямое пропорциональное отношение между размером потребления и числом людей, среди которых распределена общая сумма покупательных средств: чем больше количество людей, среди которых разделена данная сумма, тем выше размер потребления и высшей своей точки последнее достигает, когда сумма покупательных средств равномерно распределена между всеми потребителями.

— Вы не подчеркивали того факта, что формула самого широкого, то есть равномерного распределения богатств между всеми членами общества есть вместе с тем та формула, практическое осуществление которой обеспечивает человечеству наибольшую сумму счастья.

— Я говорил исключительно об экономической стороне вопроса.

— Не были ли бы поражены старые политэкономы, если бы они слышали, что вся тайна совершенной системы производства заключается в полной гармонии между ней и учением Христа о всеобщем равенстве.

— Очень возможно, так как у них были две науки о человеческих отношениях: одна — нравственная, другая же — экономическая и, сообразно с этим, два способа мышления совершенно различного характера. Мы лучше их проникли в сущность вещей: мы знаем теперь, что существует только одна наука о

человеческих отношениях, при каких бы то ни было обстоятельствах, и это наука этическая. Те экономические положения, которых нельзя согласовать с принципами морали, ложны. В конце концов только то вполне экономично в большом масштабе, что вполне нравственно. Так что не по случайному стечению обстоятельств, а в силу логической необходимости одно и то же слово «равенство» является высшим выражением обеих наук, экономической и этической. «Золотое правило» в его социальном применении есть залог как материального благополучия, так и душевного мира.

Глава XXIII

ПРИТЧА О БАССЕЙНЕ ВОДЫ

— Довольно, Жорж, этим мы заключим нашу беседу. Она приняла более широкий характер, чем я предполагал, и, чтобы пополнять предмет, мне приходится назначить еще маленькое заседание сегодня после обеда.

А теперь, чтобы закончить утро, я предложил бы со своей стороны выслушать маленькое сообщение. На днях я копался в литературных реликвиях великой Революции с целью отыскать среди них какой-либо материал, который мог бы служить иллюстрацией к нашей теме. Я наткнулся на небольшой памфлет, совершенно пожелтевший от времени. Немало труда я должен был потратить, чтобы разобрать его. Он оказался занимательной, хотя и зло написанной сатирой на систему прибыли. Я подумал, что предшествовавшая беседа достаточно подготовила нас, чтобы по достоинству оценить этот документ. Предо мной копия, которую я снял с него. Он озаглавлен: «Притча о бассейне воды» — и содержание его таково:

«Существовала когда-то очень сухая страна, обитатели которой испытывали страшную нужду в воде. С утра до ночи они проводили время в поисках за водой, и многие погибли, потому что не могли ее найти.

Но в этой же самой стране нашлись люди более ловкие и настойчивые, чем остальные, которым удалось собрать большой запас воды в то время, когда другие ничего не могли найти, и эти люди назывались капиталистами. И случилось так, что обитатели той страны пришли к капиталистам с мольбой дать им испытать воды из своих запасов, так как их сильно мучит жажда.

Капиталисты на их мольбы ответили так:

— Уходите, глупые люди! Зачем стали бы мы давать вам воду, которую мы собрали для себя? Не для того ли, чтоб и мы очутились в вашем положении и должны были погибнуть вместе с вами? Но вот что мы сделаем для вас. Сделайтесь нашими слугами, и вы будете иметь воду.

И народ сказал:

— Дайте нам только воду, и мы будем служить вам, мы и наши дети.

И так оно было.

Капиталисты были очень умны и сообразительны для своего времени. Они разделили тех, которые стали их слугами, на группы, с капитанами и офицерами во главе, послали одних копать источники, других таскать воду из этих источников, третьих отыскивать новые источники. Всю воду собрали в одно место, и для этого капиталисты велели выстроить большой бассейн, который назывался «Рынком», так как сюда приходили люди из народа, они же слуги капиталистов, брать воду. И капиталисты говорили народу:

— Внимайте: за каждое ведро воды, которое вы приносите и которым мы наполняем наш бассейн — имя же ему Рынок, — вы будете получать по центу! Но за каждое ведро воды, которое мы будем черпать из бассейна для вас, дабы вы, ваши жены и дети могли пить, мы будем брать с вас 2 цента, а разница пусть составит нашу прибыль, так как именно ради этой прибыли мы и делаем для вас то, без чего вы бы погибли.

И показалось это хорошо в глазах народа, ибо он был туп и непонятлив; итак, народ продолжал приносить воду в бассейн; и еще за каждое ведро, которое они приносили, они получали от капиталистов по 1 центу, но за каждое ведро, которое капиталисты черпали из бассейна, чтобы давать его обратно народу, последний платил капиталистам по 2 цента.

И через много дней такой работы бассейн, имя которому был Рынок, переполнился водой через край, так как за каждое ведро, которое народ приносил, он получал плату, которая давала ему возможность покупать только полведра. И от этого излишка, который оставался от каждого ведра, бассейн переполнился, так как народу было много, а капиталистов мало и не могли они пить больше других. Вот почему бассейн и переполнился.

И когда капиталисты увидели, что бассейн переполнен, они сказали народу:

— Не видите ли вы, что бассейн, имя которому Рынок, переполняется? Оставьте работу и терпеливо выжидайте, пока бассейн не опорожнится.

Но когда народ перестал получать центы от капиталистов за приносимую им воду, он не имел, на что покупать. И когда капиталисты увидели, что они не получают больше прибыли, так как народ перестал покупать воду, они очень встревожились. И они разослали людей на большие и проселочные дороги, по всем углам и закоулкам, которые выкрикивали:

— Если кто чувствует жажду, пусть приходит к бассейну покупать у нас воду, ибо наш бассейн переполнен.

И говорили они между собой:

— Времена настали плохие; мы должны рекламировать.

Но народ отвечал им так:

— Как мы можем покупать у вас? Если вы нас не нанимаете, то чем мы можем платить вам? Нанимайте нас, как раньше, и мы с радостью станем у вас снова покупать воду, так как мы чувствуем жажду, и вам не нужно будет рекламироваться.

Капиталисты на это возражали:

— Зачем мы станем вас нанимать, чтобы приносить воду, когда бассейн, имя которому Рынок, и без того переполнен? А потому вы раньше покупайте у нас воду, и, когда бассейн опорожнится, мы опять будем вас нанимать.

И случилось так, что капиталисты больше не нанимали, а народ не имел, на что покупать ту самую воду, которую он собрал, и потому, что народ не мог больше покупать той воды, которую он же принес, капиталисты перестали их нанимать.

И все говорили: настал кризис.

А жажда народа все возрастала, так как прошли те времена наших предков, когда страна была открыта для всех и каждый мог искать для себя воды; всем завладели капиталисты: и источниками, и колодцами, и вододействующими колесами, и сосудами, и ведрами для того, чтобы никто не мог получать воды из какого-либо другого источника помимо бассейна, имя которому был Рынок. И народ роптал против капиталистов и говорил:

— Смотрите: бассейн переполнен, а мы умираем от жажды. Давайте нам воды, иначе мы погибнем.

На это капиталисты отвечали:

— Этого не будет! Вода наша. Вы только тогда можете ее пить, когда заплатите за нее деньгами. — И они подкрепляли свои слова ругательствами, прибавляя свою обычную фразу: «Дело прежде всего».

Но капиталисты продолжали беспокоиться по поводу того, что народ не покупал больше воду и, таким образом, лишал их доходов; и они говорили:

— По-видимому, сами доходы положили конец нашим доходам, и потому, что мы наживали раньше барыши, мы теперь их не можем наживать, и сами наши барыши привели нас к бедности! Пошлем за гадалками, пусть они разъяснят нам это. И они послали за гадалками.

Гадатели же были люди очень изощренные в толковании темных вопросов, и они были заодно с капиталистами, потому что нуждались в воде, без которой они и их жены и дети не могли жить. И они говорили перед народом в защиту капиталистов и исполняли поручения капиталистов, так как последние не обладали ни умом, ни способностью говорить.

И капиталисты требовали от гадалок, чтоб они объяснили им, почему народ не покупает больше у них воду, хотя бассейн переполнен.

Одни из гадалок говорили: «Причина этому перепроизводство», другие говорили: «Причина этому избыток», но оба эти слова означали одно и то же. Некоторые говорили: «Всему виной солнечные пятна». А другие говорили: «Все зло происходит не от перепроизводства, и не от избытка, и не от солнечных пятен, а только от отсутствия доверия».

И в то время, как гадалки, по своему обыкновению, спорили между собою, люди наживы дремали и спали, и, когда они проснулись, они сказали мудрецам:

— Довольно. Вы очень хорошо толковали с нами. Теперь ступайте к народу и так же разумно убеждайте его, дабы он успокоился и нас больше не тревожил.

Но гадалки, эти мужи мрачной науки (так многие из них назывались), страшились идти к народу, боясь, чтоб их не побии камнями, ибо народ их не любил. И вот что они отвечали капиталистам:

— Владыки! Вся тайна нашей системы заключается в том, что только тот, кто сыт и не чувствует жажды, находит, подобно вам, успокоение в наших словах, но голодных и жаждущих наши речи не успокаивают: они вызывают у них только насмешки, так как, по-видимому, лишь сытый в состоянии понять наши мудрые слова.

Но капиталисты на это возражали:

— Ступайте! Разве вы не обязаны исполнять наши поручения?

И гадали шли к народу и разъясняли ему всю тайну производства; они разъясняли народу, почему он должен гибнуть от жажды, в то время как имеется избыток воды, и почему не хватает воды, хотя ее имеется с лишком. Они толковали народу и о солнечных пятнах, и о том, что все зло произошло вследствие недостатка доверия.

И оправдались слова гадателей, так как вся их мудрость в глазах народа казалась бессмысленной. И народ поносил их и кричал:

— Уходите, плешивые! Вы пришли издеваться над нами. Разве может изобилие породить голод и от избытка разве может родиться ничто? — И народ стал бросать в них камнями.

И когда капиталисты увидели, что народ ропщет и не внимает гадателям, они стали опасаться, как бы народ не вздумал силой брать воду из бассейна, и, обуреваемые страхом, они отправили к народу святых мужей (это были лжесвященники), которые убеждали народ успокоиться и не тревожить капиталистов.

И эти святые мужи, они же лжесвященники, свидетельствовали пред народом, что это испытание ниспослано ему Богом для уврачевания душ и что если он будет безропотно переносить небесную кару и не будет алкать воды и беспокоить капиталистов, то после своей смерти все перейдут в лучший мир, где не будет капиталистов, но будет обилие воды.

Были, однако, истинные посланники Божии, которые жалели народ и не хотели выступать защитниками капиталистов, а, наоборот, говорили против них.

И когда капиталисты увидели, что народ продолжает роптать и его не могут успокоить ни речи гадателей, ни проповеди лжесвященников, они сами вышли к народу, и, погрузив кончики своих пальцев в переполненный бассейн, они мокрыми пальцами потрясали в сторону толпившегося около бассейна народа так, чтобы капли попадали в толпу. И эти капли назывались благотворительностью, и были они безмерно горьки.

И когда снова капиталисты увидели, что народ не только не успокаивается ни от слов гадателей и лжесвященников, ни также от капель благотворительности, но, наоборот, еще больше беснуется и толпится около бассейна, как если бы он силой намерен был им овладеть, они держали между собою совет и послали к народу соглядатаев. Эти люди выбрали из среды народа самых сильных и воинственных, отвели их в сторону и обратились к ним со следующими словами:

— Скажите, почему вы не заодно с капиталистами? Если вы будете на их стороне и служить их интересам в ущерб интересам народа и не дадите последнему проникнуть к бассейну, тогда у вас будет воды достаточно, и благо будет вам и вашим детям.

И сильные люди, а также те, которые были искусны в военном деле, внимали этим словам и позволили себя убедить, ибо жажда заставила их перейти на сторону капиталистов; и они вооружились дубинами и шпагами и сделались оружием в руках капиталистов для защиты их интересов, и они били народ, когда последний устремлялся к бассейну.

Спустя много дней вода сильно понизилась в бассейне, так как капиталисты построили себе пруды, фонтаны и купальни, в которых купались они, их жены и дети и тратили непроизводительно воду для своего удовольствия.

И когда капиталисты увидели, что бассейн пустой, они сказали: кризис кончился.

И они снова стали нанимать народ с тем, чтоб он опять наполнил бассейн водой. И за воду, которую приносили, они по-прежнему платили по 1 центу за ведро, а за воду, которую они продавали народу, они брали по 2 цента за ведро для того, чтоб обеспечить себе прибыль. И через некоторое время бассейн опять наполнился через край. И когда народ несколько раз наполнял бассейн так, что он переполнялся через край, а сам народ терпел жажду, пока капиталисты непроизводительно тратили воду для своего удовольствия, случилось так, что в стране восстали некоторые люди, которых называли агитаторами, потому что они возбуждали народ.

И эти люди говорили народу о необходимости сплотиться, чтобы не быть в рабстве у капиталистов и не нуждаться в воде. В глазах капиталистов эти люди были опаснее чумы, и капиталисты с радостью распяли б их, если бы не боялись гнева народа.

И таковы были слова, с которыми агитаторы обращались к народу:

— Доколе, глупый народ, будут вас дурачить посредством обмана? Доколе будете вы верить тому, чего нет? Ибо знайте: все, что говорили вам мудрецы, все это обман и лукаво придуманные басни. Те святые мужи, которые говорят вам, что Богу угодно, чтобы вы были бедны, несчастны и терпели жажду, знайте: эти люди лжецы и богохульники, которых жестоко покарает Тот, Который простит всех других. Почему это вам

нельзя брать воды из бассейна? Не потому ли, что у вас нет денег? А почему у вас нет денег? Разве не потому, что за каждое ведро, которое вы приносите в бассейн, имя которому Рынок, вы получаете по 1 центу, а за каждое ведро, которое вы обратно получаете из бассейна, вы должны платить по 2 цента с тем, чтобы капиталисты могли получать свою прибыль? Разве вы не видите, что таким образом бассейн должен переполниться водой в то время, как вас мучит жажда; он должен изобиловать тем, в чем вы терпите нужду; что чем тяжелее ваш труд, чем добросовестнее вы ищите и приносите воду, тем хуже, а не лучше становится вам, и так будет всегда, пока царит нажива!

Так говорили агитаторы народу и долгое время никто не внимал их словам, но спустя некоторое время случилось так, что народ стал их слушать. И отвечал народ им следующее;

— Истину говорите вы. По вине капиталистов, которые наживаются, мы терпим нужду; из-за них и их барышей мы не можем пользоваться плодами наших трудов, и труд наш тщетен, и чем усерднее мы работаем для наполнения бассейна, тем быстрее последний переполняется, и мы ничего не можем получать из него, потому что в бассейне слишком много, как говорят наши мудрецы. Но разве не ведомо вам, что капиталисты — злые люди и их нежное сострадание очень жестоко? Укажите же нам путь, который приведет нас к свободе, если он вам известен. Но если вы не знаете такого пути, то умоляем вас, оставьте нас лучше в покое, дабы мы могли забыть наши страдания.

На это агитаторы отвечали:

— Мы знаем такой путь.

И опять говорил им народ:

— Не обманывайте нас, ибо так было всегда с начала веков, и никто еще до настоящего времени не нашел средства для избавления, хотя многие добивались этого со слезами на глазах. Но если вам известно такое средство, то сообщите нам его сейчас же.

Тогда агитаторы стали говорить народу о пути, ведущем к его освобождению, и вот что они сказали:

— Внемлите: зачем нужны вам эти капиталисты, которые из вашего труда извлекают наживу? За какие великие дела их вы платите такую огромную дань? Не за то ли уж, что они вас разделяют на группы и выводят для работ и в награду за то дают вам немножко из той воды, которую вы сами же принесли, — вы, а не они?! А теперь внемлите: вот путь, который выведет вас

из рабства! Делайте сами для себя то, что делали капиталисты, а именно: устройте сами порядок, делитесь на группы, распределяйте работы. Тогда вы не будете нуждаться в капиталистах, не будете им доставлять прибыли, но сами будете делить между собой, как братья, поровну плоды своих трудов. И бассейн тогда переполнится не раньше, чем каждый из вас будет настолько удовлетворен, что ни у кого язык не повернется, чтобы требовать больше, и тогда вы, подобно капиталистам, воспользуетесь избытком воды, чтобы выстроить себе пруды, фонтаны и купальни для своего удовольствия; этими удовольствиями будут тогда наслаждаться все.

И народ спросил:

— Но как нам приняться за это дело, так как нам кажется хорошим то, что вы нам говорите?

И ответили агитаторы:

— Выбирайте надежных людей, которые организовали бы вас для работ и были бы для вас тем, чем были капиталисты, но пусть они не будут вашими господами, а братьями и исполнителями ваших желаний. Они не будут получать прибыль, а каждый из них будет иметь свою долю наравне с другими. И не будет больше среди вас ни господ, ни слуг, а все вы будете братьями. И от времени до времени, когда вы найдете нужным, вы можете сменять одних заведующих работами другими, столь же достойными людьми.

И народ слушал, и запали ему в душу эти слова. И нетрудным показалось задуманное дело. И в один голос все воскликнули.

— Пусть будет так, как вы сказали, ибо мы хотим так сделать!

И рев толпы донесся до капиталистов, и услышали они слова, которые народ говорил, услышали их и лжесвященники, и люди, искусные в ратном деле, которые были опорой капиталистов; и когда они все услышали эти слова, они задрожали от страха и затряслись их колени, и говорили они между собой: настал наш конец.

Но были и настоящие священники, верные служители Бога живого, которые не ратовали за капиталистов, а имели сострадание к народу, и когда до них донеслись ликующие крики и слова, которые народ сказал, они возрадовались великой радостью и благодарили небо за избавление народа.

А народ тем временем стал делать все так, как указывали агитаторы. И все произошло точно так, как говорили они, и все их предсказания сбылись. И не было больше в стране никого,

кто терпел бы голод, или жажду, или холод, или какую-либо другую нужду; и все мужчины говорили друг другу «мой брат», а все женщины — «моя сестра», так как все жили между собой, как братья и сестры, в полном согласии. И благословение Божие почilo на этой стране».

Глава XXIV

МНЕ ПОКАЗЫВАЮТ ВСЕ СТРАНЫ ЗЕМНОГО ШАРА

Когда учитель объявил, что урок кончился, все ученики и ученицы класса политической экономии встали, и в одно мгновение исчезла вся картина, приковавшая мое внимание; я снова увидел пред собой улыбающееся лицо доктора Лита. Я старался объяснить себе, каким образом я мог очутиться там, где я сейчас был. В продолжение почти всего урока, особенно к концу его, получилась такая полная иллюзия, как будто я действительно находился в классе, и меня так захватила трактовавшаяся там тема, что я совершенно забыл, каким образом мне удалось слышать и видеть все, что там происходило. Потом, когда я очнулся и все вспомнил, я бросился к электроскопу с живейшим любопытством, желая поскорее узнать, каким образом этот аппарат творит такие чудеса. Объяснив мне в немногих словах устройство аппарата, который как бы заменяет собой утонченный оптический нерв, доктор развернул предо мной всю его силу. В течение одного часа, не оставляя своего кресла, я совершил путешествие вокруг света, и то, что глаза мои увидели, достаточно убедительно говорило об универсальной перемене, которой подвергся не один Бостон, а весь земной шар со времени первого периода моей жизни. Мне стоило только назвать какой-нибудь большой город или какую-нибудь местность, и я был уже там, по крайней мере своими глазами и ушами. Я обозрел Нью-Йорк, за ним Чикаго, Сан-Франциско, Новый Орлеан, и я нашел их изменившимися до неузнаваемости; в прежнем виде остались только естественные общие очертания местности. Я посетил Лондон. Я слышал, как парижане говорили по-французски, берлинцы — по-немецки, и из Петербурга через Дели направился в Каир. Один город купался в лучах полуденного солнца; в другом всходил месяц и стали выглядывать звезды; в третьем царила полуночная тишина. В Париже, я помню, шел сильный дождь, Лондон был окутан туманом, в Петербурге завывала вьюга. Перейдя от созерцания людской изменчивости

к неизменяющейся природе, я возобновил свое старое знакомство с чудесами земли. Я вновь увидел грохочущие водопады, бурные морские прибои, уединенные горные вершины, могучие потоки, сверкающие холодным блеском полярные страны, безлюдные пустыни.

Тем временем доктор объяснил мне, что электроскоп и телефон не только всегда соединены с бесчисленными станциями, окрестности которых представляют в каком-либо отношении интерес, но, кроме того, каждый раз соединяются со всяким местом, где возникает что-либо интересное, так что все человечество может одновременно слышать и видеть все, что происходит в данной местности. Какой-то хаос появился в моих представлениях о времени и пространстве, и, опьяненный чудесами, я воскликнул наконец:

— Нет, я больше не в состоянии присутствовать при этом зрелище! Я серьезно начинаю сомневаться, в реальности своего существования.

Чтоб немедленно решить этот вопрос, доктор посоветовал предпринять прогулку, так как мы все утро не выходили.

— Не достаточно ли с нас политической экономии на сегодня? — спросил он, когда мы вышли из дому. — Или вы намерены присутствовать и на послеобеденном собрании, о котором говорил учитель?

Я ответил, что намерен присутствовать во что бы то ни стало.

— Отлично, — сказал доктор, — оно будет, по всей вероятности, непродолжительно, а как вы отнесетесь к моему предложению отправиться сейчас туда, чтобы на этот раз лично присутствовать? У нас достаточно времени для такой прогулки, и мы можем прибыть заблаговременно, если поедем сейчас в экипаже. Так как вы в первый раз воспользовались электроскопом и, в сущности, не имеете никаких доказательств существования как школы, так и учеников, то личные наблюдения на месте помогут вам проверить полученные впечатления.

Глава XXV

СТАЧЕЧНИКИ

Поглощенные разговором, мы шли по улицам Бостона; вдруг какая-то тень упала на нашу дорогу, и, взглянув наверх, я увидел возвышавшееся скульптурное изваяние, изображавшее группу героев.

— Кто это такие? — спросил я.

— Вы-то лучше, чем кто-либо другой, должны были бы их знать, — ответил доктор. — Это ваши современники, которые в свое время причиняли вам немало беспокойства.

Действительно, только потому, что я был поражен внезапно представившимся зрелищем, я мог спросить, кого представляли собой эти фигуры. Позвольте передать вам, читатели XX века, что я увидел на пьедестале, и вы узнаете знаменитую фигуру. Плечом к плечу, как будто готовясь отразить нападение, стояли три мужские фигуры, одетые подобно рабочим моего времени. Головы у них были обнажены, а их грубые рубахи, открытые на груди, и засученные выше локтей рукава обнаруживали их мускулистые руки и грудь. Пред ними на земле лежали пара лопат и заступ. Центральная фигура правой рукой указывала на брошенные орудия, у двух других фигур руки были скрещены на груди. Черты у них были резкие, лица грубые, щетинистые и небритые; выражение их было вызывающее, и взгляд их был так угрожающе устремлен в пространство, что я невольно обернулся, чтоб увидеть то, на что они так смотрели. В этой группе были также две женщины с такими же грубыми лицами и в такой же грубой одежде, как и мужчины. Одна стояла на коленях пред фигурой мужчины, находившейся справа, и, простирая к нему одной рукой своего истощенного полунагого ребенка, она другой умоляющим жестом указывала на лежавшие у его ног инструменты. Другая женская фигура одной рукой тянула за рукав мужчину, находившегося слева, как будто хотела его стащить, а другой она закрыла глаза. Но мужчины, по-видимому, не обращали на женщин никакого внимания и, казалось, в своем безумном гневе не замечали даже их присутствия.

— Да ведь это стачечники! — воскликнул я.

— Да, — сказал доктор, — это «Стачечники», мастерское творение Гонтингтона, которое считается величайшим скульптурным произведением во всем городе и одним из знаменитейших во всей стране.

— Это живые фигуры! — сказал я.

— Вы являетесь в данном случае компетентным экспертом, — заметил доктор, — приходится лишь пожалеть, что Гонтингтону не пришлось услышать ваши слова, он был бы, несомненно, очень польщен.

Во мне, как и во всех богатых и культурных людях моего времени, стачечники всегда вызывали чувство ужаса и презре-

ния, как опасные, беспокойные смутьяны, которые настолько же не понимают своих собственных интересов, насколько они легкомысленно относятся к интересам других. Они были мне ненавистны, как чума, и я всегда жалел о том, что закон запрещал подавлять силой их демонстрации, если они не переходили в насилие; всегда стоял за то, что полиция должна вмешаться под первым же благовидным предлогом и наложить на стачечников свою железную руку. Богатые проявляли большую или меньшую терпимость по отношению к реформаторам, даже к тем, которые проповедовали довольно радикальные изменения в экономическом строе: от них только требовали, чтоб в своих выражениях они соблюдали известные условные правила речи; для стачечников же не находилось никаких оправданий, и ни в ком они не находили сочувствия. Вполне понятно, что капиталисты изливали на них целые потоки негодования и гнева, но даже те из народа, которые думали, что сочувствуют рабочему классу, качали головой при слове «стачка» и были уверены, что стачки больше вредят, чем содействуют освобождению труда. Нет поэтому ничего удивительного в том, что мне, воспитанному в таких предрассудках, показалось немножко странным, что выбрали для увековечения такой неблагодарный сюжет и отвели для него самое почетное место в городе.

— Это, безусловно, удивительно художественная работа, — сказал я, — но меня удивляет, что из всех представителей моего поколения вы нашли одних стачечников достойными своего поклонения.

— Мы на них смотрим как на первых пионеров в борьбе с частной капиталистической собственностью — той борьбе, результатом которой явилась современная цивилизация. Мы чтим в них тех, которые, подобно Винкельриду, «очистили дорогу свободе и умерли». Мы благоговеем пред ними, как перед перемученниками идей кооперации и экономического равенства.

— Но я уверяю вас, доктор, что эти господа, по крайней мере в мое время, и не думали восставать против капиталистической собственности как системы. Они были слишком невежественны для того, чтоб усвоить такую широкую идею. Они и понятия не имели о том, что можно обойтись без капиталистов. Все, чего они добивались, — это несколько лучшего обращения с ними, увеличения жалованья на несколько центов, уменьшения рабочего дня на несколько минут или же всего на всего требовали увольнения нелюбимого главного мастера. Ради ничтожнейших

улучшений в условиях жизни, которых они добивались, они готовы были привести в расстройство всю промышленную машину.

— Все это мои современники знают очень хорошо, — возразил доктор. — Но посмотрите на эти лица. Разве скульптор идеализировал их? Разве это лица философов? Разве они не подтверждают вашего показания, что стачечники, как и все рабочие вообще, были в большинстве случаев очень ограниченны и невежественны, что они были далеки от высших вопросов. Куда им было додуматься до такой великой идеи, как переворот экономического строя, который существовал с незапамятных времен? Известно, что даже много лет спустя после того, как вы уснули, они все еще не могли уяснить себе, что они боролись не с отдельными капиталистами, а со всей системой. В этом ограниченном понимании настоящего значения своего протеста стачечники сходятся с пионерами всех других освободительных революционных движений. Резервисты 1775 года в Конкорде и Лексингтоне не думали, что их ружья направлены против монархической идеи. Точно так же и третье сословие во Франции, когда оно вошло в Конвент, очень мало думало о том, что ему придется перешагнуть через сверженный трон. Также и пионеры английской свободы, начавшие сопротивляться воле Карла I, не предвидели, что раньше, чем завершить свое дело, они будут вынуждены обезглавить короля. И, однако, во всех этих примерах потомство не думало умалить все великое значение деятельности пионеров, и, несмотря на их ограниченную прозорливость, оно сохранило признательность к той первоначальной инициативе, без которой было бы немыслимо торжество дела в будущем. Истинный смысл стачек заключался в стремлении положить конец безответственному хозяйничанию капиталистов, и совершенно независимо от того, верно ли представляли себе стачечники положение вещей или нет, мы считаем своим долгом чествовать их память в той форме, которая, быть может, их самих удивила бы не меньше, чем вас. Позвольте мне изложить современную точку зрения на ту роль, которую сыграли оригиналы этой группы.

Мы сели на одной из скамеек, которые находились близ статуи, и доктор продолжал:

— Скажите мне, дорогой Юлиан, кто первый открыл глаза вашим современникам на существование промышленного вопроса и кто в течение целых 50 лет своим трогательным пассивным сопротивлением злу держал внимание общества

сосредоточенным на этом вопросе до тех пор, пока он наконец не был разрешен? Кто были эти люди? Не ваши ли государственные деятели, или профессора, или политэкономы, или другие из среды ваших так называемых мудрых людей? Нет. Это были именно те несчастные, осмеянные, проклятые и отверженные бедняки, которых вы видите на этом пьедестале и которые своими упорными стачками не давали миру успокоиться до тех пор, пока он не освободился от зла, тяготевшего не над ними одними, но над всем человечеством. Опять Бог избрал глупых, чтобы смутить разумных, и слабых, чтобы сломить сильных. Для того чтоб понять, почему стачки производили такое огромное впечатление и почему благодаря именно им общество проникалось убеждением в гнусности и безумии частнокапиталистического строя, вы должны помнить, что только события учат людей, что дела и поступки имеют на них гораздо большее влияние, чем такие бы то ни было доктрины, особенно еще в такое время, как ваше, когда народные массы были невежественны и не в состоянии были правильно рассуждать. Правда, в революционном периоде не было также недостатка и в образованных мужчинах и женщинах, которые словом и пером ратовали за рабочих и учили их, как выйти из своего положения. Но каких ничтожных результатов достигли бы их слова, если б они не находили красноречивого подтверждения в делах этих бедняков, которые готовы были ценой жизни доказать их правоту. Эти люди с грубыми лицами, которые, несмотря на все усилия, едва ли в состоянии были бы составить, согласно правилам грамматики, какое-нибудь предложение, умели доказывать необходимость радикального переустройства всей промышленной системы такими неотразимыми аргументами, которых не мог бы придумать самый искусный ритор. Когда люди в борьбе с насилием готовы поставить на карту свою жизнь, как это делали стачечники, с ними волей-неволей приходится считаться. Мы на пьедестале начертили слова, которые раскрывают душевное состояние этих людей. Вы видите: внизу написано: «Мы не в состоянии больше терпеть. Лучше умереть с голоду, чем жить в тех условиях, которые вы создали для нас. Ради ваших барышей вы заставляете нас приносить в жертву наших жен и детей. Вы становитесь ногой нам на шею, мы станем кусать ваши пятки».

Вот, — продолжал доктор, — какой крик отчаяния вырвался из груди этих людей, для которых жизнь потеряла всякую цену.

Этот крик, различный по форме, но всегда одинаковый по смыслу, был лозунгом всякой революции, которая вела человечество к прогрессу. «Дайте нам свободу или смерть!» И никогда он так мощно не призывал народ на дело великого освобождения, как в устах этих первых бунтарей, которые восстали против безумия и тирании капиталистического строя.

Я знаю, Юлиан, — продолжал доктор более спокойным тоном, — что в ваше время люди видели величие и особую доблесть в бряцании оружием, но к нам барабанный бой и трубные звуки очень смутно доносятся и нимало нас не трогают. Время военных прошло навеки, и вместе с ним исчезло также и понятие о том идеале, который они рисовали себе. Но эта группа людей, которые воплощали в себе идею самоотречения, находит сочувственный отклик в нашей душе. Когда эти люди бросали свои инструменты, они рисковали своей жизнью точно так же, как солдат, отправлявшийся на войну, с той лишь разницей, что они рисковали не только своей собственной жизнью, но и жизнью своих семейств, о которых благодарная страна очень мало заботилась в случае несчастья с ними. Кроме того, солдаты отправлялись на войну под звуки музыки, воодушевленные всеобщим энтузиазмом, этих же бойцов провожали на войну с насмешками и презрением, и их несчастья вызывали у всех одно ликование. А между тем они ведь шли не с тем, чтоб убивать других, а с тем лишь, чтоб отстаивать свое существование, и, хотя они прежде всего думали о своем собственном благополучии и преследовали интересы свои и близких им людей, тем не менее борьба, которую они вели, была не личной борьбой, а борьбой за все человечество, за судьбы грядущих поколений. Они выступили первыми на арену борьбы, когда никто и думать не смел о забастовках, и первые объявили войну экономической системе, которая так крепко держала за горло весь мир, что нужны были не нежные слова, а могучие удары, чтоб освободиться от этого страшного объятия. А что касается духовенства, политэкономов и педагогов, то они всецело предоставили невежественным рабочим собственными силами найти решение социальной проблемы, сами же они наслаждались полным довольством и, отрицая само существование подобной проблемы, велеречиво критиковали ошибки рабочих, искавших выхода из лабиринта общественных неурядиц, забывая при этом, что в самое непростительное и преступное заблуждение впадают те, которые совсем не ищут выхода. Очень возможно, Юлиан, что я приписываю людям, вдохновившим нашего

скульптора, такие красивые слова, которых они даже не в состоянии были бы понять. Но ведь смысл того, что они совершили, заключается не в их словах, а в их поступках. Мы чтим память этих первых мучеников современной промышленной республики не за их речи, а за их дела, и мы приводим сюда наших детей, чтоб они могли с благодарностью целовать грубо обутые ноги тех, которые расчистили для нас дорогу.

Все время, которое прошло с тех пор, как я проснулся в 2000 году, представляло собой, можно сказать, непрерывную смену умственных процессов революционного характера, в силу которых все, что раньше казалось мне злом, теперь в моих глазах стало добром и все, что я раньше считал умным, теперь стало глупым. Если б этот разговор произошел где-либо в другом месте, то нет сомнения, что новое освещение, в котором предстала предо мной роль стачечников в Великой Социальной Революции, плодами которой суждено было и мне наслаждаться, внесло бы резкую перемену в мой умственный кругозор, одну из тех многочисленных перемен, о которых я упомянул; процесс носил бы во всяком случае исключительно умственный характер. Но присутствие этой удивительной группы, поразительная верность фигур, которые вырастали в моих глазах по мере того, как доктор говорил, все это сообщало какой-то особенный, чисто личный характер, если можно употребить этот термин, тому перевороту, который происходил во мне. Движимый какой-то непреодолимой силой, я встал и, сняв шляпу, приветствовал суровые изображения тех, оригиналы которых я вместе с моими современниками так часто поносил.

Доктор улыбнулся хорошей улыбкой.

— Не находите ли, мой мальчик, что время в своем круговороте редко дает нам картину мести в такой драматической форме?

Глава XXVI

ВЛИЯНИЕ ПРИБЫЛИ НА ИНОСТРАННУЮ ТОРГОВЛЮ; ПРОТЕКЦИОНИЗМ И ФРИТРЕДЕРСТВО, ИЛИ МЕЖДУ СЦИЛЛОЙ И ХАРИЕДОЙ

Мы прибыли в Арлингтонскую школу несколько раньше, чем начался урок, и доктор воспользовался случаем, чтоб познакомить меня с учителем. Последний, узнав о том, что мы

прослушали весь утренний урок, выразил желание услышать мои впечатления. Что касается предстоящего урока, то он советовал ничего не говорить ученикам по поводу присутствия такого почетного слушателя, так как это может их смутить, но по окончании урока он просил позволения представить мне своих учеников. Он выразил надежду, что я не откажу ему в этой просьбе, так как знакомство со мною составит для его учеников очень важное событие, которое они запомнят на всю жизнь и рассказы о котором долго будут передаваться из поколения в поколение. В это время в класс вошли учащиеся, и наш разговор был прерван. Мы с доктором поместились на галерее так, чтобы нас никто не видел, но чтобы мы могли все слышать и видеть. Вслед за тем начался урок.

— Сегодня утром, — начал учитель, — мы при анализе системы прибыли ради большей ясности предположили, что страна и общество, где эта система господствует, совершенно изолированы и не находятся ни в каких сношениях с другими обществами, как будто они были одни во всем мире. В действительности внешние влияния не меняли и не суживали значения тех законов, о которых мы говорили утром, наоборот, во многих случаях они еще больше расширяли сферу действия этих законов. Наш анализ системы прибыли был бы неполный, если бы мы не коснулись иностранной торговли.

В так называемых политико-экономических трактатах наших предков часто высказывалась мысль, что каждой стране чрезвычайно выгодно вести торговлю с другими странами. В то время во внешней торговле видели секрет народного благополучия и одной из главных задач государственных людей XIX века считалось создание и расширение иностранной торговли. Так вот, Поль, не можете ли вы изложить экономическую теорию, трактующую о выгодах иностранной торговли?

— В основе этой теории лежал тот факт, — ответил Поль, — что страны различаются между собой в климате, естественных богатствах и в других отношениях, так что в одних странах невозможно или чрезвычайно трудно производить некоторые необходимые вещи в то время, как в других странах их можно производить в большем количестве, чем нужно. Кроме того, в прежние времена существовало заметное различие в степени цивилизации и культуры разных стран, — обстоятельство, которое должно было еще больше увеличивать относительную разницу между производительными силами отдельных стран. При таких условиях, очевидно, представлялось выгодным,

чтоб страны между собой обменивались продуктами, то есть чтобы каждая давала другим то, что она могла производить, в обмен на то, что ей было трудно или невозможно производить. Этот обмен не только давал возможность странам приобретать те предметы, в которых они иначе должны были себе отказывать, но еще значительно содействовал развитию и процветанию промышленности, так как благодаря ему отдельные нации могли культивировать только те отрасли, которым местные условия особенно благоприятствовали; но для того, чтобы народы разных стран могли действительно пользоваться теми или другими выгодами иностранной торговли, было необходимо, чтоб международный обмен производился в интересах всего общества, как это делается в настоящее время, когда иностранная торговля, подобно всем другим формам экономической деятельности, лежит на обязанности правительств разных стран. Но в те времена не существовало для заведывания иностранной торговлей специальных агентов, каких мы имеем теперь. Иностранная торговля, как и процессы внутреннего производства и распределения богатств, велась капиталистами на началах той же системы прибыли. И в результате получилось то, что все выгоды иностранной торговли были сведены либо к нулю, либо же обратились в проклятие, и интернациональные торговые сношения представляли собою обширную арену, где еще полнее могли развернуться все гибельные последствия системы барышей, ее способность превратить добро во зло и «закрыть пред человечеством врата милосердия».

О ТОМ, КАК ПРИБЫЛЬ СВОДИЛА К НУЛЮ ВСЕ ВЫГОДЫ ТОРГОВЛИ

— Разъясните нам, пожалуйста, на примере влияние системы прибыли на международную торговлю.

— Предположим, — начал Поль, — что Америка в состоянии производить хлеб и другие съестные припасы с незначительными затратами и в большем количестве, чем она нуждается. С другой стороны, предположим, что Англия может производить хлеб с большим трудом и в малом количестве. Предположите далее, что Англия, вследствие разных условий, может производить одежду и железные товары с меньшими затратами и в гораздо большем количестве, чем Америка. Казалось бы, что обе страны могли бы только выиграть, если бы американцы

меняли хлеб, который достается им легко, на одежду и железные товары, которые так легко производит Англия. Результаты получились бы одинаково выгодные для обеих стран. Но так было бы лишь в том случае, если б обменом заведовала общественная организация, которая вела бы дело на широких началах, преследуя общие интересы торгующих стран. Но в рассматриваемую нами эпоху обмен производился исключительно капиталистами, соперничавшими между собою из-за наживы и совершенно не считавшимися с интересами всего общества; неудивительно, что результаты получались противоположные.

Американский хлеботорговец, вывозивший хлеб в Англию, вследствие конкуренции других американских купцов был вынужден сбавлять возможно больше свои цены, благодаря чему и фермеры, производившие хлеб, должны были понижать цены. Американскому хлеботорговцу приходилось не только выдерживать конкуренцию с хлеботорговцами своей страны, но вести еще постоянную борьбу с торговцами других земледельческих стран, как, например, России, Египта, Индии. А теперь посмотрим, много ли Англия выигрывала на дешевом американском хлебе. Скажем, что благодаря дешевизне ввозимых съестных припасов жизнь в Англии стала вдвое дешевле. Казалось, это очень большая выгода; но посмотрим на дело с другой стороны. Англия за хлеб должна была уплачивать Америке материями и железными товарами. Английские фабриканты конкурировали между собой точно так же, как и американские хлеботорговцы, то есть каждый старался отвоевать себе возможно большее место на американском рынке, а для этого он должен был сбивать цены своих земляков-конкурентов. Затем, подобно американским хлеботорговцам, английские фабриканты должны были также выдерживать конкуренцию других стран. Бельгия и Германия так же дешево производили железные товары и сукно, и американцы менялись продуктами с Англией только в том случае, если последняя продавала предметы своего производства дешевле, чем другие страны. Дальше, самый главный элемент стоимости производства железных и мануфактурных товаров составляла плата за работу. Под давлением конкуренции фабриканты вынуждены были сбавлять плату своим рабочим, чтобы иметь возможность продавать свои продукты дешевле, чем бельгийские и германские фабриканты, которые старались завладеть американским рынком.

Но, спросите вы, разве английский рабочий мог бы жить, если бы он стал получать меньшее жалованье, чем раньше? Да,

он действительно мог жить, так как съестные припасы стали значительно дешевле. И вот мы видим, как его жалование настолько же уменьшалось, насколько дешевели съестные продукты, так что в общем итоге рабочий оказывался в том же положении, в каком он был до торговых сношений с Америкой. А теперь посмотрим, как обстоит дело с американским фермером. Он, очевидно, стал получать орудия и платье дешевле, чем раньше, и, следовательно, он может теперь продавать свой хлеб по более дешевой цене в сравнении с той, которую он брал до начала торговых сношений с Англией, а именно он может понизить ее настолько, насколько он выигрывал при покупке орудий и мануфактурных товаров. Такое понижение цен было как нельзя более кстати для хлеботорговцев, так как последние могли удерживать за собой английский рынок только при том условии, если они были в состоянии продавать свой хлеб по более дешевой цене, чем торговцы Индии, России и Египта, всегда готовые при первом удобном случае наводнить английский рынок своими продуктами, и, если бы им это удалось, тогда прощай дешевое платье и дешевые орудия!

Итак, цены на хлеб падали до тех пор, пока фермер не терял все то, что он выгадывал на покупке ввозных орудий и платья; таким образом, его положение, подобно положению его заморского собрата, английского рабочего, нисколько не улучшилось, оно оставалось таким же, каким оно было до торговых сношений с Англией. Но вопрос еще, оставалось ли оно в том же положении, в каком оно находилось раньше. Пользовались ли американский и английский рабочий тем благосостоянием, каким они пользовались до возникновения торгового обмена, который при правильном ведении дела мог бы существенно улучшить положение обоих? Наоборот, обстоятельства складывались таким образом, что при иностранной торговле их положение должно было резко ухудшиться. И раньше их положение было довольно скверное, но раньше сфера действия промышленной системы, от которой рабочие всецело зависели, ограничивалась пределами страны и вследствие этого экономический строй был относительно прост и несложен; если он и подвергался потрясениям, то потрясения эти носили временный характер, и их сравнительно легко было предвидеть и предотвратить. Теперь же, когда американский фермер и английский рабочий стали зависеть от сложных международных торговых операций, они каждую минуту рисковали попасть в такие условия, которые могли лишить их всяких средств к существованию; они были

лишены даже того слабого утешения, которое человек находит в том, что он знает, где источник его бедствий. При оценке их труда или продуктов их производства не принимались больше во внимание ни местные обычаи, ни уровень жизненных потребностей в стране; их положение стало определяться исключительно беспощадными требованиями всемирной конкуренции, которая принуждала ремесленников и американских фермеров вступать в состязание с египетским феллахом, с полуголодным бельгийским рудокопом, немецким ткачом и индусским чернорабочим. В прежние времена, когда международная торговля еще не приняла всемирного характера, когда одна страна могла процветать в то время, как другая находилась в упадке, люди могли надеяться найти счастье за морями; но непрерывное развитие интернациональной торговли, выросшей на системе барышей, открывало человечеству в конце XIX века перспективы такого жалкого существования, условия которого едва могли удовлетворять потребности наименее культурных рас. Тенденции международной торговли ясно обнаруживали, что она служила орудием, посредством которого плутократия способна была бы захватить власть над всем миром, если бы не вмешалась Революция.

— В представленном вами примере, — заметил учитель, — вы предположили, что обмен товаров между Англией и Америкой производился на равных для обеих стран условиях. Очевидно, что в этом случае при системе прибыли положение народных масс при иностранной торговле должно быть хуже, чем до нее, так как все барыши попадают в руки фабрикантов и торговцев-капиталистов. Но на деле международный обмен редко происходил на одинаковых для обменивавшихся стран условиях. Обыкновенно капиталисты одной страны были богаче капиталистов другой и имели в своем распоряжении более старую и опытную организацию. Какие результаты получались в данном случае?

— Получалось то, что всесокрушающая конкуренция капиталистов более богатой страны вытеснила предприятия капиталистов экономически слабой страны и народ в последней оказывался в зависимости от иностранных капиталистов, причем зависимость эта росла по мере того, как туземные капиталисты делались все менее способными оказывать сопротивление своим соперникам, пока наконец иностранцы не становились господами положения, от которых зависела вся экономическая жизнь в стране. Возмущение американских ко-

лоний против Англии в 1776 году явилось результатом подобного гнета. Цель, которую преследовали при основании колоний государственные деятели XVIII и XIX веков, заключалась в том, чтобы доставить отечественным капиталистам новые рынки, то есть привести и другие общества или нации в вассальную зависимость от своих капиталистов. Таким образом последние, разорив своими барышами отечественный рынок и не видя больше в своей стране никаких заманчивых для себя перспектив, получали возможность присосаться, подобно пиявкам, к новой почве, за пределами своей родины. Великобритания, где капитализм достиг особенного развития, стояла, конечно, во главе этой политики, и цель ее войн и ее дипломатии в течение многих веков до Революции заключалась в том, чтобы приобрести побольше колоний и добиться у более слабых народов разных торговых концессий и привилегий, если возможно было — мирным путем, а в случае надобности — под угрозой пушечной канонады.

— А каково было положение народных масс в стране, которая в коммерческом отношении находилась в вассальной зависимости от иноземных капиталистов? Было ли оно хуже положения тех, которые населяли страну с более развитой промышленностью?

— Нисколько. Мы не должны забывать, что интересы капиталистов и рабочих не совпадали. Процветание капиталистов в какой-либо стране не означало еще процветания всего населения и наоборот. Если бы народные массы не были эксплуатируемы иностранными капиталистами, их бы эксплуатировали свои капиталисты.

Рабочие как экономически зависимой, так независимой страны были всюду рабами капиталистов, которые одинаково обращались с ними, были ли они земляки или иностранцы.

В экономически отсталой стране гнет иностранных предпринимателей испытывали главным образом капиталисты, а не народные массы.

МЕЖДУ СЦИЛЛОЙ И ХАРИБДОЙ

— Довольно, Поль; мы теперь попросим вас, Елена, дать объяснение по поводу одного пункта, на который нас навели слова Поля. В течение XVIII и XIX веков среди наших предков шли ожесточенные споры между двумя партиями, которые

сами называли себя: одна — партией протекционистов, а другая — партией фритредеров.

Первые были того мнения, что для процветания торговли в стране необходимо исключить всякую возможность конкуренции со стороны иностранных капиталистов путем взимания пошлин с ввозимых товаров, другие же были противоположного мнения: они полагали, что торговля должна быть свободна и всецело предоставлена самой себе. Что вы можете сказать об этих двух противоположных мнениях?

— С точки зрения интересов всей нации, — ответила Елена, — все различие между указанными двумя партиями сводится к вопросу о том, предпочитал ли народ, чтоб его стригли свои капиталисты или иностранные. Свободная торговля являлась лозунгом в устах тех капиталистов, которые были уверены в том, что путем конкуренции они в состоянии уничтожить своих иностранных соперников. Протекционизм горячо отстаивали те капиталисты, которые, чувствуя себя слабее иностранных предпринимателей, боялись, что при свободной конкуренции их предприятия потерпят крушение и барыши у них будут отняты. Фритредера можно сравнить с человеком, который, будучи уверен в своих силах, смело вызывает своего соперника на бой, не прося никакой пощады. Протекционисты же похожи на тех борцов, которые, видя себя побежденными, обращаются за помощью к полиции. Фритредер был глубоко убежден, что естественное, Богом данное право капиталиста стричь народ, где только представляется для этого возможность, гораздо выше всяких соображений о расе, стране и пограничных столбах. Протекционисты же, наоборот, придерживались того *патристического* взгляда, что они одни имеют право стричь своих земляков и что при этом никакого вмешательства со стороны иностранных капиталистов не может быть допущено. Что касается широких народных масс, то по отношению к ним, как уже сказал Поль, результат получался один и тот же, стригли ли их свои капиталисты по протекционистскому способу или же иностранцы — по фритредерскому. Литература, посвященная спору между протекционизмом и фритредерством, относительно последнего пункта не оставляет никаких сомнений. Если что-либо удалось доказать фритредерам и протекционистам, так это только то, что положение народа было одинаково скверно во всех странах, как в тех, которые придерживались системы свободной торговли, так и в тех, которые покровительствовали

своим капиталистам. Вопрос о выборе той или иной системы имел интерес лишь в глазах капиталистов, для народа же это был вопрос о выборе между Сциллой и Харибдой.

— Докажем это положение на конкретном примере, — прервал учитель, — возьмите, например, Англию. В XIX веке она по состоянию своей промышленности среди других стран не имела себе равной: ей принадлежало господство на иностранных рынках и первое место по размерам иностранной торговли. Если бы благосостояние народа зависело при системе прибыли от степени развития в стране внешней торговли, которой бесконтрольно заведовали капиталисты, то английский народ в конце XIX века должен был бы пользоваться особым благоденствием в сравнении с другими современными или жившими до него народами, так как ни в одной стране не была так развита иностранная торговля, как в Англии в упомянутую эпоху. А что говорят факты?

— Наши предки, — ответила девушка, — употреблявшие слова «нация» и «национальный» в чрезвычайно неопределенном и туманном смысле, говорили о Великобритании как об очень богатой стране, но на самом деле богатствами обладали только ее капиталисты, каких-нибудь несколько десятков тысяч индивидуумов из огромного 40-миллионного населения. В руках отдельных капиталистов были действительно сосредоточены несметные богатства, а что касается остального населения, то оно все, за вычетом ничтожнейшей части, прозябало в нищете. Уже тогда говорили, что проблема пауперизма была в Англии грознее и безнадежнее, чем в других цивилизованных странах. Положение ее рабочих классов было не только не лучше положения рабочих в других странах, но оно, как доказывали многочисленные сравнительно-экономические исследования, было хуже положения рабочих в XV веке, когда об иностранной торговле не было и помину. Люди никогда не эмигрируют из той страны, где им хорошо живется, а между тем англичане очень часто находили для себя холодную Канаду и тропические страны более гостеприимными, чем родную страну. Иллюстрацией к нашему положению, что благосостояние рабочих несколько не улучшалось оттого, что их отечественные капиталисты господствовали на иностранных рынках, может служить тот факт, что великобританский эмигрант устраивался гораздо лучше в английских колониях, где хозяйничали исключительно английские капиталисты, чем у себя дома, где он был на службе у

этих же самых капиталистов. Вспомним, наконец, что Мальтус, утверждавший, что самое лучшее для рабочего — не родиться, был англичанином, что все свои положения он логически основывал на наблюдении условий жизни рабочих в стране, которая превзошла все другие в деле монополизирования и захвата иностранных рынков.

Или же, — вставила девушка, — возьмем для примера Бельгию, эту старую фламандскую страну купцов; здесь раньше, чем где-либо в Европе, развилась иностранная торговля. А между тем в конце XIX века рабочие Бельгии, этот самый трудолюбивый народ в мире, страдали от систематического недоедания, и это считалось в порядке вещей. Дошедшие до нас статистические данные доказывают, что бельгийцы, подобно немцам и англичанам, в конце XIX века были в гораздо худшем положении, чем в XV веке и начале XVI века, когда иностранная торговля была еще в зачаточном состоянии. Прежде, когда не зародилась еще иностранная торговля, народ мог надеяться, что при пышном расцвете промышленности в стране и на его долю достанется часть богатств, так как не было другого сбыта, как внутри страны. Эти надежды должны были рассеяться, когда возникла основанная на принципе наживы иностранная торговля. Отныне все, что было хорошего и заманчивого в стране, все, за исключением предметов, необходимых для удовлетворения насущных потребностей трудящихся, капиталисты стали тщательно собирать и жадно копить с тем, чтоб обменять их на продукты чужих стран, на золото, драгоценные камни, страусовые перья, шелка и прочие вещи, нужные богатым людям. Как сказано у Гольдсмита: «Необходимые продукты весь мир облепляют, Богатством и роскошью весь свет снабжают».

— С чем можно сравнить борьбу, которую народы вели между собою в XIX веке из-за обладания иностранными рынками?

— С состязанием судов, управляемых рабами, хозяева которых устроили призовые гонки.

— Участь какого экипажа менее завидна в такой гонке: выигрывающего приз или проигрывающего?

— Конечно, участь победителей, — ответила девушка, — так как при прочих равных условиях их беспощаднее хлещут.

— Именно так, — сказал учитель, — и по той же самой причине те рабочие были достойны большего сожаления, которые работали на капиталистов-победителей в борьбе за обладание рынками, так как при прочих равных условиях их плата подвер-

галась наибольшему урезыванию и вообще их положение было наиболее приниженное.

— Но скажите, — продолжал учитель, — разве в странах, в которых внешняя торговля не достигла такого высокого развития, как в упомянутых вами, никогда не наблюдалась такая же бедность среди населения?

— Конечно наблюдалась! — ответила девушка. — Я все не имела в виду сказать, что отечественные капиталисты в своей нежной заботливости о народе были менее жестоки, чем иностранные. Речь идет лишь о том, каковы были относительные размеры поля действия системы прибыли. До тех пор, пока вы сохраните систему, для населения будет безразлично, оградите ли вы страну стеной и предоставите лишь отечественным капиталистам эксплуатировать народ или же, разрушив стену, допустите иностранцев к участию в эксплуатации.

Глава XXVII

НЕСОВМЕСТИМОСТЬ СИСТЕМЫ ЛИЧНЫХ ДОХОДОВ (VESTED INTERESTS) С КОРЕННЫМИ УЛУЧШЕНИЯМИ

— А теперь, Флоранса, — сказал учитель, — при вашем содействии мы рассмотрим заключительный пункт предпринятого нами исследования экономической системы наших предков, а именно: ее враждебное отношение к усовершенствованиям и изобретениям. Мы сочли своей печальной обязанностью осветить с разных сторон ту ограниченность, которую проявили наши почтенные предки в оценке характера современных им учреждений, но самого яркого доказательства этой ограниченности мы еще не касались. Дело в том, что наши предки не только не сознавали, что между системой частного капитализма и поступательным ходом прогресса существует непримиримый антагонизм, но, наоборот, они были глубоко убеждены, что их экономическая система особенно благоприятствует открытиям и что ценные преимущества, которые она представляет в этом отношении, должны заставить людей примириться с присутствующими ей нравственными дефектами. Мы далеки от подобного взгляда, и у нас, к счастью, столько фактов, которые говорят убедительно сами за себя, что нам нетрудно будет установить, чья точка зрения более правильна.

В интересующем нас вопросе можно различать две стороны: во-первых, естественный антагонизм между старой системой и реформами в экономической области; во-вторых, свойство системы прибыли умалять или даже сводить к нулю все благотворные результаты тех реформ, которые проводились в жизнь, несмотря на все преграды. Так вот, Флоранса, объясните нам, что такое было в старой системе частной капиталистической собственности, что делало ее органически несовместимой с какими бы то ни было коренными изменениями.

— Оно заключалось в том факте, — ответила девушка, — что старая система слагалась из отдельных, независимых, не связанных друг с другом и некоординированных единиц. Благополучие каждого индивидуума или каждой группы не находилось ни в каком отношении к благополучию других или к благополучию всего общественного организма, а всецело зависело от судьбы их личных, пущенных в оборот капиталов.

— Выясните, пожалуйста, ваш взгляд путем сравнения между новой системой и старой.

— Наша система строго интегральная, — это означает, что при нашей системе экономические интересы каждого тесно связаны не с одной какой-либо частью или функцией общественного организма, а со всеми его частями и функциями. Величайшая выгода каждого заключается в наибольшей деятельности всего механизма. Все наши многочисленные занятия и профессии преследуют одну цель — дать каждому из нас возможность успешнее работать для общей пользы. Мы можем сильно увлечься какой-нибудь специальностью, но это исключительно дело чувства, а не материального расчета, так как наши экономические выгоды зависят от нашего специального занятия не в большей степени, чем от всякого другого занятия. Мы получаем свою равную долю в общем производстве, совершенно независимо от нашего занятия.

— Какое влияние оказывает интегральный характер нашей экономической системы на наше отношение к различного рода усовершенствованиям и изобретениям в экономической области?

— Мы всегда готовы их горячо приветствовать. И почему нам не приветствовать их? Подобного рода усовершенствования могут лишь содействовать подъему благосостояния каждого члена общества и притом в одинаковой для всех степени. Если изобретение в какой-либо форме умаляет значение избранной нами специальности, если даже оно делает послед-

ную ненужной, мы от этого не терпим никакого материального ущерба. Мы можем по этому поводу испытывать чисто сентиментальное чувство, вроде сожаления, которое вызывают в нас иногда отжившие старые обычаи, но не больше: насущные наши интересы никогда не находятся в большей зависимости от одного занятия, чем от другого. Все состоит на службе у народа, и в интересах последнего заботиться о том, чтобы каждый получил какое-нибудь занятие, как только его прежняя работа вследствие каких-либо перемен или усовершенствований стала излишней. Вот почему каждое улучшение в процессе производства доставляет народу новые блага. Каждый изобретатель приносит человечеству в дар богатства или досуг, и нет ничего удивительного, что признательный народ считает таких людей своими благодетелями и умеет выражать свою благодарность в такой форме, что она становится самой завидной наградой.

— А теперь, Флоранса, объясните нам, почему то обстоятельство, что старая экономическая система слагалась из отдельных разрозненных интересов, должно было препятствовать усовершенствованиям и изобретениям?

АНТАГОНИЗМ МЕЖДУ ПРОГРЕССОМ И СИСТЕМОЙ ЛИЧНЫХ ДОХОДОВ

— Как я уже сказала, — начала девушка, — интересы каждого зависели исключительно от его занятия, и это занятие служило для каждого единственным источником его доходов. Если это был капиталист, он вкладывал в свое дело весь свой капитал; если это был ремесленник, то его капитал составляло знание какого-нибудь ремесла, и в средствах к существованию он зависел исключительно от спроса на ту работу, которой он научился. Капиталист, ремесленник, хозяин или служащий — все одинаково зависели от своей специальности и ей ограничивались все источники их доходов; все, что выходило за пределы их занятий или дел, с экономической точки зрения не могло представлять для них никакого интереса. Как известно, всякая новая идея, изобретение или открытие в сфере промышленности ведет всегда к более или менее полному упразднению известных приемов, которые раньше применялись в данной отрасли и, следовательно, вносит расстройство в экономические отношения, связанные с этими приемами. При нашей системе, как уже было

мной упомянуто, перемена в методах производства никому не наносит ущерба, она вызывает лишь перетасовку рабочих. Каждое новое открытие сулит всем возращание богатства или досуга, между тем как при старой системе усовершенствования и открытия нередко означали разорение для целого ряда лиц. Капиталист терял свой капитал, свои вклады, рабочие лишались своего единственного источника существования и должны были всецело зависеть от произвола того, что вы так верно называли холодным людским состраданием. И люди, которые терпели в таких случаях потери, никогда не вознаграждались обществом. А между тем последнее должно было б это сделать хотя бы во имя той общей пользы, которую приносило всякое открытие.

Естественно, что самые благодетельные открытия были страшны, как смерть, тем, специальные занятия которых эти изобретения упраздняли. Капиталисты сидели от страха пред открытиями, которые могли в один день все их драгоценности превратить в ненужный хлам, а ремесленников мысль о новой машине, которая делает их труд излишним и отнимет хлеб у их детей, эта мысль постоянно давила, как тяжелый кошмар.

Благодаря разделению экономического мира на разряды определенных, разрозненных, личных и групповых интересов, не связанных никакой общей идеей, благодаря тому, что каждый вспахивал на экономическом поле свой маленький участок за свой собственный риск и страх, прогресс в области наук и искусств, как пламя или чума, вызывал разложение и гибель отдельных частей общественного организма.

Путь изобретений был усеян многочисленными гекатомбами. Когда прядильная машина заменила собой самопрялку, голод воцарился во всех английских деревнях. Когда железная дорога пришла на смену почтовой карете, тысячи городов, расположенных в горах, пришли в упадок в то время, как тысячи других городов в долинах быстро богатели; фермеры Востока беднели потому, что на Западе появилась новая система земледелия. Когда китовое масло было вытеснено керосином, это повлекло за собою разорение сотен морских портов. На Юге были открыты железная руда и каменный уголь — и улицы северных городов, где раньше процветало железное дело, поросли травой. Электричество вытеснило пар — и миллиарды, вложенные в железнодорожные предприятия, безвозвратно погибли. Но к чему продолжать бесконечный перечень?

Всегда наблюдалось одно и то же явление: всякое важное открытие неизменно причиняло известной части общества ничем не возмездимые потери. Целые армии банкротов, полчища рабочих, обреченных на бродяжничество, море страданий — вот цена, которую платили наши предки за каждый шаг по пути прогресса. Этот путь был усеян костями, но наших предков не смущали никакие жертвы, и, похоронив или убрав с дороги трупы павших, они праздновали торжество промышленности, и их ораторы прославляли в стихах победы мира «не менее славные, чем те, которые одерживаются на бранном поле». Ораторы при этом не давали себе труда остановиться на том факте, что так называемые мирные победы стоили человечеству стольких же жертв и жизней — а часто и гораздо больше, — чем войны. Мы читали о пирамиде Тамерлана в Дамаске, составленной из 70 000 человеческих черепов. Можно с уверенностью сказать, что если бы хотели воздвигнуть памятник в честь Стефенсона или Аркрайта из черепов тех, которые стали жертвами их открытий, то пред этой пирамидой пирамида Тамерлана показалась бы ничтожной. Но Тамерлан был зверем, а ведь Аркрайт был гений, ниспосланный на благо человечеству, и тем не менее отвратительный фигляр в лице экономической системы старого времени превратил благодетеля в виновника столь же жестоких страданий, как и те, которые причинили человечеству завоеватели. То, что люди распинали и побивали камнями своих благодетелей, не было еще самым ужасным; нечто худшее заключалось в том, что капиталистическая система превращала дары гениев в проклятие.

— А рабочие и капиталисты, чьим интересам грозили изобретения, предпринимали ли они какие-либо меры для борьбы с открытиями и изобретениями?

— Они пускали в ход все средства: если бы рабочие только могли, они бы наложили свое вето на все изобретения, которые могли способствовать уменьшению спроса на рабочие руки. Но так как они не могли этого сделать, то прибегали к организации рабочих союзов и насилию; и никто не вправе осуждать этих несчастных за их сопротивление тем усовершенствованиям и изобретениям, которые так часто лишали их всяких средств к жизни. Направленное против них ружье было бы для них менее смертельно, чем какая-нибудь сберегающая работу машина. В те злосчастные времена лишить человека навсегда возможности заниматься тем, к чему он приспособился,

значило нанести ему смертельный удар; если такому человеку не удавалось найти другую работу, что бывало очень часто, лучше уж было б ему погибнуть на войне под воодушевляющие звуки барабана и труб: такая смерть, по крайней мере, обеспечивала его семье пенсию. Конечно, рабочие заблуждались, когда они вместо того, чтобы бороться со всей капиталистической системой, яростно нападали на новые усовершенствованные машины, которые при разумной системе могли бы дать самые благоприятные результаты.

— А как боролись капиталисты с изобретениями?

— Главным образом отрицательными средствами, которые, однако, скорее достигали своей цели, чем рабочие своими возмущениями. Во всем инициатива принадлежала капиталистам. Какими бы высокими достоинствами ни отличалось то или иное изобретение, изобретатель должен был заблаговременно заручиться содействием капиталиста, а последний только при том условии оказывал свое содействие, если изобретатель отказывался в его пользу от большей части тех надежд на прибыль, которые сулило ему его изобретение. Еще большим препятствием для распространения изобретений служил тот факт, что те, которым при других условиях было бы выгодно их популяризировать, были заинтересованы в том именно деле, которому данное изобретение грозило разорением; следовательно, в их интересах было подавлять всякие усовершенствования, благодаря которым употребляемые ими машины и приемы становились устарелыми и негодными и применение которых могло повлечь за собою потерю всего капитала, вложенного в дело. Капиталист не только должен был быть уверенным в том, что изобретение само по себе очень хорошо, но он должен был еще заранее быть уверенным в том, что доходы, которые оно сулит, настолько велики, что они в состоянии вознаградить его за те потери, которые он мог понести раньше, чем новая машина получит практическое применение. Дать ход таким изобретениям, которые могли вытеснить прежние источники доходов, было бы для капиталистов равносильно самоубийству, и поэтому, если они не могли отделаться от подобного рода изобретений, они обыкновенно скупали патенты и сдавали их в архив. После Революции было найдено такое множество патентов, что они могли бы снабдить человечество изобретениями в течение десятков лет.

В истории старой системы есть одна в высшей степени трагическая глава, это та, которая повествует нам о борьбе и

разочарованиях, которые изобретателям нередко приходилось выносить в течение всей своей жизни. Сколько они терпели от лжи, обмана и наглой эксплуатации капиталистов, в помощи которых они нуждались! Все эти истории кажутся совершенно непонятными нашему поколению, которое так заботливо культивирует и так усердно поощряет изобретательные способности, которое предлагает к услугам каждого, в чьем мозгу зародилась новая мысль, всевозможные материалы, сведения и средства для развития и практического осуществления новой идеи.

— Но факты, на которые вы ссылаетесь и которые свидетельствуют об антагонизме между системой личных доходов (vested interests) и экономическими улучшениями, должны были быть нашим предкам лучше известны, чем нам. Как же вы, однако, объясняете то обстоятельство, что они, по-видимому, искренно верили в то, что их система наиболее благоприятна для открытий?

— Их искренность не подлежит сомнению, — ответила девушка, — их вера основывалась на том наблюдении, что всякое открытие или усовершенствование проводилось в жизнь под покровительством какого-нибудь капиталиста.

На самом деле это обстоятельство являлось необходимым логическим следствием системы, которая только капиталистам предоставила инициативу. Наблюдение наших предков грешило в том отношении, что они совершенно упустили из виду, что капиталистический строй раньше, чем прийти на помощь изобретателю, употреблял все средства для борьбы с ним. В данном случае они рассуждали подобно детям, которые, видя, что вода в реке перебрасывается через плотину, делают отсюда заключение, что плотина — причина разлива, а не препятствие, которое тогда только пропускает воду, когда нет возможности удержать ее.

— Хотя наш урок, — заметил учитель, — ограничивается, строго говоря, обзором экономических результатов старой системы, но очень часто сама тема приводит нас к социальным явлениям такой важности, что невозможно обойти их молчанием. Мы видели, как система личных доходов, на которой зиждется капиталистический строй, мешала изобретениям проникнуть на экономическую арену. Но существовала другая арена, где та же система приводила еще к более пагубным результатам. Расскажите нам, Флоранса, в какой форме сказывалось задерживающее влияние системы личных доходов на развитие новых идей в области мысли, морали, науки и религии?

— До великой Революции, — ответила девушка, — высшее образование не было всеобщим, как у и нас, а было только привилегией небольшой группы людей; понятно, что члены этой кучки людей, называвшейся образованным классом, стали умственными и духовными учителями и вождями всего народа. Они руководили мыслями народа, предписывали ему правила поведения и, благодаря своему умственному превосходству, удерживали за собою господствующую роль в экономической жизни и направляли ход цивилизации. В современном обществе не может быть класса, который пользовался бы такой монополией влияния, так как высокий уровень умственного образования всех граждан делает подобное слепое повиновение отдельным вождям невозможным со стороны народа. Но раз таким влиянием пользовалась в прежние времена ограниченная группа людей, для народа было жизненно важно, чтобы эта группа сознавала всю ответственность своего положения и посвятила себя всецело служению общего блага, не останавливаясь ни перед чем на своем пути. Но в капиталистическом обществе, где благосостояние каждого индивидуума и каждой группы зависело исключительно от процветания того дела, которое составляло специальность данного индивидуума или группы, такое идеальное отношение к своим обязанностям было невозможно. Образованные люди — учителя, проповедники, писатели и все представители свободных профессий — были прежде всего ремесленниками совершенно так же, как сапожники и плотники, так как их благосостояние находилось в тесной зависимости от спроса на те идеи и доктрины, которые они проводили, и на те профессиональные услуги, посредством которых они зарабатывали себе средства к жизни. Учительство или проповедничество было тем же источником личных доходов, теми же средствами к существованию. При таком положении вещей члены образованных классов должны были относиться к нововведениям в их профессиях точно таким же образом, как сапожники и плотники относились к изобретениям и усовершенствованиям в их ремеслах или торговле. Отсюда ясно, что, как только зарождалась какая-нибудь новая идея в сфере религии, медицины, политической экономии, социологии или в какой-либо другой области, первый вопрос, который должен был поставить себе ученый класс, господствовавший в этой области и черпавший в ней средства к жизни, заключался не в том, хороша ли и целесообразна данная мысль сама по себе и соответствует ли она требованиям общего блага, а в том, как эта новая мысль отразится

на тех доктринах, учреждениях и традициях, с которыми связаны интересы и престиж данного класса. Если это была новая религиозная идея, священник прежде всего задавался вопросом: какое влияние она окажет на его приход и на положение, которое он в нем занимал? Если это была медицинская идея, то доктор сейчас же спрашивал себя: какое она будет иметь влияние на «практику» той школы, к которой он принадлежал? Если это была новая экономическая или социальная идея, тогда все же, чей капитал заключался в репутации специалистов данной области, прежде всего задумывались над тем, не противоречит ли эта идея тем традициям и доктринам, которые они пускали в продажу. Так как всякая новая идея обыкновенно дискредитировала своих предшественниц в той же области, то вполне понятно, что образованные классы в силу экономических соображений должны были инстинктивно и почти неизменно противиться всяким реформам и начинаниям в области своей специальности. Ведь и ученые были люди, а потому их так же мало можно осуждать за то, что они так враждебно относились ко всяким новым идеям, как и ткачей и каменщиков за то, что они боролись с каждым новым открытием, грозившим отнять у них хлеб.

А между тем подумайте, какое ужасное и по временам неодолимое препятствие должен был представлять собою тот факт, что духовные вожди народа, выразители его дум, в силу своей экономической зависимости от общепринятых принципов как от единственного источника их доходов, сворачивали с пути прогресса, повинаясь эгоистическому чувству самосохранения. Когда мы ясно представим себе все огромное значение этого факта, мы станем тогда удивляться не тому, что человечество подвигалось так медленно вперед, а тому, что оно вообще сколько-нибудь подвигалось.

Глава XXVIII

О ТОМ, КАК СИСТЕМА ПРИБЫЛИ СВОДИЛА К НУЛЮ ВСЕ БЛАГОДЕЯНИЯ ИЗОБРЕТЕНИЙ

— Вражда частнокапиталистического строя к прогрессу, — продолжал учитель, — обуславливалась, как я уже указывал, двумя моментами: во-первых, органическим антагонизмом между системой самостоятельных личных доходов и всякого рода

переменами и потрясениями, которые могли наносить ущерб этим доходам; второй момент — к разбору его я приглашаю вас, Гарольд, приступить — заключался в свойстве системы прибыли сводить к минимуму, или даже к нулю, все выгоды, которые общество могло бы извлечь из открытий и изобретений, когда последним удавалось преодолеть все препятствия и завоевать себе место в экономической жизни. Конец XVIII и весь XIX век были ознаменованы множеством величайших и поразительнейших изобретений в сфере производства, не имевших себе равных ни в одну из предшествовавших эпох. Чем был вызван этот взрыв гениальности?

— Он был вызван той же самой причиной, — ответила девушка, — которой можно объяснить и возникновение в то время демократического движения и идеи всеобщего равенства, то есть распространением образования среди масс; образование, впервые ставшее общедоступным, увеличило в 1000 раз умственные силы человечества, которые с политической точки зрения изменили свое направление: вместо того чтобы преследовать интересы немногих, они стали добиваться удовлетворения потребностей большинства.

— Наши же предки, — заметил учитель, — видя такой наплыв гениальных открытий и изобретений при господстве капиталистической системы, пришли к тому заключению, что этой системе присуще нечто такое, что особенно благоприятствует развитию духа изобретательности. Можете ли вы сказать что-либо по этому поводу помимо того, что было сказано?

— Ничего, — возразил мальчик, — разве только то, что, рассуждая таким же образом, мы должны были бы прийти к заключению, что следует уважать и институт царской власти, и дворянство, и плутократию за то, что эти учреждения сильно способствовали развитию демократической идеи, которая ко времени великой Революции достигла пышного расцвета.

— Я считаю, что поставленный мною вопрос исчерпан, а теперь расскажите нам подробнее об этом великом периоде открытий, который начался в конце XVIII века.

ГАРОЛЬД КОНСТАТИРУЕТ ФАКТЫ

— Начиная с древних времен до последней четверти XVIII века, — начал мальчик, — техника, если исключить судостроительное и военное дело, не сделала почти никаких

успехов. Только в 1780 году, или приблизительно около этого времени, начинается целая серия открытий новых источников сил, которые, найдя себе применение в виде разных машин, произвели настоящую революцию в промышленности и торговле. Пар и каменный уголь увеличили способность человека производить богатства в такой степени, которая не поддается вычислению. Не будет преувеличением, если мы скажем, что, благодаря техническим изобретениям в сфере промышленного производства, человек из пигмея превратился в титана. Я назвал только самые значительные факторы в целом ряде бесчисленных и разнообразных открытий, которые баснословно сберегали человеческий труд во всех отраслях и занятиях, необходимых для поддержания человеческой жизни. Казалось бы, что в земледелии, где стихии природы играют такую огромную роль, где естественный процесс не может быть ускорен произвольно, казалось бы, что здесь почва для открытий и изобретений самая неблагодарная и вмешательство человека может лишь в слабой степени увеличить производительную силу земли. Но факты свидетельствуют обратное. Вычисления показывают, что земледельческие машины, которые получили наибольшее распространение в Америке, умножили в 15 раз производство каждого отдельного рабочего. В других отраслях, где производство находится в меньшей зависимости от природы, изобретения за этот период увеличили рабочую силу в 50 и во 100 раз, так что один человек мог отныне производить столько продуктов, сколько раньше могла бы произвести маленькая армия.

— То есть, — продолжал учитель, — хотя человеческие потребности не увеличились, возможность удовлетворять их бесконечно возросла. Эта-то изумительная продуктивность человеческого труда доставляла человечеству такие экономические выгоды, которые не были известны в предшествовавшие века. Словно Бог предоставил в пользование человеку все силы вселенной. Теперь, Гарольд, предположим, что пред вами нарисовали бы эту картину изумительного роста продуктивности человеческой энергии и ничего к этой картине не прибавили бы. Какие предположения она должна была естественно вызвать у вас?

— Я был бы вправе предположить, — ответил мальчик, — что все несчастья и несовершенства жизни, которые до тех пор косвенно или непосредственно вытекали из материальной нужды, канули безвозвратно в Лету; что из человеческой речи исчезло само понятие, которое некогда означало бедность.

Я имел бы основание идти дальше, дать волю своей фантазии и рисовать себе какие угодно картины всеобщего благоденствия. Факты, которые имелись в действительности, оправдывали самые смелые мечты о человеческом счастье, насколько, конечно, материальные блага могут обеспечить полноту счастья.

— Прекрасно. Теперь, Гарольд, мы знаем, чего мы должны ждать от вашего дальнейшего изложения исторических фактов; мы легко можем представить себе, как на деле великие изобретения XVIII и XIX веков отразились на благосостоянии масс. Возьмите положение трудящихся в передовых странах в конце XIX века после того, как народ в течение целого столетия уже наслаждался всеми благодеяниями, которыми промышленность была обязана пару, каменному углю и другим великим открытиям, сравните затем условия их существования с теми, в которых они находились, скажем, в 1780 году, и укажите нам те перемены к лучшему, которые произошли в их материальном положении за этот промежуток времени. Без сомнения, перемена окажется изумительной.

— Вопрос о том, — возразил юноша, — произошло ли на самом деле какое-нибудь улучшение в материальных условиях жизни большинства народной массы, служил предметом многочисленных дебатов и тщательных вычислений.

— Неужели улучшения были настолько незначительны, что могло даже возникнуть сомнение в их существовании?

— Именно так. Что касается положения народа в XIX веке, то представление о нем дают нам те факты, которые Флоранса нам сообщила, когда она коснулась результатов торговых сношений Англии с другими странами. Англия не только превосходила все другие страны по размерам внешней торговли, но она раньше других и в больших размерах стала пользоваться великими изобретениями. А между тем, как указывала Флоранса, социологам этого времени не стоило большого труда доказать, что экономическое положение английского народа было в конце XIX века более печальное, чем в предшествовавшие века, когда о действии пара еще никто не подозревал; то же самое они утверждали о Германии и Нидерландах. Что касается рабочих масс Италии и Испании, то их экономическое положение во времена Римской империи было гораздо лучше, чем в XIX веке. Если французы XIX века пользовались несколько большим благосостоянием, чем в XVIII веке, то этой переменой они были обязаны всецело разделу земли во время французской революции и отнюдь не изобретениям.

— А каково было положение дел в Соединенных Штатах?

— Если бы даже Америка дала нам пример улучшения экономических условий, и тогда мы не имели бы никакого основания приписывать это улучшение действию изобретений, так как огромнейшие экономические преимущества, которыми она обладала, как новая, еще не изведенная страна, поставили ее, конечно, только на время, в весьма выгодное положение по отношению к другим странам. Впрочем, в нашем распоряжении нет точных данных, которые в состоянии были бы убедить нас в том, что положение масс в Америке было лучше, чем в Старом Свете. В последнее десятилетие XIX века для того, чтобы хоть несколько успокоить недовольство рабочих и фермеров, которое стало принимать революционный характер, чиновники, по поручению правительства Соединенных Штатов, обнародовали подробные отчеты, в которых они путем сравнения величины заработной платы и товарных цен старались убедить общественное мнение в том, что за протекшие годы средний заработок американских рабочих и ремесленников несколько возрос. Конечно, нас отделяет слишком значительный промежуток времени для того, чтобы мы могли критиковать подробно все вычисления правительственных агентов, но мы не рискуем ошибиться, если отнесемся скептически к их главному выводу, будто положение народа значительно улучшилось. Надежным основанием для нашего скептицизма может служить самый факт народного недовольства, которое заставило правительство опубликовать упомянутые отчеты в тщетной надежде успокоить раздражение масс. Можно быть уверенным в том, что народ лучше знал свое положение, чем социологи того времени, а между тем не подлежит сомнению, что в последние десятилетия XIX века в народных массах Америки все больше крепло убеждение в том, что они медленно идут ко дну, что им грозит опасность очутиться в том же приниженном положении, в котором находились пролетариат и крестьянство в древней и современной Европе. Что же касается кропотливых вычислений апологетов капитализма, то им можно противопоставить факты, вернее раскрывающие истинные тенденции экономического положения американского народа, как, например: возрастающие среди населения нищенство и бродяжничество, которые стали принимать в Новом Свете такие же размеры, какие они приняли к тому времени в Старом Свете, грозные восстания наемных рабочих, которые приняли характер постоянных промышленных войн и, наконец,

состояние хронического банкротства, в которое фермеры все безнадежнее впадали.

— Довольно об этом предмете, — сказал учитель. — В интересующей нас параллели неуместно подчеркивание мелких различий. Мы можем ограничиться одним указанием на то, что если бы из бесконечно возросшей, благодаря изобретениям, продуктивности человеческих сил сделали разумное употребление, если б эти силы были направлены к достижению общего блага, бедность исчезла бы навсегда и все могли бы наслаждаться если не роскошью, то полным комфортом. Факт этот представляется и ясным как день, и нет нужды поэтому вдаваться в казуистические тонкости по поводу того, улучшилось ли на одну йоту положение такого-то класса общества в той или другой стране, или же оно настолько же ухудшилось. Даже те, которые заявляли, что кое-где произошли улучшения, никогда и не думали утверждать, что улучшения эти в состоянии хоть сколько-нибудь приблизить человечество к той эре благополучия, которую, по мнению всех, могли сулить великие изобретения.

А теперь, Гарольд, скажите нам, как объясняли наши предки тот поразительный факт — еще более поразительный, чем сами открытия, — что великие изобретения никаких особенных услуг человечеству не оказали. Неужели разумные люди не задумывались над этим явлением, с которым было связано столько горьких разочарований и столько разбитых надежд на человеческое счастье? Неужели они не пытались найти объяснение этой странной загадке? Она одна, казалось, должна была убедить наших предков в несправедливости и нецелесообразности их экономической системы, которая допускала и оправдывала такие вопиющие противоречия, она одна должна была бы, помимо других соображений, побудить их к коренной реформе.

— Я вполне согласен с этим, — сказал мальчик, — но, к сожалению, нашим предкам и в голову не приходило возлагать на экономическую систему ответственность за все неурядицы их общественной жизни. Как мы видели, они были все согласны, в большей или меньшей степени, что изобретения принесли человечеству очень мало пользы, но они никогда не пробовали отдавать себе отчет, почему это так было. По крайней мере, в многотомных произведениях политэкономов того времени мы не находим никаких споров, никаких объяснений по поводу этого факта, который нам представляется наиболее характер-

ным для всего экономического уклада дореволюционного периода. И что всего поразительнее, это то, что хотя изобретения не приносили человечеству никаких выгод, тем не менее наши предки продолжали с неостывающим энтузиазмом приветствовать их. Они были в каком-то восторженном опьянении от своих подвигов, хотя и бесплодных, и никогда не переставали мечтать о новых открытиях, которые бы совершенно подчинили им все силы вселенной. Никому из них на мысль не приходило, что если бы даже Бог решил открыть людям все тайны Своей сокровищницы, то и тогда человечество в общем выиграло бы очень мало, раз оно удержало бы в своем строе тот экономический механизм, который не позволял изобретениям и открытиям служить интересам всех.

Наши предки, по-видимому, не понимали, что до тех пор, пока существовала бедность, каждое новое открытие, увеличивавшее производительные силы человечества, являлось для системы новым фактом, изобличавшим ее в тупоумии и бесчеловечной жестокости. Они забывали, что до тех пор, пока их могучие машины не сделаются в руках людей орудием для достижения всеобщего благосостояния, эти машины будут иметь лишь значение научных игрушек столь же бесполезных и ничего не стоящих с точки зрения общечеловеческого блага, как и разные другие, хитро придуманные игрушечные плясуны.

Мы можем эту слепую и безумную страсть к новым и все более грандиозным изобретениям в связи с полнейшим равнодушием к тому, были ли эти изобретения или усовершенствования полезны человечеству, рассматривать как особого рода манию, одну из тех исторических эпидемий, которые так часто в известные периоды поражали целые нации, особенно в средние века. Никаких разумных объяснений тут быть не может.

— Да, вы имеете полное основание так говорить! — воскликнул учитель. — В самом деле: что пользы в том, что благодаря машинам один ткач мог приготовить такое количество сукна, для производства которого 100 лет назад понадобилась бы целая тысяча ткачей, если по-прежнему встречались люди в лохмотьях, дрожавшие от холода? Что пользы, что изобрели такие машины, при помощи которых американский фермер мог собрать в 12 раз большее количество хлеба, чем его дедушка, если в деревне число умирающих с голоду, полуголодных и недоедающих достигло небывалых цифр и вся страна кишела бездомными, отчаянными бродягами и нищими, которые попрошайничали у

каждого порога? Что пользы в том, что наши предки изобрели такие пароходы и корабли, которые могли считаться чудесами, когда главное назначение этих кораблей состояло, по-видимому, в том, чтобы перевозить несчастных пауперов из одной страны, где они успели обнищать, несмотря на новые, неимоверно берегающие труд машины, в другую, где их ждала неизбежно и в самый короткий срок та же участь? В середине XIX века все были в безумном восторге от новоизобретенной швейной машины, все говорили о тех благодеяниях, которые она принесет с собою, освободив человечество от тяжелой обузы. Но прошло каких-нибудь 50 лет, и дело изготовления платьев, которое, казалось, должно было радикальным образом измениться к лучшему, превратилось как в Америке, так и в Европе в настоящий рабский труд, ужасные условия которого, известные под кличкой «потогонной системы», шокировали даже жестокое поколение ваших современников. Да, наши предки пользовались спичками вместо кремня и стали, керосином и электричеством вместо свечей и китового сала, но тот новый свет, который они добыли, освещал старые, знакомые картины нищеты, грязи и нравственного вырождения — картины, которые при новом освещении казались еще ужаснее. В начале XIX века немногие нищие, которые были в Америке, пробирались пешком, в конце же этого века нищие крадучись ездили по железным дорогам, но число этих нищих увеличилось в 50 раз. Люди стали делать 60 миль в час вместо прежних 5 или 10, но в погоне за счастьем они не завоевали ни одной пяди у нищеты, которая, как тень, всюду преследовала их.

— А теперь, Елена, мы попросим вас объяснить те факты, которые так ясно представил нам Гарольд. Укажите нам причину, почему человечество извлекло относительно так мало пользы — и даже сомнительно, извлекло ли оно какую бы то ни было пользу — из усовершенствований и открытий, которые, казалось, своим изумительным действием на продуктивность человеческой энергии должны были произвести благотворный переворот во всем экономическом строе и навсегда освободить мир от нужды. Скажите, почему старая система частного капитализма должна была провалиться с таким треском?

— Причина ее краха заключалась в принципе доходов, — ответила Елена.

— Объясните, пожалуйста, точнее свою мысль.

— Великие технические изобретения, о которых говорил Гарольд, — начала девушка, — заключались в новых машинах

и приемах, значительно сберегавших труд; другими словами, благодаря изобретениям человек мог производить больше, чем прежде при той же затрате своих сил, или столько же, но с меньшими усилиями. Когда ходом промышленности руководит коллективная организация, как наша, преследующая выгоды всех, каждое изобретение увеличивает общую сумму производства, которая делится поровну между всеми членами общества, или же — если общество решает оставить производство в прежних размерах — оно пользуется сберегаемым досугом как своего рода дивидендом, который подлежит такому же равномерному распределению. Но старая система не знала коллективного производства. Администраторами были капиталисты, только они в состоянии были проявлять инициативу и затевать грандиозные экономические предприятия; но во всем, что бы они ни принимали, они преследовали не интересы всего общества, а исключительно свои личные выгоды. Единственный критерий, которым они руководились при оценке какого-либо изобретения, заключался в том, насколько это изобретение обещало увеличение производства при тех же затратах или же уменьшение стоимости производства при сохранении его размеров. Возьмем первый случай. Предположим, что капиталист приобрел новую работосберегающую машину. Оставляя у себя прежнее число рабочих, он рассчитывал увеличить производство и получить, следовательно, большие доходы при прежних затратах. Если бы капиталист хотел расширить свое производство без помощи новоизобретенной машины, он должен был бы принанять известное число рабочих. Эти рабочие получали бы, конечно, известное жалованье, которое они бы тратили на покупку нужных предметов. Мы видим, что в последнем случае увеличение размеров производства сопровождается также, хотя далеко не пропорциональным, увеличением покупательных средств населения. Когда же капиталист расширяет производство при помощи новых машин, не увеличивая числа нанимаемых рабочих, покупательные средства нисколько не увеличиваются и несоответствие между производством и потреблением все больше растет. Правда, покупательные средства отчасти возрастали, благодаря жалованью, которое выдавалось механикам, строившим работосберегающие машины, но это жалованье было ничтожно в сравнении с увеличением общего производства, так как иначе не было бы никакого смысла покупать машину. Само собой разумеется, что увеличение производства еще больше способствовало скоплению продуктов на и без того переполненном рынке;

и если бы значительная часть капиталистов заводи́ла у себя работосберегающие машины, рынок был бы до того завален товарами, что кризис и полнейший застой в производстве были бы неизбежны; чтобы хоть сколько-нибудь уменьшить или предотвратить такое несчастье, в руках капиталистов имелись два средства. Они могли понизить цены на продукты машинного производства, так что покупательные средства общества, абсолютная величина которых оставалась без перемены, возрастали относительно, а именно настолько, насколько против прежнего понизились цены вследствие введения новых машин. Но при таком образе действия капиталисты извлекли бы очень мало пользы из своих машин, все выгоды достались бы обществу. Совершенно излишне говорить о том, что подобного рода результат не входил в планы капиталистов и они поэтому прибегали к другому, излюбленному ими приему. Он заключался в том, что, сохраняя прежние размеры производства, предприниматели, чтоб не лишать себя доходов, отказывали известному числу рабочих, выгадывая, таким образом, на стоимости затрат при производстве. Осторожные капиталисты применяли этот прием во всех случаях, за исключением тех, когда изобретатели открывали производству новые горизонты; страх перед торговым кризисом заставлял с чрезвычайной осмотрительностью относиться к малейшему расширению производства. Так, например, если применение новых машин вдвое увеличивало производительную силу рабочего, тогда капиталист отказывал половине служащих, и то, что он сберегал таким путем на заработной плате, он клал себе в карман, продолжая производство в прежнем размере. Такой прием заключал в себе еще и другую выгоду. Рабочие, лишившиеся места, наполняли кадры безработных, которых нужда заставляла сбивать цены за труд. Эта отчаянная конкуренция между рабочими была как нельзя более на руку капиталистам, которые при первой возможности сбавляли заработную плату тем рабочим, которые у них оставались. Итак, технические изобретения, имевшие характер работосберегающих машин, приводили к следующим результатам: во-первых, они давали капиталистам возможность отказывать части рабочих и, во-вторых, они позволяли тем же капиталистам через более или менее короткие промежутки сбавлять плату тем рабочим, которые были у них заняты.

— Вы хотите сказать, если я вас верно понял, — сказал учитель, — что технические изобретения или обуславливали увеличение производства без соответствующего увеличения

покупательных средств населения и вызывали, таким образом, чрезмерное переполнение рынка товарами, или же непосредственно способствовали уменьшению покупательных средств, давая капиталистам возможность пользоваться меньшим числом рабочих и понижать заработную плату. Говоря проще, весь результат машин сводился, следовательно, к непрерывному возрастанию разницы между производством и потреблением, которая оставалась в виде прибыли в руках капиталистов.

— Именно так. Приобретая работосберегающие машины, капиталисты преследовали только одну цель: удержать за собой в форме прибыли по возможности большую часть продуктов, урезывая до минимума заработную плату.

Таким образом, те самые машины, которые должны были навсегда освободить мир от гнета нищеты, при капиталистическом строе более, чем что-либо другое, способствовали обеднению масс.

— Но разве конкуренция не вынуждала капиталистов жертвовать частью своих барышей и назначать более низкие цены с тем, чтоб иметь возможность освободиться от своих товаров?

— Без сомнения, но подобного рода понижения цен не в состоянии были увеличить потребительные средства народа, за исключением разве тех редких случаев, когда понижения производились на счет доходов предпринимателей. Но обыкновенно, когда конкуренция заставляла капиталистов сбавлять цены на товар, они, как Жан сегодня утром объяснил нам, все-таки удерживали свои доходы, производя продукты худшего качества или же урезывая заработную плату. К такого рода приемам они прибегали до тех пор, пока ничего уже нельзя было больше выжать из рабочих и из общества. Только тогда капиталисты готовы были поступиться частью своих доходов, но было уж слишком поздно, так как обедневшие потребители не в состоянии были увеличить своего потребления. Как уже Жан объяснил, самые низкие цены на товары стояли в тех странах, где население было наиболее бедное, но это не приносило никакой пользы народу.

АМЕРИКАНСКИЙ ФЕРМЕР И МАШИНЫ

— А теперь, — сказал учитель — я попрошу вас объяснить нам, какое действие оказывало применение работосберегающих машин на положение того класса капиталистов, который составлял самую значительную часть американского населения, — я

имею в виду фермеров. Мы называем их капиталистами, так как с формальной точки зрения их следует признать таковыми, несмотря на то что их орудия производства и принадлежавшие им фермы были обременены долгами и закладными и сами они были такими же жалкими жертвами эксплуатации капиталистов, какими были пролетариат и ремесленники. Изобретения и усовершенствования в области земледелия в конце XIX века увеличили производительные силы человека настолько, что, как уже было здесь сказано, один рабочий в состоянии был исполнить работу, для производства которой 100 лет назад понадобилось бы 15 человек. И однако, чем большее распространение получали новые земледельческие машины, тем положение американского фермера становилось хуже и безнадежнее. Чем вы объясняете такое явление? Почему машины не доставили фермерам, которые были тоже своего рода капиталистами, тех огромных барышей, которые они доставили капиталистам?

— Как я уже сказала, — ответила девушка, — прибыль, которую доставляли машины капиталистам, зависела от увеличения продуктивности наемного труда; машины давали возможность капиталисту либо производить то же самое количество продуктов с меньшими затратами, либо большее количество продуктов при тех же затратах на жалование рабочим, так что в конечном результате часть последних, благодаря применению усовершенствованных машин, могла быть уволена. Очевидно, что размеры прибыли зависели от размеров предприятия, то есть от числа занятых в нем рабочих, и от общей стоимости производства. Когда фермерство велось на широкую ногу, в 20–30 тысяч акров земли, фермеры-капиталисты наживали огромные барыши благодаря применению работосберегающих земледельческих машин, без которых они не могли бы получать доход с своей земли.

Благодаря машинам, капиталисты были в состоянии доставлять на рынок большее количество продуктов при весьма незначительном увеличении затрат на производство или же то же самое количество продуктов при гораздо меньших затратах. Но большинство американских фермеров вело свое дело в небольших размерах: каждый фермер сам делал почти всю работу, нанимая чужих очень редко. Они, следовательно, могли выиграть очень мало или ничего от применения новых машин, которые давали возможность увольнять часть рабочих. Единственное средство, к которому они должны были обратиться,

заклучалось не в урезывании расходов, связанных с производством, а в возможном увеличении производительности своего собственного труда. Но так как потребительные средства, которыми располагало население, не увеличивались, следовательно, и спрос на продукты не увеличивался. Благодаря этому, если бы даже фермеры и могли увеличить при помощи машин размеры своего производства, они должны были для обеспечения сбыта своих продуктов продавать их по пониженной цене. И в конце концов получался тот же результат, так как за большее количество продуктов они бы получили не больше, чем за меньшее. Даже и столько они бы не выручали, так как самый незначительный избыток продуктов, в руках небогатых фермеров, которые не могли ждать и должны были немедленно его сбыть, вызывал такое значительное понижение цен, которое не соответствовало размеру избытка. В Соединенных Штатах число мелких фермеров было так велико, их стремление возможно скорее сбыть свои продукты было так настойчиво, что к концу XIX века рыночные цены стали убыточными не только для них, но и для крупных капиталистов, у которых были огромные фермы.

— Так что, — сказал учитель, — из ваших слов, Елена, можно сделать то заключение, что введение машин в конечном результате грозило американским фермерам совершенным разорением.

— Без всякого сомнения, — подтвердила девушка. — Наше заключение находит себе подтверждение в том факте, что те самые изобретения, которые увеличили продуктивную силу рабочего в 15 раз, благодаря системе доходов, сделали фермера банкротом, и пока господствовала подобная система, положение последнего продолжало оставаться безнадежным.

— Были ли фермеры среди класса мелких капиталистов единственными, кому работосберегающие машины принесли больше вреда, чем пользы?

— Нет, в таком положении оказались все мелкие капиталисты, независимо от их занятий. Как я уже сказала, размер доходов находился в прямой зависимости от размеров предприятия. В маленьком предприятии, где путем замены небольшого числа рабочих машинным трудом нельзя было понизить стоимость производства, введение новых машин ставило предпринимателя в весьма невыгодное положение в сравнении с положением крупных капиталистов. Введение усовершенствованных машин

следует считать одним из важнейших факторов, которые к концу XIX века обессилили мелких капиталистов, сделали их неспособными выдержать борьбу с крупными капиталистами ни в какой отрасли промышленности и способствовали концентрации экономической власти в руках малочисленной группы.

— Предположите, Елена, что Революция не наступила бы, а новые машины изобретались бы в таком же огромном количестве, как и прежде; предположите далее, что консолидация крупных капиталов давала бы возможность капиталистам не тратить своих средств и доходов на конкуренцию; скажите, что произошло бы тогда?

— Произошло бы то, — ответила девушка, — что все те богатства, которые раньше непроизводительно тратились на конкуренцию, теперь бы расходовались на производство новых предметов роскоши. Применение усовершенствованных машин значительно сократило бы количество рабочих рук, необходимых для производства; тот класс людей, который был бы в состоянии доставить человечеству все необходимые продукты и услуги, становился бы все малочисленнее, огромнейшая же часть населения, включая сюда массы рабочих, вынуждены были бы искать применения своего труда в непроизводительных занятиях, а именно в производстве предметов роскоши и оказании услуг богатым. Таким образом, все население страны делилось бы на три класса: на господствующую касту, весьма немногочисленную; на обширный класс непроизводительных рабочих, занятых изготовлением предметов роскоши и удовлетворением прихотей господствующей касты; и, наконец, небольшой класс настоящих рабочих, которые, благодаря усовершенствованным машинам, могли бы снабжать всем необходимым все население. При этом совершенно излишне прибавить, что средства к существованию массы населения, за исключением небольшой кучки господ, при таком порядке вещей были бы доведены до ничтожнейших размеров. Древние империи в периоде упадка часто представляли подобную картину: с одной стороны — ослепительная, безумная роскошь императорского двора и аристократии, с другой — нищенское прозябание умирающего с голоду населения, почти всецело занятого удовлетворением утонченных прихотей высшего класса. Но ни одна картина в прошлом не могла бы соперничать с той, которую представляло бы собой общество XIX века, если б Революция не помешала частнокапиталистическому строю дойти в своей

эволюции до конца. Мир увидел бы зрелище более отвратительное и ужасное, чем то, свидетелями которого были Древний Рим, Египет, Ассирия, когда восседавшие на тронах люди, точно боги, возвышались над преклонявшимся и раболепствовавшим пред ними народом.

— Довольно, Елена, — сказал учитель, — вашим показанием мы закончим наш обзор старого капиталистического строя, который навсегда стерла с лица земли великая Революция. Конечно, есть еще множество других сторон и отдельных пунктов, которых можно было бы коснуться, но наши дальнейшие исследования были бы так же бесполезны, как и утомительны. Я полагаю, что наш анализ раскрыл самое существенное. Если вы поняли ту истину, что прибыль, рента и проценты ложились тяжким бременем на потребительные средства большинства населения, что они отнимали у рабочего класса часть продуктов его труда и являлись, таким образом, тормозом для самого производства, тогда пред вами открылась тайна, почему общество до Революции терпело нужду и лишения, почему никакие усовершенствования, из каких бы источников они ни исходили, не в состоянии были оказать обществу никакой существенной пользы до тех пор, пока не была с корнем вырвана та экономическая система, в которой проценты, доходы и рента составляли неизбежные и неразлучные части.

Глава XXIX

МНЕ УСТРАИВАЮТ ОВАЦИЮ

— А теперь, — сказал учитель, взглянув на галерею, где мы сидели, — вас ждет большой сюрприз. Среди тех, которые слушали ваши объяснения утром и после обеда, находился один человек, имя которого вы без труда угадаете, если я скажу, что он единственный наш современник, который может судить, насколько вы верно изобразили картину условий жизни XIX века. Чтоб не смутить вас, я предпочел не говорить вам до настоящей минуты, что в числе присутствующих гостей находится не кто иной, как знаменитый мистер Вест, который любезно позволил мне представить вас ему.

Я, признаться, без особенной охоты принял предложение учителя, так как не желал быть предметом любопытных взглядов. Но

мне зато предстояло познакомиться с мальчиками и девочками XX века. Когда они меня обступили, я легко мог убедиться по напряженным взглядам девушек и растроганным лицам мальчиков, как сильно их занимала мысль о моем присутствии и как далеко было их чувство от легкомысленного любопытства. То чувство, которое они проявили ко мне, было полно такой деликатности и такого искреннего интереса, что оно не могло бы оскорбить даже самой чувствительной натуры. Такое отношение ко мне проявляли все взрослые люди, с которыми я до сих пор встречался, но ничего подобного я не ожидал от детей школьного возраста.

Теперь впервые я мог по достоинству оценить то влияние, которое оказывает на ребенка атмосфера утонченной мягкости, если он в ней живет с колыбели. Эти дети никогда ни от кого не видели ни грубости, ни жестокости, ни вспышек. Их доверием никогда не злоупотребляли, их чувств никто не оскорбил и никто не возбудил в них подозрительности. Не получая в детстве никакого представления о социальных классах или рангах, они с ранних лет научаются одинаковому обращению со всеми людьми. Так как им никогда не приходится разочаровываться в своих впечатлениях, ни добиваться чего-либо окольными путями, то вполне естественно, что им чужда всякая аффектация. Не в этом ли благотворном нравственном воздействии, не в этой ли чистоте и благородстве взаимных отношений, которые явились косвенным последствием воплощенного в жизни принципа равенства, — не в них ли заключается лучший и величайший дар, который новая система внесла в сокровищницу человеческого счастья?

Уже спустя несколько минут я чувствовал себя с детьми так легко, как будто я их всех давно знал; мы весело болтали и шутили. Они с величайшим интересом выслушивали мои рассказы о школах старого времени, и их наивные замечания доставляли мне истинное наслаждение.

В оживленной беседе час прошел незаметно.

Общение с молодежью всегда действует возбуждающим образом, дух же, который веял от этих прекрасных, юных и чистых существ, опьянял меня, точно вино.

Флоранса, Эсфирь, Елена, Марианна, Маргарита, Жорж, Роберт, Гарольд, Поль — никогда не забуду я этой группы девушек, пристально глядевших на меня, и мужественных, прекрасных юношей, в лице которых я впервые познакомился с молодым поколением!

Я часто думаю о том, что, быть может, Бог стал посылать на землю более нежные души с тех пор, как земля стала гостеприимнее для них.

Глава XXX

ЗНАЧЕНИЕ ВСЕОБЩЕГО РАСПРОСТРАНЕНИЯ ОБРАЗОВАНИЯ

Стоял один из тех жарких летних тропических дней, когда кажется преступлением провести без особой необходимости лишний час в комнате. Так как я и доктор располагали свободным временем, то, взяв на следующей станции автомобиль для двоих, мы выбрали для поездки домой окольные тропинки, прихотливо извивавшиеся в стороне от главной дороги.

Когда мы бесшумно катились по мягким мостовым, усеянным листьями, спадавшими с деревьев, которые в виде стройных колонн возвышались по обеим сторонам дороги — я выразил доктору свое удивление по поводу раннего развития школьных детей, справлявшихся в 13—14 лет с такими темами, которые в мое время предназначались лишь для высших школ и университетов. Но доктор, по-видимому, не придал особого значения моему замечанию.

— Политическая экономия, — сказал он, — с тех пор, как общество ввело у себя систему равномерного разделения труда и продуктов производства, стала наукой до того простой, что ее в состоянии теперь понять всякий ребенок, который знает, как поделиться яблоком с своими младшими братьями. С другой стороны, нетрудно указать все заблуждения ложной политической экономии, если имеешь пред собой образец истинной.

— А что касается раннего интеллектуального развития, — продолжал доктор, — то я не думаю, чтоб у наших детей оно выступало заметнее, чем у ваших, да мы об этом и не заботимся. В общем, какой-нибудь способный 12-летний ребенок XIX столетия мог бы очень легко соперничать в общих знаниях с современным ребенком того же возраста. Только в более позднем возрасте, 10 лет спустя, сказывается все различие в системе воспитания обоих столетий.

В ваше время в промежутке между 14 и 21 годами умственное развитие юноши очень мало подвигалось вперед, так как к 14 годам или несколько позже юноша менял школу на фабрику

или на ферму; мы не говорим, конечно, о детях богатых, которые составляли меньшинство. Образование же наших детей, как мальчиков, так и девочек, не обрывается, и к 21-му году они успевают пройти тот курс, который у вас назывался университетским.

— Но каким грандиозным должен быть ваш учебно-воспитательный механизм, если он в состоянии обеспечить всем высшее образование, — заметил я. — У нас только первоначальные школы были доступны почти для всех, в средние же школы поступал едва ли 1 из 100, а что касается университетов, то едва ли 1 из 1000 видел его когда-либо. Известнейшие в мое время университеты Гарвард, Йель и другие обратились в небольшие города, до того они были переполнены стекавшимися со всех сторон студентами.

— У нас они бы обратились в огромнейшие города, — заметил доктор, — если б в них должно было получить высшее образование наше юношество, так как наши ежегодные выпуски высших школ дают не тысячи оканчивающих, как было у вас, а миллионы. У нас, следовательно, не может быть центральных рассадников высшего образования, подобно тому как у вас не могло быть центров для первоначального образования. Каждая община имеет свой университет, подобно тому как у вас каждая община имела свои начальные школы, и в каждом нашем университете вы найдете больше студентов, чем их было в любом из ваших больших университетов, которые набирали своих слушателей чуть ли не со всех концов света.

— Но разве славные имена знаменитых учителей не привлекают студентов в один университет больше, чем в другой?

— Для того чтобы слушать чьи-либо лекции, мы не должны непременно посещать их, — ответил доктор. — Совершенство нашего телефона и электроскопа дает всегда возможность на далеком расстоянии пользоваться уроками любого учителя. У нас миллионы учеников могут легче выслушать лекцию популярного профессора, даже если она будет прочитана вследствие простуды лектора шепотом, чем в ваше время маленькая аудитория в 50 человек могла прослушать громкую речь профессора.

Я все более прихожу к убеждению, что именно этому характеру вашей культуры вы обязаны тем, что никакое рациональное нововведение не встречает в вашем обществе препятствий для своего осуществления. Мои современники, как вам известно, в теории вполне сознавали, что только всеобщее народное обра-

зование может обеспечить правильное функционирование демократического правительства, но наша система образования, которая в лучшем случае давала возможность всем научиться грамоте, представляется каким-то фарсом в сравнении с вашей системой народного образования.

— Иначе и быть не могло, — возразил доктор. — Дело в том, что всякая образовательная система строится на экономическом базисе. Общество тратит на содержание каждого ученика значительные средства, ничего не получая взамен в течение всего образовательного периода. А между тем этот период должен быть довольно продолжительным: он обнимает детские и юношеские годы вплоть до 20-летнего возраста. В противном случае образование превращается в пустой звук.

Таким образом, для получения истинного образования необходимо затратить большие средства, что в ваше время едва ли одному из тысячи было доступно. Конечно, на помощь могло прийти государство, но для этого нужно было, чтоб богатые согласились содержать детей бедняков, о чем первые, конечно, и слышать не хотели, в особенности когда речь шла не о школах грамоты, а о высшем образовании. Но, помимо денежного вопроса, со стороны богатых, цепко державшихся за свою власть, было бы безумием сеять в массах, обреченных на тяжелые и грязные работы, знания, которые должны были восстановить их против всего социального строя. В силу этих двух причин ваша экономическая система была несовместима с народным образованием в настоящем смысле слова. Наоборот, первым результатом нашей системы, системы экономического равенства, было то, что все получили одинаковую возможность пользоваться всеми имеющимися в распоряжении общества образовательными средствами. Одна из самых поучительных глав в истории Революции описывает, как сейчас после того, как восторжествовали новые идеи и новый строй был осуществлен, молодые люди обоего пола моложе 21 года, знавшие раньше только поле или фабрику, где они работали с детства, устремились в школы, где с трудом поспевали приготовить для них места. Теперь, наконец, молодежь получила возможность хоть сколько-нибудь наверстать свои прежние потери. Все единодушно признали, что из всех благ, которыми общество было обязано новому режиму, наивысшим является общедоступность высшего образования. В наших исторических сочинениях упоминается о том, что не только молодежь, но мужчины и женщины более

зрелого возраста и даже пожилые люди посвящали весь свой досуг, остававшийся у них после промышленных занятий, пополнению своего образования, не желая краснеть пред подрастающим поколением, которому был открыт свободный доступ к высшему образованию.

— Говоря о современной системе образования, — продолжал доктор, — я должен предупредить вас, что с вашей стороны было бы ошибочно предположить, будто тем курсом наук, который наша молодежь обыкновенно кончает на 21-м году, завершается у нас весь круг образования. На самом деле этот курс представляет собою минимум знаний, которые каждый юноша и девушка должны обязательно приобрести до наступления совершеннолетия для того, чтоб общество могло признать их правоспособными гражданами. Но если бы образование остановилось на этом минимуме, оно бы не имело в наших глазах большой цены. Факт окончания школы и достижения совершеннолетия означает у нас только то, что с этого момента дальнейшее духовное развитие индивидуума должно быть предоставлено его свободному усмотрению, не стесняемому ни вмешательством, ни тем более принуждением со стороны государства. Внешкольное образование у нас обеспечивается обширной сетью образовательных учреждений и курсов. Эти курсы, которые можно было бы назвать внешкольными, доступны каждому, без различия пола и возраста; смотря по желанию, их можно проходить основательно или поверхностно, посещать их постоянно или с перерывами.

Существует много чрезвычайно важных отраслей знания, понимание которых делается нам доступным только в зрелом возрасте, когда в нас просыпается интерес к ним, но тогда за месяц прилежных занятий можно достигнуть больших успехов, чем за целые годы напрасных юношеских трудов. Мы придерживаемся того взгляда, что только упомянутые курсы должны давать основательные знания по специальным предметам. Молодежь в учебных заведениях получает только поверхностное понятие о вещах, так как, в сущности, их возраст не приспособлен для серьезного научного труда. Если вы хотите видеть усердных тружеников науки, горячо преданных своему делу, то не ищите их среди молодежи, а, скорее, среди пожилых отцов и матерей, посещающих специальные курсы. Для того чтобы использовать имеющиеся в распоряжении общества средства для приобретения знаний, мы считаем наш досуг, который в ваших

глазах кажется таким большим, совершенно недостаточным. Да, несмотря на то, что половиной каждого дня, половиной каждого года и всей второй половиной нашей жизни мы вправе свободно распоряжаться согласно нашим желаниям, несмотря на то, что этот досуг постоянно растет благодаря применению новых работосберегающих машин, тем не менее мы и в слабой степени не могли бы удовлетворить постоянному росту интеллектуальных запросов, если бы не одно условие, которое было невозможно в ваше время и которое гарантируют нам все наши учреждения. Я говорю о той спокойной, чистой, нравственной атмосфере, которая является результатом полного отсутствия мучительных забот о личном материальном благополучии и благополучии наших близких. Наша экономическая система ставит нас в такие условия, что мы можем свободно следовать завету Христа «не думать о завтрашнем дне», что было невысказано для вас. Из всего сказанного мной сейчас отнюдь не следует, конечно, что наше общество состоит сплошь из одних ученых. Я хотел только выяснить вам, что мы в течение всей жизни не перестаем посещать школу и более или менее усидчиво и систематически заниматься.

— Право, доктор, из всего того, что мне пришлось от вас услышать, ничто так ярко не оттеняет поразительного контраста между нашим и вашим строем, как именно тот факт, что в личной жизни каждого из вас интеллектуальные запросы постоянно растут и вместе с годами приобретают все большее значение. В наше время между сыном бедняка, работавшим с 14-летнего возраста на фабрике, и более счастливым юношей, посещавшим университет, в смысле умственного развития, в конце концов, была только разница на 6 или 8 лет. Если первый заканчивал свое образование в 14 лет, то второй приблизительно в 21 или 22 года. Окончание университета для огромного большинства студентов означало завершение их образования, оно являлось высшим предельным уровнем образовательного ценза в области естественных и гуманитарных наук вместо того, чтобы служить переходом к новому периоду серьезных научных занятий. В течение всей своей позднейшей жизни студент оставался при тех знаниях, которые он приобрел в стенах университета, так как все его внимание и силы поглощала борьба за существование, в которую он должен был окунуться сейчас же по окончании курса. И его интеллектуальная жизнь была в одинаковой степени обречена на застой, успевал ли он в жизни или

терпел неудачи. Если он терпел неудачи или если ему удавалось с большим трудом преодолеть встречавшиеся на жизненном пути препятствия, постоянные заботы грызли его сердце; когда же он успевал в своих житейских делах, то этот успех делал из него еще более безнадежного и самодовольного материалиста, чем самые тяжелые неудачи. В том и другом случае, как видим, его ум и душа не находили себе пищи. Если к концу жизни немногим из ваших современников и удавалось, благодаря беспримерным усилиям, вздохнуть свободно от трудов, то они очень мало могли воспользоваться своим досугом, так как их духовные и интеллектуальные способности были совершенно атрофированы вследствие продолжительного бездействия, и ничто уж не могло возродить их к жизни. Так вот какое существование вели те, кого вы считали счастливыми и удачниками, — те, которые в жизненной борьбе получали все призы! Должны ли вы после этого удивляться тому, что мы смотрим на великую Революцию как на период полного перерождения человека, когда впервые были созданы условия, благоприятные для умственной и духовной жизни; что Революции мы считаем себя обязанными тем, что наша жизнь не походит на то серое прозябание, которое было уделом всех ваших современников, как богатых, так и бедных, с тою только разницей, что для первых это прозябание протекало при приятных, а для вторых при тяжелых условиях? Результаты борьбы за существование, благодаря которой умственное развитие приостанавливалось на пороге зрелого возраста, были бы достаточно плачевны даже в том случае, если бы эта борьба имела нравственное оправдание. Но когда мы вникнем в то, что эта борьба не только препятствовала умственному развитию, но и подтачивала нравственные основы существования, тогда мы поймем, какая это была жалкая жизнь до Революции. Молодости свойственно воодушевляться высокими идеалами и мечтать о совершенстве. Жизнь представляется ей такой, какой она должна быть, а не такой, какова она есть, и благо тому народу, чьи общественные учреждения не только не оскорбляют этого благородного энтузиазма молодости, а, наоборот, питают и поддерживают его. Мы можем смело утверждать, что таково именно влияние современного строя. Благодаря нашей экономической системе, которая во всех своих проявлениях проникнута высшим нравственным принципом, молодежь в жизни находит практическую школу высшей нравственности и в своей повседневной деятельности ей открывается широкая возможность осуществлять свои бла-

городные порывы и бескорыстные стремления. Самый пылкий молодой ум не мог бы придумать более высокий и совершенный идеал, чем тот, который нашел воплощение в нашем промышленном и социальном строе.

Молодость всегда благородна; и в ваше время она вдохновлялась теми же великими мечтами об идеале, какие вдохновляют ее и теперь. Но в ваше время, когда молодой человек сталкивался с практической жизнью, он встречал на каждом шагу разочарования, над его идеалами издевались, и его мечты терпели крушение. Он часто бывал вынужден, помимо своего желания, принимать участие в такой борьбе, ради успеха в которой необходимо было распрощаться со всякими нравственными принципами и требованиями совести.

На вашем языке существовало много терминов, при помощи которых определялся тот процесс, который совершался в душе молодого человека, когда он неохотно расставался со своими юношескими идеалами и делал уступки низменным требованиям житейской борьбы. В таких случаях вы говорили: «Надо брать жизнь так, как она есть», «Необходимо отделаться от романтических бредней», «Следует реально смотреть на вещи» и многое в том же духе. Разве я преувеличиваю?

— Это истинная правда, и мы все это очень хорошо признавали, — ответил я.

— Слава Богу, это время исчезло навсегда! Отец больше не должен цинично наставлять своего сына, как оградить себя от жизненных неудач, и мать не должна больше поучать свою дочь той житейской мудрости, которая являлась противодействием всяким благородным инстинктам. Теперь родители вполне достойны своих детей и оба поколения прекрасно уживаются, чего, по нашему мнению, не было и не могло быть в ваше время. Жизнь в любой момент нашего существования представляется нам такой же величественной и благородной, какой она рисуется ребенку, стоящему на ее пороге. Идеалы совершенства, чести и долга, восторги самоотречения и любви, которыми полна душа юноши и девушки, не стираются с годами, так как им не приходится вступать в компромиссы с более низменными мотивами, и они продолжают одушевлять нас всю жизнь.

Помните слова Уордсворта:

В детстве над собой мы видим лишь небо,
Но по мере того, как растем,
Тени тюрьмы вырастают пред нами.

Я думаю, что, если бы поэт жил в наше время, он бы не воспевал детства в противоположность зрелому возрасту, так как с годами жизнь раскрывается пред нами все шире и глубже.

Глава XXXI

«НИ НА ЭТОЙ ГОРЕ, НИ В ИЕРУСАЛИМЕ»

На следующее утро Юдифи нужно было опять отправиться на место своего служения, и я проводил ее до станции железной дороги. В то время, как мы ждали поезда, мое внимание привлек к себе своей особенной внешностью господин, который выходил из одного из только что прибывших вагонов. На основании примет, которыми мы пользовались в XIX веке, ему можно было дать около 50–60 лет, на самом деле ему, значит, было 80–90: такова приблизительно была разница при определении возраста, которую я установил на основании многочисленных наблюдений и которая была обязана своим происхождением тому, что время теперь медленнее накладывает свою печать, чем когда-то. Я был очень заинтересован, когда узнал от Юдифи, что этот господин был не кто иной, как мистер Бартон, тот самый Бартон, чью проповедь я прослушал по телефону в первое же воскресенье после моего пробуждения к новой жизни. Эта проповедь произвела на меня очень сильное впечатление, о чем я в свое время рассказал в книге «Через сто лет». Юдифь успела познакомить меня с ним раньше, чем тронулся поезд.

Когда мы вместе ушли со станции, я позволил себе спросить моего спутника, к какой религиозной секте он принадлежит.

— Ваш вопрос, мой дорогой мистер Вест, — ответил Бартон, — обнаруживает, что мой друг, доктор Лит, очень мало говорил с вами о современной точке зрения на религиозные вопросы.

— Мы действительно в наших беседах очень мало касались этого предмета, — ответил я, — но меня несколько не удивит, если я узнаю, что ваши религиозные взгляды совершенно отличны от тех, которых придерживалось мое поколение. Уже в мое время религиозные идеи и церковные учреждения подвергались такому быстрому и коренному разложению, что можно было смело предсказать, что если религия переживет еще одно столетие, она примет новые формы, совершенно неизвестные прежним поколениям.

— Вы затронули чрезвычайно интересный для меня вопрос, — заметил Бартон, — и если вы ничем особенным теперь не заняты, то мне было бы очень приятно потолковать с вами на эту тему, если, конечно, у вас есть охота.

Узнав, что у меня нет никаких специальных занятий, кроме собирания сведений о XX веке, мистер Бартон сказал:

— В таком случае зайдем в эту старую церковь, которую вы, без сомнения, сейчас же узнаете, так как она является памятником вашей эпохи. Там мы найдем для себя уютный уголок и подходящую к нашей теме обстановку.

Тут только я заметил, что мы стояли около старинного церковного здания в стиле XIX века, которое сохранялось как исторический памятник. По странному совпадению эта церковь оказалась именно той, в которую ходила моя семья, а следовательно, и я в те редкие дни, когда я вообще посещал церковь.

— Что за странное стечение обстоятельств! — воскликнул мистер Бартон, когда я ему указал на это совпадение. — Кто мог этого ожидать? Я прекрасно понимаю, что, очутившись в таком месте, связанном для вас с самыми трогательными воспоминаниями, вы испытываете вполне естественное желание остаться одному. Простите в таком случае, что я невольно оказался нескромным, предложив вам вместе зайти в эту церковь.

— В самом деле, — сказал я, — совпадение очень интересное, но ничуть не трогательное. Молодые люди в мое время не придавали серьезного значения своим церковным связям. Мне будет чрезвычайно интересно посмотреть, какой вид имеет теперь это старое место. Мы непременно должны сюда зайти.

Внутренний вид церкви в главных своих чертах очень мало изменился с тех пор, как я посетил ее в последний раз, 100 лет тому назад.

Это было, я помню хорошо, во время пасхального богослужения, когда я сопровождал в церковь моих хорошеньких провинциальных родственниц, которым непременно хотелось послушать музыку и посмотреть цветы. Конечно, вследствие разрушительного действия времени церковь пришлось реставрировать, но реставрация была выполнена так искусно, что сохранилась нетронутой вся оригинальность архитектуры. Направляясь к главному приделу, я остановился около нашей загороженной семейной скамьи.

— Вот эта моя скамья, мистер Бартон, — сказал я, — или, вернее, была моей. Правда, я уж давненько не платил за мое

место, но все-таки думаю, что могу пригласить вас сесть на ней рядом со мной.

Хотя я и сказал мистеру Бартону, что с воспоминаниями о церкви у меня не связано ничего сентиментального, что посещение церкви в моем кругу было только делом семейных традиций и исполнением общепринятого требования приличия, тем не менее я был немало растроган, когда, усевшись на своем старинном месте, стал осматриваться по сторонам мрачного и молчаливого здания. Перебегая глазами от одной скамейки к другой, я вызывал в своем воображении образы тех мужчин и женщин, юношей и девушек, которые 100 лет тому назад каждое воскресенье сидели на этих местах. Перебирая в своей памяти все их разнообразные поступки, их честолюбивые замыслы, надежды и опасения, зависть и интриги, вспоминая, что всеми чувствами и поступками этих людей руководила одна мысль, одна страсть — жажда наживы, опасение потерять те деньги, которые они имели, или неутолимая жажда приобрести новые богатства, — я думал не столько о том, что все эти старые знакомые давно умерли, сколько о том, что все, чем эти люди жили, что наполняло все их существование, безвозвратно исчезло с лица земли; что вместе с этими людьми сошел в могилу, не оставив себе преемника, весь их духовный мир. И когда подумаешь, какой это был странный, уродливый, искусственный мир! И тем не менее он казался всем этим людям точно так же, как и мне, когда я был в их числе, единственно возможной формой существования.

Мистер Бартон из деликатности не нарушал глубокого раздумья, в которое я погрузился, и ждал, пока я сам не прервал молчания.

— Раз вы сохраняете наши церкви только как исторические достопримечательности, — сказал я, — то вы, конечно, для своих нужд имеете гораздо лучшие?

— В сущности, — возразил мой собеседник, — мы очень мало или, говоря точнее, совсем не нуждаемся в церквях.

— Ах да! Я забыл, что вашу проповедь я слушал по телефону. Последний, благодаря совершенству, до которого он доведен, делает, вероятно, в настоящее время излишнюю церковь, как он сделал излишнюю аудиторию.

— Или, другими словами, — вставил мистер-р Бартон, — мы можем теперь, не собираясь, присутствовать на собраниях. Телефон и электроскоп обладают тем парадоксальным свойством, что, уничтожая всякое расстояние для слуха и зрения

и предоставляя людям возможность приходить в такое тесное интеллектуальное единение, о котором раньше нельзя было мечтать, они в то же время позволяют каждому индивидууму, если он только этого хочет, вести замкнутую жизнь, совершенно изолироваться от всего мира, наподобие древних отшельников, оставаясь вместе с тем причастным ко всему, что в мире происходит. Имеющиеся у нас приспособления до того нас избаловали в этом отношении, что тягостное пребывание в толпе, которое было неизбежно для вас всякий раз, когда вы хотели увидеть или услышать что-либо интересное, считается у нас слишком дорогой ценой за какое бы то ни было удовольствие.

— Я полагаю, что получившая такое широкое распространение телефонная система не только упразднила церковные здания, но должна была иметь еще и другого рода влияние на различные церковные учреждения. В мое время тот факт, что один проповедник мог быть услышан только небольшой группой людей, делал необходимым существование целой армии проповедников — в одних Соединенных Штатах их было около 50 000, — которые поучали народ. Среди этой огромной массы мало было таких, которые могли бы сказать нечто новое, что действительно стоило слушать. Допустим, например, что 50 000 проповедников произносили проповеди каждое воскресенье, каждый пред своей конгрегацией. $\frac{4}{5}$ всех проповедей были чрезвычайно бедны содержанием, а из остальных — большинство были только сносны, немногие — хороши и едва несколько десятков — истинно прекрасны. Конечно, никто не стал бы слушать ничтожной речи, когда была бы возможность слушать хорошего проповедника, и если бы мои современники имели в своем распоряжении такой же совершенный телефон, как ваш, они бы в первое же воскресенье соединили свои аппараты с церковью или аудиторией тех проповедников или лекторов, которые пользовались наибольшей популярностью, остальных же оставили бы без слушателей и принудили бы заняться чем-нибудь другим.

Мистеру Бартону моя мысль показалась очень занимательной.

— Вы, — сказал он, — в сущности, затронули очень важный вопрос, который обнаруживает все различие между вашим и нашим временем, а именно: в наше время люди посредственные не имеют никаких шансов стать учителями человечества ни в сфере религиозной, ни в сфере интеллектуальной. Будучи поставлены в такие условия, что мы можем выбирать самые

тонкие умы и самых вдохновенных моралистов и пророков, мы, понятно, считаем бесполезной тратой времени слушать тех, кто ничего особенного не может сообщить нам.

Если вы примете во внимание, что вдохновенные речи великих ораторов могут быть в настоящее время выслушаны одновременно всем народом, что, благодаря всеобщему высшему образованию, мы все являемся достаточно подготовленными для того, чтобы сделать наилучший выбор, то вы поймете, как прочна та степень цивилизации, которой мы уже достигли и какими уверенными шагами мы идем безостановочно вперед по пути к лучшему будущему, когда главенство будет всецело принадлежать нравственному и интеллектуальному гению. Человеку, который, подобно вам, смотрит на демократию глазами XIX века, может показаться парадоксальным, что уравнивание всех граждан в экономических и интеллектуальных условиях существования привело к самой совершенной аристократии, или к правлению лучших людей; но разве это не вполне естественно? Современное общество, слишком развитое для того, чтобы какой-нибудь эгоист, будь он даже полубогом, мог обмануть его или злоупотребить его доверием, в то же время всегда в состоянии оценить высшие стремления и готово с энтузиазмом следовать им. В результате получается, что наши великие люди, мужчины, равно как и женщины, пользуются таким могуществом, о каком не могли даже мечтать и ваши цари, и царство их так обширно, что империя Александра Македонского кажется в сравнении с ним небольшой провинцией. Среди нас есть такие люди, которым достаточно обратиться с призывом к человечеству и они встретят сочувственный отклик в душах сотен миллионов. И в самом деле: когда происходит что-либо необычайное и о каком-либо важном событии говорит выдающийся оратор, повсюду царствует мировое молчание; при свете солнца в одной стране, при мерцании звезд — в другой, там при первых лучах восходящей зари, здесь — при солнечном закате, все жадно ловят слова учителя.

В ваше время такая власть над умами людей могла бы сделаться опасной, но, так как у нас эта великая сила зиждется исключительно на мудрости и бескорыстии того, кто ею обладает, и при первой же фальшивой нотке, которая зазвучала бы в голосе оратора, она исчезла бы, то мы с уверенностью можем сказать, что подобная власть так же безопасна, как власть Самого Бога.

— Я слышал от доктора Литта, что высшее образование стало у вас всеобщим, что, благодаря разнообразным реформам, стало возможным то господство лучших людей, о котором вы сейчас говорили, но, простите меня, я не могу понять, каким образом ваши ораторы могут обращаться к такой несметной публике. Ведь и для вашей аудитории должны существовать известные ограничения, хотя бы из-за различий в языках.

— Неужели доктор Литт вам ничего не говорил о нашем универсальном языке?

— Я, по крайней мере, другого языка, кроме английского, не слышал.

— Каждый говорит со своими соотечественниками на своем родном языке, но со всеми остальными мы говорим на международном языке; таким образом, нам в настоящее время приходится изучать только два языка: свой родной и всемирный. Мы можем, конечно, изучать столько языков, сколько хотим, и мы изучаем обыкновенно несколько — но эти два языка считаются обязательными и необходимыми каждому для того, чтоб он мог быть всеми понят без помощи толмача. Среди мелких народностей есть множество таких, которые забыли родной язык и говорят только на всемирном. Великие нации, обладающие прекрасной литературой на родном языке, очень неохотно расстаются с ним, и в этом отношении маленькие народности имеют пред ними известного рода преимущество.

Но, вообще говоря, тенденция считать один язык живым, а на все остальные смотреть как на мертвые, настолько распространяется, что, если бы вы проспали еще одно столетие, вы бы, без сомнения, никого, кроме ученых-филологов, не нашли, кто мог бы объясняться с вами.

— Но ведь религия имеет обрядовую сторону, которой не в состоянии упразднить ни ваш телефон, ни всемирный язык. Я полагаю, что благочестивые люди и теперь еще нуждаются в церквях для совершения различных обрядов, несмотря на то что в деле своего образования и умственного развития они могут обходиться без публичных собраний.

— Те, у кого есть такая потребность, имеют и у нас в своем распоряжении сколько угодно церквей и могут собираться так часто, как они этого пожелают. Но я не думаю, чтобы среди нас нашлись такие люди. Современное человечество переросло обрядовую сторону религии с ее условными формулами, символами, святыми местами и святыми днями, жертвами,

праздниками, постами и новолуниями; все это имело значение для человечества в то далекое время, когда оно находилось в младенческом состоянии. Теперь же наступило время, которое возвещал Христос, когда, стоя у колодца, говорил самаритянке, что придет пора, когда и храм и все, что связано с ним, уступят место духовной религии, не знающей ни времени, ни пространства.

— Если религия освободилась от своей обрядовой стороны, — сказал я, — если церкви стали не нужны и если каждый может сам выбрать себе проповедника, руководясь чисто личными соображениями, то в таком случае у вас должны были совершенно исчезнуть подразделения на секты.

— Ах да, ваши слова мне напомнили, что наш разговор начался с того, что вы меня спросили, к какой секте я принадлежу. Давно прошло то время, когда люди делились на секты, носившие разные названия, в зависимости от тех религиозных взглядов, которые они исповедовали.

— Возможно ли, — воскликнул я, — что люди перестали враждовать между собою из-за религиозных разногласий? Неужели вы хотите сказать, что различие во взглядах на будущую жизнь не может теперь служить причиной взаимной ненависти и ожесточенных споров? Доктор Лит заставил меня поверить многим чудесам, но этому чуду я с трудом могу верить.

— И я вас вполне понимаю. То, что вы услышали от меня, должно казаться невероятным человеку XIX столетия. Но скажите, кто, в сущности, вызывал и поддерживал в прежние времена все религиозные раздоры?

— Конечно, разные духовные общества — священники и проповедники.

— Но их ведь было немного. Каким образом они могли создать все эти неурядицы?

— В этом отношении им помогала невежественная и суеверная толпа, которая была слепым орудием в руках духовенства.

— Но ведь было и образованное меньшинство. Неужели и оно сплошь состояло из ханжей и было орудием духовенства?

— Ничуть; этот класс проявлял много терпимости в религиозных вопросах и был совершенно независим от духовенства. Если же он и обращался когда-либо к содействию последнего, то только потому, что считал сохранение религиозного авторитета необходимым для управления невежественной толпой.

— Отлично. Вы сами дали объяснение тому, что вы называли чудом. В настоящее время нет больше невежественной массы,

из-за которой образованные люди считали бы нужным вступать в сделки с совестью. Ваш интеллигентный класс, который так философски и толерантно относился к различию в религиозных взглядах, который считал все религиозные распри безумием, и есть единственный у нас существующий класс населения.

— А много времени прошло с тех пор, как люди перестали называть себя католиками, протестантами, методистами, баптистами и тому подобное?

— Решительный удар всем этим подразделениям нанесла великая Революция. Правда, еще до Революции стали сглаживаться демаркационные линии, отделявшие различные доктрины, и все эти сектантские разграничения и различия постепенно теряли свое бывшее значение, но во время Революции они были окончательно сметены, или, вернее, бесследно растворились в восторженном чувстве братской любви, которая овладела людьми и призвала к жизни современный социальный строй.

Со временем старые привычки, быть может, опять ожили бы, но новая культура в эпоху, непосредственно следовавшую за Революцией, так основательно очистила почву от невежества и суеверия, что возврат к старому стал невозможен.

Хотя, конечно, — продолжал мой собеседник, — единственной причиной упразднения религиозного сектантства нужно считать всеобщее распространение образования, тем не менее вы тогда только поймете, какая пропасть отделяет религиозное мировоззрение старого времени от современного, когда вы ясно представите себе всю разницу между экономическими условиями обоих столетий. Только на базисе старых экономических отношений могли вырасти ваши духовные учреждения, и только в них духовенство черпало свои силы. Как известно, церкви были необходимы для пастырского поучения и для выполнения многочисленных обрядов. Но так как святость религиозного учения основывалась не на разумности его содержания, а на авторитете традиций, то всякий проповедник, желавший обеспечить себе круг слушателей, должен был поступить на службу к какой-либо из существовавших сектантских организаций. Словом, религия, подобно промышленности и политике, была монополизирована более или менее обширными организациями, которые прежде всего заботились о престиже своих фирм. Подобно тому как политики и коммерсанты должны были часто в своей деятельности сообразоваться с требованиями отдельных личностей или организаций, руководивших промышленным механизмом, точно так же учителя и проповедники, желавшие заняться

религиозным делом, должны были всегда иметь в виду требования какой-либо организации, заведовавшей техникой этого дела, насаждавшей и применявшей в данной области индивидуальные вкусы и т. п., другими словами, они должны были просить покровительства у какой-нибудь крупной духовной корпорации. Заниматься духовной проповедью независимо от корпорации хотя и не считалось противозаконным, но было чрезвычайно трудным делом даже для самого искусного проповедника, столь же трудным, как заниматься политикой, не принадлежа к какой-либо политической партии, или же успевать в торговле, находясь во вражде со всеми капиталистами. Всякий религиозный учитель должен был примкнуть к какой-нибудь секте и заявить себя истолкователем известной религиозной доктрины, в противном случае он рисковал остаться учителем без учеников. Если данная организация была иерархическая, он получал обязательные для него инструкции сверху, если же организация была конгрегационная, он получал соответственные предписания снизу. Первая система была монархической, вторая — демократической, но как та, так и другая, с нашей точки зрения, несовместимы с обязанностями духовного пастыря, который должен слушаться лишь голоса своей души и, следуя велениям своих свободных чувств, говорить то, что подсказывает ему совесть.

Можно сказать, что старая церковная система находилась под двоякого рода игом: рабство первого рода заключалось в духовном подчинении невежественных народных масс церкви и пастырям, второго рода порабощение выражалось в подчинении пастырей сектантским организациям, которые в качестве духовных капиталистов монополизировали все церковное дело. Соответственно этому двойному гнету и освобождение, которое принесла с собою Революция, было тоже двойное: освобождение народа от ига пастырей и освобождение самих пастырей, которые хотя и называли себя учителями, но на деле были послушными марионетками в руках конгрегаций. Теперь можно так же свободно проповедовать, как и слушать проповеди. Тот, кто чувствует в себе призвание поучать своих товарищей на религиозные темы, тот должен обладать в настоящее время только одним капиталом: он должен иметь нечто за душой — нечто такое, что стоило бы высказать и выслушать. И если у него имеется этот капитал, то ему ничего больше, кроме телефона, не нужно, он всегда может рассчитывать на аудиторию, размеры которой будут зависеть исключительно от силы и значения того.

что он имеет сказать. Проповедник не должен теперь смотреть на проповеди как на источник существования, как на специальную профессию. Он не принадлежит теперь к какому-либо особому классу и не отличается от остальных членов общества ни по образованию, ни по роду занятия. И это вполне естественно. Высшее образование, которое он получает наравне со всеми, снабжает его вполне достаточным умственным багажом, а если при этом иметь еще в виду, что при нашем общественном строе у всех достаточно досуга и что после 45-летнего возраста все у нас освобождаются от исполнения общественных обязанностей, то станет ясным, что тому, кто чувствует себя призванным быть духовным наставником, даны все условия для развития и проявления своего таланта. В нашем обществе, как видите, религиозный учитель — не священник, а пророк. И если кто-либо окружен у нас ореолом святости, то не потому, что он получил свое назначение от людей или какая-либо церковная организация дала ему свою санкцию, а потому, что, подобно древним пророкам, он силой вдохновенного слова сумел найти доступ в сердца людей и пробудить в них живой отклик.

Но если бы, невзирая на все перемены, нашлись среди вас такие люди, которые из привязанности к старым обрядностям и публичным проповедям пожелали бы иметь церкви и специальное духовенство для исполнения церковных обязанностей, встретили ли бы они в осуществлении своего желания с чьей-либо стороны препятствие?

— Конечно нет. Свобода — первое и последнее слово нашей цивилизации. Я не считал бы несовместимым с нашей экономической системой, если бы какая-либо группа индивидуумов на свои средства наняла здание и пригласила кого-либо исполнять обязанности священника старого времени; при этом, конечно, данной группе пришлось бы из своих доходов возместить обществу убыток, которое оно потерпело бы вследствие изъятия из его среды полезного работника. Наше общество никогда не обязывает заключать контракты, но и не запрещает их. Вот почему старая церковная система держалась некоторое время спустя после Революции; она могла бы и ныне существовать, если бы у нее нашлись среди нас приверженцы. Но презрение, с которым в настоящее время относятся ко всему наемному, так велико, что существование наемного духовенства стало невозможным; в нашем обществе сочли бы одинаково унижительным как получать, так и оказывать услуги на условиях частного договора.

— Если слушать вас, — сказал я, — все произошло очень просто, как будто иначе и быть не могло, но человек XIX века смотрит на вещи иными глазами. При мне церковь и духовенство играли огромную роль в человеческих делах, и я с трудом представляю себе, как люди могут обойтись без них.

— Я понимаю ваши чувства, — сказал мой собеседник, — но не вполне. Нам всегда казалось, что никакой другой социальный переворот не мог бы быть с такой достоверностью предсказан, как переворот в старом религиозном мировоззрении. Знамения времени громко говорили о скором исчезновении отживших форм. Как вы сами заметили пред тем, как мы зашли в эту церковь, в ваше время разногласия в толковании догматов стали до того многочисленны и расплывчаты, что ваши современники с удивлением спрашивали себя, что существенного осталось от этих догматов. Влияние и авторитет духовенства постепенно падали, догматы веры перестали внушать к себе уважение, святость традиции с презрением отвергалась, все говорило о том, что ветхое религиозное здание должно скоро рухнуть.

— Конечно, — сказал я, — если бы современное мне духовенство полагало, что его значение и власть зависят исключительно от поддержки и сочувствия мужчин, оно бы наверно потеряло всякую надежду на сохранение своего влияния, но оно видело источник своей силы не в сочувствии мужчин.

— А в чем же?

— В настроении женщин. Последние в мое время назывались религиозным полом. Духовенство было того мнения, что если бы церковное дело зависело от интеллигентных мужчин или от мужчин вообще, оно было бы в весьма жалком состоянии. Все свои надежды духовенство возлагало на женщин, которых оно считало опорой религии и Церкви. Женщины не только были главными посетительницами всех религиозных служб, но они заставляли и мужчин мириться с многочисленными притязаниями Церкви. Станете ли вы после этого удивляться тому, что наше духовенство игнорировало совершенно отношение к нему мужчин и успех своего дела ставило в исключительную зависимость от женщин?

— Ваши священники, право, не ошиблись бы в своих расчетах, если бы положение женщины осталось неизменным, но вы, надеюсь, успели убедиться в том, что одним из характернейших результатов Революции явилось расширение сферы деятельности женщин и рост их влияния. Если бы ваши современники, называя женщин религиозным полом, хотели указать на более

высокое духовное развитие женщин в сравнении с мужчинами, то, конечно, такое название было б очень лестно для женщин, но те, которые употребляли слова «религиозный пол», думали нечто другое: они хотели в вежливой форме воздать похвалу женской кротости и послушанию. Менее образованные, за редкими исключениями, чем мужчины, воспитанные в подчинении и неуверенности в своих силах, свободные от всякой ответственности, женщины вашего времени с раннего детства приучались искать опоры в авторитете и традиции, и естественно, что они продолжали преклоняться пред авторитетом религии и тогда, когда мужчины давно его отвергли. В сущности, все перемены, которые произвела Революция, берут свое начало еще задолго до нее. Со времени Революции женщины были во всем уравнены с мужчинами, как в образовании, так и в экономическом и социальном отношении. Они и в практических делах стали нести наравне с мужчинами ответственность за свои поступки. Понятно, что с этих пор они перестали быть тем послушным полом, каким они были раньше, и, подобно своим братьям — мужчинам, отрешились от слепой веры в авторитеты, какой бы характер последние ни носили: религиозный, политический или экономический. Во всех жизненных делах женщины в нашем обществе поставлены в те же условия, что и мужчины, и это одинаково относится к тому великому делу, которое поглощает наши лучшие силы, которое мы считаем самым важным и ценным в жизни, — я говорю об удовлетворении присущей всем нам потребности разрешить вечный вопрос о назначении человека на земле и его отношении к той Бесконечности, часть которой он составляет.

Глава XXXII

«И ВЫ БУДЕТЕ КАК БОГ...»¹

— Последние ваши слова наводят меня на мысль о том, что упразднение религиозных сект и священнической касты не ослабили интереса к религии.

— Неужели вы могли предположить иное?

— Я затрудняюсь вам ответить. Я никогда особенно не задумывался над подобными вещами. Духовенство всегда доказы-

¹ Книга Бытия, III: 5.

вало, что его существование необходимо для сохранения религии, а мы, остальная часть общества, верили его словам.

— Каждое общественное учреждение, существовавшее более или менее продолжительное время, исполняло такие функции, которые в свое время были весьма полезны и необходимы. Король, священник, капиталист — в сущности, каждый из них был в своем роде капиталистом, — как бы плохо они ни выполняли известные функции, они были в свое время необходимы и невозможно было б их заменить кем-нибудь другим. Но подобно тому, как свержение королевской власти дало начало более совершенному образу правления, подобно тому, как уничтожение частной собственности послужило исходным пунктом для истинно национального производства богатств, так и упразднение церковного механизма или церковного капитализма явилось началом новой эры — эры страстного интереса к той безграничной духовной области, которая скрывается под словом *религия*. Быть может, в общем ходе эволюции было необходимо подчинение народа авторитету духовенства, но эта опека из всех других опек наиболее пагубно отразилась на умственном развитии человечества: она парализовала и умерщвляла все способности, которых она только касалась, и когда эта церковность была свергнута, в умах людей пробудился такой пламенный интерес к великим проблемам человеческой природы и ее назначения, что вашим почтенным священникам, которые так долго и бесплодно старались вызвать в своей пастве интерес к религиозным вопросам, этот энтузиазм показался бы совершенно непостижимым.

Главная причина индифферентного отношения вашего поколения к вопросам религии заключалась в том, что духовенство как бы монополизировало эту область, оно объявляло себя посредником между человечеством и той тайной, которая его окружает, и сулило душевный мир тем, которые ему доверялись. Упадок авторитета Церкви поставил индивидуума лицом в лицо с этой тайной. Пред каждым человеком встал великий вопрос, который он должен был разрешить за своей личной ответственностью. Падение традиционной теологии освободило человеческое отношение к вечности от всего узкого и конечного, от того мертвящего догматизма, который придал бесконечной области человеческого духа узкие и уродливые формы. Вместо унижительного, рабского преклонения пред прошлым и пред буквой люди прониклись убеждением, что наука о приро-

де и судьбе человека безгранична. Церковь окружала прошлое ореолом божественности, в глубине веков она находила источник вдохновения, мы же обращаем свои взоры вперед и верим, что будущее в большей степени, чем прошедшее, в состоянии открыть человечеству тайну Бога и тайну человеческой души.

— Разве эта вера, — спросил я, — основана на каких-нибудь практических данных? Думаете ли вы, что вы узнали больше, чем мы, и что ваши познания в той области, по отношению к которой мы должны были ограничиться одной верой, имеют под собою положительную почву?

Мистер Бартон слегка задумался, прежде чем ответить.

— Вы недавно упомянули о том, — сказал он, — что в разговоре с вами доктор Лит очень мало касался религиозных вопросов. И это вполне понятно. Знакомя вас с новым миром, он, весьма естественно, должен был прежде всего остановиться на экономических переменах, так как в них коренится основная причина всех остальных перемен. Но я уверен, что, кого бы вы ни спросили, чему человечество обязано тем, что оно в течение столетия достигло высшего счастья, вы от всех услышите один ответ: что оно этим обязано успехам науки о душе и ее отношениях к вечному и бесконечному. Прогрессом в данной области мы обязаны не столько более глубокому пониманию предмета и абсолютной свободе при его изучении, сколько тем социальным условиям, которые освободили нас от материальных забот.

Вот уже столетие, как мы пользуемся таким благосостоянием, которое не оставляет желать ничего лучшего в смысле удовлетворения физических потребностей; вместе с материальным довольством и развитием культуры во вкусах проявляется все больше простоты. Чувство меры предохраняет нас от излишеств и пресыщения. Вопросы, связанные с материальным благополучием, потеряли свою прежнюю остроту и наиболее важными и ценными в жизни считаются духовные и интеллектуальные интересы. Благодаря тому что материальная и духовная эволюция идут рука об руку, наши потребности становятся тем скромнее, чем больше мы производим. Мы полагаем, что в материальном отношении человечество уже давно достигло конечной цели своих стремлений. В этой области мы не питаем больше никаких честолюбивых желаний. Благодаря этому все силы человеческого интеллекта уже с давних пор сосредоточены на разрешении великих социальных проблем. Мы не сомневаемся в том, что те познания, которые мы приобрели,

составляют только слабый намек на то, что нам дано узнать в будущем, но если бы даже, вследствие ограниченности человеческого существования, нам не суждено было узнать больше того, что мы знаем, то и в этом случае мы не должны роптать: тень смерти не страшит нас больше, и то, что скрывается за гранью этой жизни, внушает нам не горечь отчаяния, а радость лучезарных надежд. Когда вы ближе ознакомитесь с нашей литературой, вы увидите, что в ней отсутствует трагический элемент, который являлся преобладающим мотивом вашей литературы. Мы познали истинный смысл жизни, которая, по выражению апостола Павла, «скрыта в Боге», и все случайности и превратности нашего личного существования мы считаем недостойными внимания.

Ваши проповедники и поэты в минуты вдохновения говорили, что смерть есть переход к новой жизни, но немногие из вас находили в этом утешение. В наше время, когда жизнь приближается к своему закату, она озаряется такими светлыми надеждами, так бесследно исчезает с горизонта все мрачное, что юноша мог бы завидовать старцу, если б он не знал, что скоро та же дверь откроется и пред ним. Невыразимая скорбь служила лейтмотивом всей вашей жизни, и, как ропот волн постоянно раздается в ушах тех, которые живут на берегу моря, так в речах ваших современников неумолчно раздавалась грустная нота, особенно громко звучащая в душе, когда на время утихали суета и шум житейских треволнений. И наша жизнь имеет свой лейтмотив, но он звучит так радостно, что мы охотно молчим, чтобы услышать его.

— Если жизнь людей, — сказал я, — будет и дальше развиваться в таком направлении, и тайна Божества будет все больше раскрываться пред вами, то где предел, на котором остановится человечество?

Мистер Бартон улыбнулся.

— Не сказала ли змея в древней сказке: «И если вы вкусите от древа познания, вы уподобитесь Богу?» Обещание это не было ложным, только с деревом произошло какое-то недоразумение. Может быть, это было дерево эгоистического знания или неспелое дерево, — это темная история. Христос впоследствии повторил то же самое, когда Он сказал людям, что они могут быть сынами Господа, но Он не ошибся в выборе дерева, на которое Он указал людям, и плоды этого дерева оказались спелыми. Это были плоды любви, той всеобъемлющей любви.

которая есть в одно и то же время семя и плод, причина и следствие высшего и совершеннейшего знания. Когда человек любит беспредельной любовью, он равен Богу, так как в любви он познает свою близость к Божеству и все, что он считал раньше непостижимым, становится для него ясным. Только с тех пор, как вместе с Революцией наступила для человечества эра братства, люди стали обильно вкушать от древа истинного познания и в божественных свойствах своей души находить ключ к пониманию сущности и назначения жизни. Да, мы действительно будем подобны богам. Девиз современной жизни: «Eritis sicut Deus»¹.

— Вы говорите о Христе. Должен ли я понимать ваши слова в том смысле, что вы считаете вашу доктрину тождественной с учением Христа?

— Конечно. Эту доктрину проповедовали с самого начала исторических времен, а может быть, и раньше, только учение Христа дошло до нас полнее и яснее всех других. Это та же доктрина, которую Он принес людям, но люди, за исключением весьма немногих, до последнего столетия не созрели не только для восприятия Его учения, но даже для понимания его.

— Но почему мир не в состоянии был раньше воспринять учение, которое нам кажется до того простым?

— А потому, — ответил мистер Бартон, — что тайна души и Бога — любовь. Она говорила устами пророков и учителей, и ее голосу человечество не хотело внять и распяло Его. Религия Христа, доступная только порыву бескорыстного восторга, не могла быть понятна такому обществу, которое допускало братоубийственную войну как единственное условие существования. Пророки, мессии, проповедники и святые могли видеть Бога лицом к лицу, но так познать Бога, как познал Его Христос, стало возможным только тогда, когда в мире восторжествовал принцип социальной справедливости и наступила эра братской любви. Человек должен раньше познать в человеке своего брата, и только тогда он может познать в Боге своего Отца. Номинально духовенство исповедовало учение Христа, что Бог есть любящий Отец, но могла ли подобная идея зародиться и пустить корни в сердцах людей, твердых как камень, пропитанных ненавистью и подозрением к ближним? «Как может возлюбить Бога невидимого тот, кто не любит ближнего своего, которого

¹ «Будете как Боги» (лат.).

он видит?») Духовенство усердно призывало свою паству любить Бога, отдать Ему свое сердце. Оно вернее достигло бы своей цели, если б учило людей тому, чему учил их Христос, то есть любить своих ближних всем своим сердцем. Кто сердце свое отдает ближнему, в том горит любовь к Богу подобно тому, как, по сказаниям древних, небесный огонь сжигает жертвоприношение, угодное Божеству.

Вот с этого амвона, мистер Вест, вы, верно, много раз слышали слова: «Если мы любим друг друга, Бог живет в нас и Его любовь светится в нас», «Кто любит своего ближнего, тот живет в сиянии света», «Если кто-либо говорит: я люблю Бога и ненавижу своего ближнего, — тот лжет», «Тот, кто не любит своего ближнего, живет во тьме. Бог есть любовь, и кто живет в любви, тот живет в Боге, а кто не знает любви, тот не знает Бога». Таковы заветы Христа, и их необходимо было осуществить в жизни для того, чтобы жизнь стала божественной.

В приведенных изречениях мы находим достаточное объяснение того, почему откровение, явившееся Христу и другим просветленным душам, так долго и упорно отвергалось людьми. В жестокости социального строя, который, как толстая стена, отделял человечество от Бога, заключается истинная причина, почему мир в течение столетий оставался глухим к божественному призыву и, как только стена рухнула, откровение, подобно солнцу, залило своими лучами всю землю.

«Если мы любим друг друга, Бог живет в нас». Какие хорошие слова и как чудно гармонируют они с тем, каким образом люди нашли, наконец, Бога! Они пришли к этому не прямым путем, а бессознательно обрели Бога, когда не искали Его. Мощный порыв человечества, который сверг старый строй и на его место водворил братскую любовь, не был ни в каком случае порывом к божественному. Это было чисто человеческое стремление. Лед, сковывавший раньше сердца, растаял, и люди потянулись друг к другу в порыве восторженной нежности, исполненные раскаяния за прошлое, беззаветной любви в настоящем и готовности в будущем посвятить все свои силы бескорыстному служению общему благу. «Но если мы любим друг друга, Бог живет в нас», и люди действительно нашли Его. Наступил момент самый трансцендентальный во всей истории человечества, когда в братском объятии всеобщей взаимной любви чувствовалось дыхание Божества. Так продолжает быть до наших дней и так будет вечно.

КРАТКИЙ ОБЗОР НЕКОТОРЫХ ВАЖНЫХ ВОПРОСОВ

Когда мы встали из-за стола, доктор предложил совершить послеобеденную прогулку.

— Мне часто приходит в голову, — заметил он, — что когда вы лично познакомитесь с окружающим вас миром и узнаете его характерные особенности, вы, припоминая мои подготовительные лекции, придете к нелестному заключению о моем педагогическом таланте. Я сам крайне недоволен избранным мной методом изложения интересующих вас вопросов: вместо того чтобы выработать строго научный план преподавания, я ограничился серией беспорядочных бесед, содержание которых не соответствовало какой-либо предустановленной схеме, а зависело исключительно от вашей любознательности.

— Что касается меня, то я очень признателен вам, мой дорогой друг, за то, что вы меня избавили от научных методов. Я, конечно, не позволю себе утверждать, что в такое короткое время я получил полное представление о современном социальном строе, но я уверен, что, если бы вы предпочли волочить меня рабски в хвосте научного метода вместо того, чтобы терпеливо удовлетворять мое естественное любопытство, вы не могли бы сообщить мне и десятой части тех сведений, которые я приобрел теперь.

— Я был бы счастлив, — сказал доктор, — если бы наши беседы принесли вам столько же пользы, сколько мне удовольствия. Если в своих объяснениях я и допустил некоторые ошибки, то необходимо принять во внимание, что едва ли какому-либо преподавателю приходилось разрешить задачу более трудную, чем та, которая выпала на мою долю, что доставшаяся мне роль застала меня врасплох и, наконец, что жадное любопытство моего ученика заставляло меня в кратчайший срок разъяснить самые сложные вопросы.

— Вы начали с того, что предложили послеобеденную экскурсию.

— Да, — ответил доктор. — Предлагая экскурсию, я имел в виду хоть несколько пополнить допущенные мною важные пробы. Я хочу, чтобы вы сами видели, как мы живем. Итак, улыбается ли вам мое предложение — нанять воздушную лодку и с высоты птичьего полета обозреть город и окрестности? Быть

может, в зрелище, которое откроется пред нашими глазами, мы найдем черты современной цивилизации, которых мы до сих пор не отмечали.

Я нашел план доктора восхитительным, и мы не замедлили привести его в исполнение.

В этих кратких и отрывочных воспоминаниях о моих первых шагах в новом свете я не имею возможности коснуться и сотовой части всех тех удивительных вещей, которые мне пришлось увидеть. Но, несмотря на эту оговорку, моим читателям все-таки может показаться странным, что я так мало останавливаюсь на описании современных великих технических усовершенствований и изобретений, о которых в наше время не имели представления и которые составляют механизм вашей цивилизации и главный источник ваших материальных богатств. Взять, например, воздушную прогулку. Несмотря на то что это был далеко не первый мой опыт, я ни разу не упоминал о том, что должно было представителю XIX века казаться таким чудом. В оправдание этого кажущегося равнодушия с моей стороны ко всевозможным техническим чудесам я могу сказать только, что если бы они были в 10 раз чудеснее, и тогда они бы не произвели на меня такого впечатления, какое произвел на меня ваш новый социальный строй, вызвавший настоящий нравственный переворот.

И я уверен, что любой мой современник, если бы очутился в моем положении, испытал бы то же самое. Ход прогресса в сфере научных открытий и технических усовершенствований шел таким быстрым темпом в последней половине XIX века, что мы могли ожидать в будущем самых поразительных результатов в этой области. Ваши подводные суда были не только известны нам в теории, но отчасти были уже осуществлены нами на практике. Успехи электричества были так велики, что никакие технические комбинации не могли казаться невозможными. А что касается проблемы воздухоплавания, то мы были уверены, что она будет разрешена в недалеком будущем нашими внуками, а может быть, еще нашими детьми. И если бы, очутившись в новом мире, я не встретил воздушных путешественников, я был бы искренно разочарован. Но в то время, как мы так твердо верили в дальнейший материальный и интеллектуальный прогресс человечества, мы весьма скептически относились к возможности нравственного улучшения человеческой натуры. Мы были того убеждения, что, как нравственное существо, человек достиг, как выражались, своего

предельного роста и что по крайней мере в этом мире ему не дано подняться на большую высоту. В теории мы были вполне согласны с вами, что «золотое правило» может служить базисом для такого социального строя, при котором человечество будет неизмеримо счастливее, чем оно было при нашем строе; мы признавали даже, что при всеобщем равенстве интересы всех и каждого могут быть с наибольшей полнотой удовлетворены; но в то же время мы были глубоко убеждены, что эгоизм и испорченность человеческой природы будут всегда препятствовать осуществлению этого идеала. «Что пользы в том, — говорили мы, — что человек одарен богоподобным разумом, когда врожденная испорченность его природы никогда не позволит ему поступить так, как этот разум повелевает, когда эта испорченность делает его вечным рабом самых низменных и пагубных инстинктов?»

«Это неосуществимо; это противно человеческой природе!» Вот крики, которыми толпа заглушала слова пророков и учителей, старавшихся пробудить в людях недовольство господствовавшим хаосом и заронить в них веру в наступление царства Божьего на земле. Удивительно ли после этого, что я, выросший в атмосфере нравственного отчаяния и скептицизма, отнесся со сравнительным равнодушием к чудесам техники вашего века и все свое внимание сосредоточил на изучении тайны вашей благородной и радостной жизни? Когда я мысленно обращаюсь к прошлому, я все больше убеждаюсь в том, что эта низкая оценка человеческой природы — величайшая ересь, в которую когда-либо человечество впало, но — увы! — этой ереси Церковь не громила, а, наоборот, своим учением Церковь вкореняла и распространяла ее среди людей еще больше.

Вернемся, однако, к нашей воздушной прогулке. Кстати, воздухоплавание может служить прекрасной иллюстрацией высказанной мной мысли, что у моих современников рядом с глубокой верой в бесконечный материальный прогресс человека странным образом уживалось отрицание возможности усовершенствования его нравственной природы. Как я уже сказал, мы предвидели, что решение проблемы воздухоплавания не заставит себя долго ждать, но практическое его применение, которому наше поколение посвятило так много времени и сил, главным образом было направлено к тому, чтобы приспособить его к бросанию динамитных бомб в густо населенные города. Попробуйте, если можете, понять это. Даже Теннисон в своей

картине будущего ничего другого не мог придумать. Вспомните, как он:

Услышал грохот в небесах —
Оттуда падал страшный град,
То бой кипел кровавый в облаках
Меж кораблей воздушных.

О ТОМ, КАК НАРОД «ДЕРЖАЛ ВОЖОКИ»

— А теперь, — сказал доктор, остановив воздушную лодку на высоте 1000 футов над уровнем моря, — начнем свой урок. Что вы там видите и какой вопрос вы желаете предложить?

— Хорошо, я начинаю, — сказал я.

В это время мой взгляд упал на купол Государственной палаты.

— Скажите, ради бога, что вы там воткнули? Это напоминает мне те ветряные мельницы, которыми наши фермеры пользовались для накачивания воды. Признаться, это довольно странное украшение для общественного здания.

— Это не украшение, а символ, — ответил доктор, — он изображает собою идеал разумного образа правления. Мельница изображает собою администрацию, ветер, дающий ей ход, — символ народной воли, а руль, направляющий движение колес по ветру, как бы сильно и внезапно последний ни менялся, символизирует тот метод, благодаря которому администрация всегда ответственна и послушна каждому желанию народа, хотя бы самому ничтожному.

Я вам уже столько раз объяснял, почему у нас немыслима такая форма правления, которая бы не покоилась на принципе полного и всеобщего экономического равенства со всеми его неизбежными последствиями, что я считаю лишним распространяться больше на эту тему.

Никакие конституционные хитрости и парламентские маневры не могли спасти вашей правительственной системы: пока частные интересы отдельных граждан находились в постоянном антагонизме с общественными интересами, а так называемый суверенный народ получал свой хлеб из рук капиталистов, управление страной должно было носить характер фарса. С другой стороны, если существует полная солидарность меж-

ду частными и общественными интересами, если при всеобщем распространении образования ни один член общества ни в какой форме не зависим от другого, то какими бы дефектами ни страдала административная машина, правительство не может не быть хорошим. Отсюда, конечно, не следует, что мы не прилагаем всех сил, чтоб исправить наш административный механизм постольку, поскольку мы находим это необходимым. Вы, например, вотировали за тех, которые должны были вами править раз в год или раз в два года, или раз в шесть лет, смотря по обстоятельствам, и ваши правители с того момента, как они вступали в отправление своих обязанностей, до того момента, когда истекал срок их власти, были так же безответственны, как и цари. Они были еще более безответственны, так как царь руководился высшим мотивом — оставить свое достояние нетронутым в наследство своему сыну, эти же избранные тираны заботились только о том, как бы извлечь для себя побольше выгод из той силы, которая им досталась на время.

Мы смотрим на этот предмет иначе: мы считаем аксиомой, что при истинно демократическом образе правления никакая власть не должна быть несменяемой даже в течение одного часа, а всякая власть в любой момент может быть устранена теми, которые вручили эту власть. Наши чиновники избираются на известный срок только для удобства, но этот срок далеко не точный. Чиновники могут быть отрешаемы от службы в любое время; это зависит от голосования их избирателей. Точно так же никакая более или менее серьезная мера не проводится без согласия всего народа. Голос какого бы то ни было делегата теряет силу, раз его выборщики нашли нужным вычеркнуть его из списка. Если б кто-либо из избранных народом представителей оскорбил своим распоряжением чувства своих выборщиков, то его немедленно сменили бы, а распоряжение его на другой же день было бы признано недействительным. Вы понимаете, что при такой системе правительственные агенты стараются быть во всем солидарны с теми, которые их выбирают. Указанные предосторожности не только исключают безответственность законодательной власти, но имеют еще своим последствием то, что инициатива новых мероприятий исходит чаще от самого народа, чем от его представителей.

К сказанному следует еще прибавить, что наша телефонная система, достигшая идеального совершенства, чрезвычайно упростила самую сложную систему голосования; в случае надобности весь народ может голосовать сразу, как парламент.

Деятельность представительных учреждений, соответствующая вашим конгрессам, парламентам и законодательным корпусам, сведена у нас к выполнению тех функций, которые исполнялись вашими так называемыми парламентскими комиссиями. У нас народ правит не номинально, а на деле. Мы действительно осуществили принцип истинной демократии.

Устанавливая постоянный и неусыпный контроль над действиями наших агентов, мы руководствуемся не чувством страха или недоверия.

Наша система ненарушимого, неизменного экономического равенства совершенно исключает продажность. Для совершения какого-нибудь недобросовестного поступка не может быть такого сильного побудительного мотива, который мог бы хоть на миг одержать верх над желанием заслужить народное уважение, которое является единственным критерием при назначении на общественную должность. Наш общественный строй так прочно воздвигнут, что жизненные интересы народа не подвергаются никакой опасности. Мы можем самым безопасным образом поручить управление нашими общественными делами какой-либо избранной группе людей на всю их жизнь. Мы этого не делаем только потому, что не желаем лишить себя удовольствия самим непосредственно вести свои общественные дела. В этом отношении мы напоминаем собою тех богачей вашего времени, которые, имея в услужении много опытных кучеров, предпочитали сами держать в руках вожжи. Вам приходилось вотиловать только раз в год, и то вам жалко было тратить на голосование пять минут, считая это бесполезной тратой времени; вы жаловались, что вас напрасно отрывают от ваших частных дел, от которых, как вы тогда выражались, главным образом зависит успех в жизни. У нас же частные дела тождественны с общественными и важнее последних нет. «Успех» каждого из нас тесно связан с общественным благосостоянием; другого рода успеха мы не добиваемся. Мы вотируем раз сто в течение года по поводу самых разнообразных вопросов, начиная с установления температуры для общественных бань и выбора плана для какого-нибудь общественного здания и кончая величайшими проблемами об объединении всего мира, и мы находим эти занятия столько же приятными, сколько и полезными, так как считаем их могущественнейшим средством воспитания.

А теперь, Юлиан, посмотрите вниз: может быть, вы найдете в открывающейся картине еще кое-что, не понятное для вас.

МАЛЕНЬКИЕ ВОЙНЫ И БОЛЬШАЯ ВОЙНА

— Я замечаю, — сказал я, — что портовые укрепления остались на своем месте. Я полагаю, что вы их сохраняете, подобно, например, рабочим казармам, как исторические памятники, свидетельствующие о варварстве ваших предков и моих современников.

— Я боюсь вас обидеть, но должен признаться, что подобного рода доказательства нам необходимы, иначе наши дети могут не поверить тому, что рассказывается в книгах о невероятных причудах наших предков.

— Я предполагал, — заметил я, — что одним из величайших приобретений нового времени вы должны считать гарантию международного мира, которую дает ваш социальный строй, а между тем вы очень мало упоминаете об этом.

— Конечно, — сказал доктор, — этот факт очень важен сам по себе, но он настолько уступает по своему значению факту другого рода — прекращению экономической борьбы между отдельными индивидуумами, что мы его считаем в сравнении с последним малозначащим инцидентом. Что больше всего поражает в образе мышления ваших современников, это то, что они возмущались жестокостями случайных международных войн и совершенно игнорировали ужасы непрерывной борьбы за существование, в которую вы все были вовлечены. Хотя мы считаем ваши войны бессмысленными, но они представляются нам образцом гуманности в сравнении с постоянной братоубийственной борьбой за существование.

В ваших битвах участвовали только крепкие, здоровые мужчины, притом не все, а лишь незначительная часть их. Вы не отправляли на войну ни женщин, ни детей, ни стариков, ни калек. За ранеными был всегда очень тщательный уход и безразлично, были ли они врагами или друзьями — их старались вылечить. Войны имели свою этику, которая запрещала ненужную жестокость и давала побежденным возможность в любой момент сдаться на почетных условиях. Они обыкновенно происходили на границе двух государств, вдали от населенных мест, притом они были не часты и нередко случалось, что целое поколение наслаждалось миром. Наконец, войны всегда пробуждали в людях благородные чувства мужества и самоотверженности. Правда, мотивы, которые являлись двигателем международных конфликтов, были всегда недостойны тех чувств, которые

воодушевляли сражавшихся, но чувства сами по себе были нередко самого возвышенного характера.

Сравните с характером этих войн те условия, при которых вам приходилось вести борьбу за существование. В этой борьбе принимали участие не малочисленные, отборные группы богатых, но все население страны, за исключением незначительной кучки богатых. От этой тяжелой повинности не были свободны ни женщины, ни дети, ни старики, ни калеки; более того, чем слабее были силы сражавшихся, тем неумолимее были условия, при которых им приходилось сражаться.

В этой войне раненым не оказывали помощи и побежденным не давали пощады. Экономическая война происходила не где-то далеко, на границе, а в каждом городе, на каждой улице, в каждом доме, и ее несчастные, разбитые, умирающие жертвы валялись неубранными на каждом шагу, и куда б ни обратился человеческий взор, он видел безобразные формы нищеты и страданий. Тщетно раздавались постоянно жалобные стоны побежденных, тщетно с мольбой зывали они о помощи. И эта война случалась не 1—2 раза в столетие и не кончалась, подобно солдатским войнам, после нескольких кровавых недель, месяцев или лет миром; ваша беспощадная экономическая борьба велась каждым из вас постоянно в течение всей жизни. Эта борьба не возбуждала никаких благородных порывов, не зывала ни к каким великодушным чувствам, наоборот: она развивала в человеке самые низкие, лживые и жестокие инстинкты.

Когда мы мысленно обращаемся к вашей эре, то все битвы, которые кипели вокруг стоящих здесь укреплений, кажутся нам благородными и трагическими в сравнении с ужасающим зрелищем вашей непрерывной, повседневной борьбы за существование.

Мы можем поэтому даже сочувствовать профессиональным воинам вашего времени, когда они в защиту своей профессии приводили то, что всякая война, как бы ни были лживы и отвратительны мотивы, вызвавшие ее, способна была пробудить в человеке благороднейшие и бескорыстнейшие чувства; что она от времени до времени даже была необходима для того, чтобы встряхнуть общество, погруженное в летаргическую спячку, и очистить затхлую нравственную атмосферу, в которой люди задыхались.

— Как видно, — сказал я, — потомство не очень чтит память современных мне обществ распространения идеи мира.

— Их намерения были безусловно хороши, — сказал доктор, — но это были, как видно, люди очень близорукие и ограниченные. Они ратовали за прекращение международных войн и, по-видимому, совершенно равнодушно относились к тому факту, что всемирная экономическая борьба в один месяц стоит человечеству гораздо больше жертв и страданий, чем стоили международные войны в течение целого столетия. Не напоминают ли вам эти люди своим образом действия того путешественника, который обратил внимание на комара и не заметил слона? А что касается того, что человечество выиграло от прекращения международных войн и невозможности их повторения в будущем, то мы убеждены, что блага мира заключается не столько в том, что прекратились навсегда кровопролития, сколько в том, что исчезли чувства зависти, мести, которые отравляли народам жизнь в мирное и военное время. Эти чувства нам больше незнакомы, их заменили взаимное доброжелательство и братская симпатия ко всем людям, без различия расы и национальности.

СТАРЫЙ ПАТРИОТИЗМ И НОВЫЙ

В то время, когда доктор говорил, я заметил развевавшийся где-то внизу флаг. Он представлял собою наше, усеянное звездами, знамя. От радости сердце мое забилося и глаза стали влажными.

— Ах! — воскликнул я. — Вот и наша «старая слава». Так обыкновенно назывался этот флаг во время и после Гражданской войны.

— Да, — сказал мой спутник, следя за моим восторженным взором, — но теперь этот флаг является носителем новой славы; там, где он развевается, люди не терпят тех страданий и нужды, которые может устранить человеческая помощь.

Ваши современные американцы, — продолжал доктор, — были в своем роде большими патриотами, но между старым и новым патриотизмом такая пропасть, что едва ли их можно признать тождественными понятиями. В ваше время и во все предшествовавшие ему эпохи с этим флагом связывались ассоциации и воспоминания преимущественно военного характера. Над патриотизмом и производными от него словами понималась готовность жертвовать собой в борьбе родного народа с другими

народами. Такое понимание патриотизма вполне естественно в эпоху, когда нации должны были быть всегда готовы с оружием в руках отстаивать в борьбе с другими свое существование. Но национальная солидарность так часто шла вразрез с общечеловеческой солидарностью! Узкий порыв сердца был поставлен впереди более широкого чувства общественности, и это повело, конечно, к нескончаемым нравственным противоречиям. Очень часто называли любовью к своему народу то чувство, которое можно было с большим правом назвать ненавистью и завистью к другим народам, и все предрассудки, которые вы питали к иностранным идеям и учреждениям, нередко оставлявшим далеко за собою отечественные, имели за собою только то основание, что эти идеи и учреждения были иноземные. Проявляясь в таких формах, патриотизм в течение многих веков тормозил человеческий прогресс, так как он создавал такие препятствия для распространения новых идей, которые труднее было преодолеть, чем самые высокие горы, самые глубокие моря и широкие реки.

Новый патриотизм явился естественным продуктом новых социальных и международных отношений, которые установились со времени Революции. Войны, которые уже в ваше время возникали все реже и реже, после Революции стали совершенно невозможными благодаря достигнутому объединению всех народов. Старые, некогда залитые кровью международные границы имеют теперь не больше значения, чем обыкновенные территориальные границы, удобные в административном отношении, подобно, например, старому разделению Американского союза на штаты. При таких условиях чувства международной зависти, подозрительности, соперничества и вражды умерли естественною смертью. Годовщины битв и побед над другими народами, которыми в свое время пользовались для возбуждения патриотических чувств, теперь давно забыты. Словом, в современном патриотизме совершенно отсутствует военный элемент: флаг утратил теперь то значение, которое он имел в старину, когда он служил эмблемой вызова. В наше время он является высшим символом мира, внутреннего согласия и взаимности; он стал эмблемой общей солидарности, которая в одинаковой степени обеспечивает интересы всех. Глядя теперь на свой национальный флаг, американец больше не воодушевляется военной мощью своей страны, ни ее прошлыми победами и верой в близость новых побед. Нет, это развевающееся знамя не будит в нем ныне подобных чувств. Оно, скорее, слу-

жит ему напоминанием о братском договоре, который призывает его вместе со всеми согражданами охранять человеческое достоинство и благосостояние каждого члена общества.

Патриоты старого закала полагали, что только иностранцы могут бесчестить национальный флаг, и малейшая неучтивость к нему со стороны иностранцев вызывала в том народе, которому флаг принадлежал, бурю патриотического негодования. Теперь эти чувства нам абсолютно незнакомы. Иностранец не может теперь нанести оскорбление чужому флагу, так как последний, как и то, что он символизирует собою, не имеет к нему никакого отношения. Честь и бесчестье флага зависят от самого народа, который он собою представляет, от того, насколько этот народ выполнил те обязательства, которые на него возложил социальный договор. Патриотов старого времени несколько не шокировало то, что в тех самых городах, над которыми так гордо развевался их национальный флаг, эмблема народного единения, свили себе гнездо нищета, проституция и всевозможные пороки.

Согласно современным взглядам достаточно, чтобы один гражданин был лишен в каком-либо месте принадлежащих ему прав, и флаг обращается в эмблему лицемерия и лжи: народ с негодованием потребует его удаления и не позволит водрузить его до тех пор, пока справедливость не будет восстановлена.

— Правда, — сказал я, — лучи новой славы, которые озаряют Старое Знамя, затмевают свет «старой славы».

ПОБОЛЬШЕ ПУТЕШЕСТВИЙ ПО ЧУЖИМ СТРАНАМ И ПОМЕНЬШЕ МЕЖДУНАРОДНОЙ ТОРГОВЛИ

Во время нашего разговора доктор пустил нашу воздушную лодку по течению ветра на запад, и мы очутились над гаванью. Я был поражен скудным количеством стоявших там судов.

— Я не нахожу, — сказал я, — чтоб у вас было теперь больше кораблей, чем их было в наше время. Особенно меня удивляет, что ваш флот после целого столетия технических усовершенствований и увеличения народонаселения, по-видимому, не сделал особенных успехов.

— Причина простая, — объяснил доктор, — новый порядок вещей включает в себе тенденцию к сокращению размеров международной торговли; с другой стороны, количество путешествий по чужим странам, предпринимаемых с увеселительной

или образовательной целью, возросло в сравнении с вашим временем в неимоверное число раз.

— Какими путями новый строй добился сокращения международного обмена?

— Здесь сыграли роль два момента, — ответил доктор. — Как вам известно, система доходов упразднена во внешней точно так же, как и во внутренней торговле. Интернациональный совет заведует международным обменом, и цены, которые один народ назначает на продукты, ввозимые им в другие страны, не должны быть выше тех, которые он сам у себя платит за них. При таком условии нет, очевидно, смысла производить для экспорта больше продуктов, чем это необходимо для обмена на те предметы, которых страна не может производить.

Другое, весьма существенное, следствие нового строя, способствующее сокращению размеров международной торговли, состоит в интеллектуальном равенстве; это равенство распространяется как на теоретические познания, так и на практические применения науки и искусства. Современная нация сочла бы унижением для себя обращаться к другому народу за такими продуктами, которые она может сама производить. Благодаря этому международные сношения суживаются по мере того, как человеку удастся одерживать новые победы над природой. А что касается преимуществ, которыми в прежнее время пользовались промышленные страны, богатые каменным углем, то вот уж столетие, как они потеряли всякое значение, благодаря неограниченному применению электричества, ставшего источником почти даровой энергии.

Но вы должны знать, что если народы стремятся стать в промышленном отношении совершенно независимыми друг от друга, то они руководствуются при этом не только экономическими соображениями или чувством самоуважения, но еще в большей степени преследуются ими воспитательные и образовательные цели.

Задача образования значительно облегчается, если на небольшом пространстве промышленная система представлена наиболее разнообразно.

Наша промышленная организация ставит себе целью не только обеспечить, насколько местные условия позволяют, каждому более или менее значительному округу экономическую независимость, но она стремится также к тому, чтобы каждый округ представлял собою своего рода промышленный микрокосм. Вы помните, мы на днях говорили об этом на бирже труда.

Доктор еще раньше изменил направление нашей воздушной лодки, и мы подвигались к западной части города.

— Что это за здание, — спросил я, — которое только что мелькнуло под нами и в котором я заметил столько стекол?

— Это один из наших санаториев, куда поступают больные, которые не желают менять климат. По нашему мнению, люди, страдающие хроническими болезнями, непременно должны переменить климатические условия своей жизни; благодаря нашим санаториям это стало доступным для всех. В этих зданиях все условия до того приспособлены к состоянию больного, что последний чувствует себя как бы в новом мире, где его болезнь составляет нормальное явление.

— Без сомнения, вы за это столетие сделали большие успехи во всех отраслях вашей профессии — в медицине, гигиене, хирургии и прочих.

— Да, — ответил доктор, — успехи очень велики, их можно разделить на две категории: положительные и отрицательные, причем успехи второй категории имеют преобладающее значение. Они заключаются в устранении всех вредных для здоровья условий, с которыми в ваше время врачи тщетно боролись. Например, вот уже два поколения прошло с тех пор, как женщины, добившись независимости, являются полными господами в своих отношениях к мужчинам. И в результате получилось то, что человеческая кровь очистилась от язвы сифилиса. Утонченная чистота, которую современное человечество соблюдает в пище, одежде, жилище, отоплении и проч., прекрасный уход, которым пользуются наши больные, дали в результате то, что мы не знаем, что такое миазматические и другие заразные болезни. Для полноты картины прибавьте к этим усовершенствованиям в области гигиены еще прекрасное физическое развитие, которое составляет одну из главных задач юношеского воспитания, и телесное перерождение женщины, которое очистило и оздоровило жизнь у самого ее источника.

— Ваше рассуждение наводит меня на мысль, что врач теперь свободен от всяких трудов.

— Напрасно вы это говорите, — возразил доктор. — Прогресс изобретений и усовершенствований, правда, освободил докторов, как и других работников, от их прежних занятий, но в то же время он открыл им новые и более возвышенные сферы деятельности.

Может быть, — продолжал доктор, — ничто так не содействовало успехам медицины и улучшению гигиенических условий, как знание людьми свойств своего собственного организма, заменившее невежественные представления ваших предков. Прогресс и в этой области шел рядом с расцветом универсальной культуры. Из литературы мы узнаем, что даже самые культурные классы вашего времени не стыдились своего круглого невежества в вопросах, касающихся физиологических и патологических процессов, происходящих в человеческом организме. Заботы о своем теле они предоставляли врачам с тою же циничной непростительностью, с какою они предоставляли духовенству заботу о своей душе. В настоящее время система воспитания, которая не включила бы в себе сведений по физиологии, медицине и гигиене в количестве достаточном, чтобы в обыкновенных случаях недомогания не приходилось обращаться к врачу, возбудила бы насмешки. Не будет преувеличением, если я скажу, что каждый из нас знает столько же в области лечения болезней, сколько в ваше время знала значительная часть профессиональных врачей.

Отсюда ясно, что, помимо общего улучшения в состоянии здоровья, современные условия позволяют обходиться одним врачом в тех случаях, когда в ваше время их понадобилось бы двадцать. Мы, врачи, считаемся только более опытными специалистами в той области, в которой и все другие очень хорошо осведомлены. Нас приглашают для консультаций (пользуясь профессиональным термином вашего времени), в которых участвуют на равных правах больной и его друзья.

Однако своими успехами современная медицина более всего обязана тому, что она, подобно современной религии, освободилась от духа сектантства, и произошло это в силу тех же экономических и нравственных причин, о которых я говорил уже. Вам едва ли нужно напомнить о том, что после теологии медицина больше, чем какая-либо другая наука, страдала от мертвящего влияния догматических школ. Наука о теле в ваше время была проникнута таким же ханжеством, как и наука о душе, и та и другая одинаково подавляли всякий проблеск оригинальной мысли, одинаково тормозили движение человечества вперед.

В настоящее время свободному изучению медицины не ставится никаких преград. Медицинское образование дается самое полное, но что касается метода лечения, то выбор его всецело предоставляется врачу и больному. Мы того мнения, что вполне культурный человек, каким является всякий член нашего обще-

ства, так же компетентен в выборе метода лечения для своего тела, как и для своей души. И эта полнейшая независимость и свобода инициативы врачей, с одной стороны, и авторитетная критика со стороны публики — с другой, дали в смысле усовершенствования медицинской науки небывалые раньше результаты. Мы не только довели до совершенства прежние методы профилактики и лечения болезней, не только открыли новые принципы лечения, но мы глубоко заглянули в сокровенную тайну жизни и узнали многое, о чем в ваше время считалось чуть ли не святотатством мечтать. Что касается боли, мы ее допускаем только ввиду тех симптоматических указаний, которые она дает, и миримся с нею только в тех случаях, когда она служит нам ценным подспорьем для правильной постановки диагноза.

— Все это так, но вы, однако, не уничтожили смерти.

— Уверяю вас, — рассмеялся доктор, — если бы кому-либо удалось найти способ избавиться от нее, народ овладел бы секретом и сжег бы его формулу. Неужели вы думаете, что мы желали бы остаться здесь навеки?

И КАК МЫ В САМОМ ДЕЛЕ МОГЛИ ЭТО СДЕЛАТЬ?

Я снова стал всматриваться в передвигавшуюся подо мною панораму. Мы находились теперь близко от прежнего предместья Бостона, которое в мое время называлось Брайтоном. Сюда обыкновенно доставляли скот для города.

— Я не вижу навесов для скота, — сказал я. — У вас, конечно, теперь все лучше устроено. Кстати, теперь, когда все состоятельны и каждый может себе позволить иметь к завтраку самый лучший бифштекс, снабжать большой город мясом должно быть гораздо труднее, чем это было в те времена, когда бедняки, за неимением средств, потребляли мясо в очень небольшом количестве и самого плохого качества.

Доктор раньше, чем ответить, выглянул на несколько минут из лодки.

— Я вижу, что вы раньше ни с кем об этом не говорили.

— Конечно нет. Раньше мне эта мысль не приходила в голову.

— Это все равно. Видите ли, Юлиан, рядом с переменами в обычаях и образе мыслей должен был со временем произойти и коренной переворот во взглядах на поведение наших предков.

Я не нахожу слов, чтобы выразить свою мысль, но во всяком случае я очень рад, что я — первый, с которым вы заговорили на эту тему.

Тут меня осенила мысль, и я в один миг понял значение ряда сбивчивых, неопределенных наблюдений.

— Ах! — воскликнул я. — Вы хотите сказать, что у вас больше не едят мяса животных?

— Неужели вы раньше не заметили этого? Разве вы не замечали, что вам никогда не предлагали мясной пищи?

— Дело в том, что кухня настолько изменилась за это время, что я решительно не в состоянии определить характер ваших блюд, хотя должен признаться, что мне не приходилось скучать по старым блюдам, наоборот, новые кушанья доставляют мне больше удовольствия.

— Да, — сказал доктор, — вместо одного или двух грубых способов изготовления пищи, которые вы унаследовали от первобытных людей, у нас существует множество самых разнообразных кулинарных методов.

— Но когда именно прекратилось употребление мяса в пищу?

— Вскоре после великой Революции.

— Что послужило поводом к этой перемене? Быть может, убеждение, что эта перемена будет полезна для здоровья?

— Не одно только это побудило нас произвести перемену в пище. Не подлежит никакому сомнению, что злоупотребление мясной пищей было причиной множества унаследованных нами от животных болезней. С этой точки зрения изгнание мяса из нашего пищевого режима сильно способствовало оздоровлению человеческой расы, но люди перестали есть животных не вследствие одних только гигиенических соображений, подобно тому как в более отдаленные времена не одни только эти соображения руководили людоедами, когда они отказались от своих каннибальских привычек. Обычай употреблять в пищу мясо всегда вызывал в людях чувство стыда, и это чувство стало особенно сильным, когда люди отказались от этой привычки.

Вот почему история революционной эпохи так скудно освещает те обстоятельства, которые вызвали эту перемену в образе жизни. Одно только не подлежит сомнению, а именно что в данном случае решающую роль сыграло чувство гуманности, сочувствие и жалость ко всякому страданию — одним словом, гот самый порыв бесконечной доброты и нежности, который

явился главной двигательной силой после великой Революции. Как и следовало ожидать, этот могучий порыв не только изменил отношения между людьми, но и отношение человека ко всему чувствующему миру. Чувство братства и солидарности не только связало мужчин и женщин, но и проявилось в отношениях людей к низшим спутникам нашей земной жизни — к животным.

При свете новых чувств люди не только познали свой долг и взаимные обязанности, но и права низших существ.

В культурных странах, еще задолго до Революции, люди враждебно относились к жестокому обращению с животными; по мере смягчения нравов чувство жалости к страдающим животным непрерывно росло, и теперь это чувство дошло до энтузиазма. Вместо того чтобы безжалостно истреблять во имя нашей пользы или удовольствия целые породы более слабых животных, ни минуты не задумываясь над их участью, мы стали обращаться с ними, как старшие братья, как их единственные хранители и опекуны. Разве мы и те слабые существа, которые смотрят на нас, как на богов, и чья участь находится всецело в наших руках, разве все мы не члены одной великой семьи, не дети одной матери — природы?

Если вы усвоите эту точку зрения, Юлиан, вы не будете удивляться тому, что современное поколение смотрит на поедание животных как на такой же возмутительный обычай, каким был и канибализм.

— Я прекрасно понимаю это. Вы, право, доктор, не должны думать, что мои современники были совершенно бесчувственны в этом отношении. Еще тогда, когда о Революции и не мечтали, многие из людей моего круга сознавали все отвращение мясоедства и, быть может, большая часть культурных людей немало возмущалась по поводу этого обычая. Но нам казалось, что нет выхода из этого положения. Здесь повторилось, таким образом, то же самое, что было с нашей экономической системой. Люди сознавали, что поступают скверно и жестоко, но не видели, как можно устранить зло. Вы достигли совершенства в кулинарном искусстве, и, не прибегая к мясу, вы в состоянии приготовить такую пищу, которая, надо отдать справедливость, во всех отношениях удовлетворительнее той, которую мы употребляли; но вам трудно представить себе, как нам невозможно было обходиться без мяса, когда взамен его мы не имели ничего такого, что было бы равноценно ему как в питательном, так и вкусовом отношении.

— Я некоторым образом представляю себе те затруднения, которые могли вам встретиться. Вы правильно заметили, что здесь повторилось то же самое, что было и с вашей экономической системой. Люди не могли понять, как можно заменить то, что подлежало упразднению. В то время, когда мы кушаем одно блюдо, нам трудно думать о вкусе другого. Вот этот-то недостаток творческого воображения со стороны масс и был главным препятствием для устранения всех зол, и чтобы совершить эту великую реформаторскую работу, нужен был бурный поток Революции. Точно так же необходим был поток новых чувств для того, чтобы покончить с укоренившимся с незапамятных времен обычаем мясоедства. Но как только новый умственный уклад отнял у человека аппетит к мясу и вызвал совершенно другие вкусы, последние нашли себе очень быстро самое полное удовлетворение.

— Из каких источников?

— Конечно, — ответил доктор, — главным источником, хотя далеко не единственным, послужил растительный мир. До тех пор никогда не делали никаких попыток извлечь из этого мира все те пищевые продукты, которые он в состоянии доставить при применении научных методов. Пока существовала такая легкая возможность убивать животных и пользоваться их мясом, казалось излишним предпринимать научные эксперименты с целью получения новых пищевых продуктов. Богатые, главным образом, питались мясом, а что касается пищи рабочих масс, которая состояла преимущественно из овощей, то никто из влиятельных классов никогда не заботился, чтобы сделать ее более приятной. Но когда все единодушно решили не обогреть больше своих рук в чьей бы то ни было крови, люди поневоле должны были серьезно призадуматься над вопросом о необходимых реформах в кулинарном искусстве.

Подобно тому как рабство в своей простой и грубой форме, сначала крепостнической, потом наемной, мешало людям ввести у себя промышленную систему на научных началах, точно так же грубые удобства, которыми отличалась мясная пища, побуждали людей ограничиваться теми источниками питательных веществ, которые имелись. Благодаря этому замена животной пищи растительной значительно замедлялась, чем объясняется, между прочим, и тот факт, что из всех искусств кулинарное, рассматриваемое как особая отрасль индустрии, наиболее отстало.

— Что это значит? — спросил я. — «Кулинарное, наиболее отсталое из всех искусств?» Почему это так?

— Потому что оно велось всегда в узких рамках изолированного хозяйства и являлось особой формой домашней промышленности, в которой руководящую роль играли женщины и прислуга, то есть тот класс населения, который в прежние времена был наиболее консервативным и рутинным в своих привычках. Способ приготовления пищи очень мало изменился с того времени, как жена Ариана готовила пищу своему мужу.

Нужно сознаться, что возмущение против мясной пищи привело бы к весьма сомнительным результатам, если бы повар, будь это жена или наемная прислуга, должен был своими силами и каждый в своей отдельной кухне разрешать проблему замены мяса другим равноценным питательным веществом. Но благодаря разностороннему характеру великой Революции период возмущения мясной пищей совпал с периодом упразднения домашней прислуги и также с открытием для женщин всех высших сфер деятельности. Все это привело к тому, что дело добывания и приготовления пищи было поставлено на кооперативных началах и превратилось в общественную службу. А как только люди потеряли аппетит к мясу своих же товарищей — живых созданий — и стали изыскивать способы замены прежней пищи новой, был сейчас же организован особый правительственный департамент, в распоряжение которого были предоставлены все научные силы страны и все средства, необходимые для решения поставленной ему задачи. И легко понять, что никакой другой департамент не имел для своей деятельности более сильного импульса, чем тот, на обязанности которого лежала задача выработать новое меню для всего народа. Вот какие условия нужны были для того, чтоб питание, впервые в истории человеческого рода, стало наукой. Прежде всего были собраны и распределены все пищевые продукты и все практиковавшиеся в разных странах способы приготовления этих продуктов. И когда люди увидели обширное и разнообразнейшее международное меню, они поняли, какой косностью отличалось их старое кулинарное искусство, они поняли, что ни в чем не проявили они столько ограниченности и предрассудков, как в деле заимствования друг у друга способа приготовления пищи. Тогда только они узнали то, что давно уже было замечено наблюдательными путешественниками, а именно что

каждый народ, каждая страна и часто даже каждый округ обладали своими гастрономическими секретами, которые ревниво оберегались от чужих взоров.

Но организация научной системы общественного питания не ограничилась одним использованием известных раньше продуктов и методов приготовления пищи. Ботаники и химики приложили все свои старания к тому, чтоб добыть новые питательные вещества и открыть новые способы их приготовления. Они легко могли убедиться, что только незначительная часть естественных продуктов, годных в пищу, была использована человеком; что только те продукты были в ходу, которые легко поддавались единственному первобытному способу приготовления, а именно посредством теплоты, сухой или влажной. Вы можете представить себе, какой переворот должен был произойти в кулинарном искусстве, когда к этим простым способам прибавилось множество сложных химических процессов самых разнообразных и оригинальных. Этот переворот может сравниться лишь с тем, которому подверглась металлургия, когда от единственного способа обработки посредством огня перешли к другим более сложным и совершенным методам.

Библия повествует, что когда дети Израиля во время своего странствования по пустыне были вынуждены довольствоваться вегетарианской пищей, они стосковались по египетскому мясу, и надо думать, что они имели для этого основание. Совершенно иное было отношение наших предков к прежнему образу жизни. Чувства, с которыми они вспоминали свои старинные горшки с мясом, были другого свойства, очень далекого от сожаления. Об этом периоде может дать нам представление один сохранившийся очень интересный рисунок. Он служит ярким доказательством, как мало времени нужно было для того, чтоб человечество убедилось, что гуманное отношение к животным может принести огромные выгоды самим людям. Я помню: рисунок состоит из двух частей. Первая часть изображает человечество в виде женской фигуры, которая смотрит на группу животных, состоящих из коровы, лошади и свиньи. Ее лицо выражает самое искреннее сокрушение, когда она восклицает: «Бедные животные! Как это мы могли питаться вашим мясом!» Вторая часть — помечена она «через пять лет» — изображает собою ту же самую группу, но лицо женщины, символизирующей человечество, когда она смотрит на животных и произносит те же слова: «Как это мы могли...», выражает не сокрушение или угрызение совести, а ужас и отвращение.

ЧТО СТАЛО С БОЛЬШИМИ ГОРОДАМИ?

Продолжая наш путь по направлению к западу, ко внутренней части города, мы мало-помалу оставили за собою самые густонаселенные места, если можно назвать густонаселенными те места, где каждый имеет свой дом-особняк. Рощи, луга и леса стали чаще мелькать под нами, все чаще стали встречаться деревни. Мы были за городом, в поле.

— Не забудьте, доктор, — сказал я, — что до сих пор я знакомился только с городской жизнью XX столетия. Если и деревенская жизнь за это время так же изменилась, как и городская, то будет очень интересно и с ней познакомиться. Расскажите мне что-либо о современной деревне.

— Трудно найти область, в которой так резко сказался бы результат национализации производства и распределения продуктов, как он сказался в области взаимных отношений между городом и деревней, и странно поэтому, что нам до сих пор не приходилось говорить на эту тему.

— Я помню, что в последнее время перед тем, как я уснул, город с необыкновенной быстротой пожирал деревню. Продолжался ли этот процесс во время моего долгого сна, или же он принял обратное направление?

— Верно, конечно, ваше последнее предположение, — ответил доктор, — и трудно представить себе дело иначе, если мы вспомним, что централизация и гигантский рост больших городов явились результатом вашей экономической системы, построенной на принципе частной собственности, взаимной конкуренции, всецело зависевшей от личной инициативы.

— Вы высказываете совершенно новую для меня мысль.

— Надеюсь, вы вполне согласитесь с нею после некоторого размышления, — ответил доктор. — В частнокапиталистическом строе распределение труда и продуктов производства не было делом общественной или правительственной организации. Никто не заботился о том, чтоб производители и потребители могли сойтись лицом к лицу, каждый должен был заниматься своим делом на свой собственный страх и риск, и его успех зависел исключительно от возможности обменять свои продукты или свой труд на труд или продукты другого. Следовательно, если где-либо случайно или преднамеренно собиралась масса людей в одном месте, сюда стекались и другие, так как каждое такое сборище составляло рынок, и чем больше было на этом рынке количество желающих покупать и продавать,

тем больше было шансов на выгодный обмен. Понятно то, что чем больше становился город, тем быстрее должен был совершаться его дальнейший рост. Туда шел рабочий, как на постоянный и обширный рынок, искать работы для своих мускулов, туда шел капиталист, этот главный организатор современного вам производства, чтоб найти на рынке рабочие руки. В город, наконец, направлялся также и капиталист-купец, искавший для своих товаров возможно большего круга потребителей, сосредоточенных на возможно меньшем пространстве. Хотя на первых порах города обслуживали преимущественно нужды своего собственного населения и внутренний обмен был главной причиной их роста, но со временем, благодаря централизации производства, они стали привлекать к себе и окрестное население. Таким образом те, которые жили в больших городах, имели возможность разбогатеть не только благодаря тому, что снабжали многочисленное население города всем необходимым, но им представлялся еще другой источник наживы: они взимали дань со всех продуктов, которые окрестность посылала в город, так как эти продукты должны были проходить через их руки, хотя бы производители и потребители, жившие в окрестности, были ближайшими соседями.

Вполне естественно, — продолжал доктор, — что эта концентрация материальных богатств в больших городах вела также к концентрации в одном месте всего, что считалось в жизни самым утонченным, приятным и прекрасным. В большие города стекались со всех сторон не только рабочие, которые надеялись сбыть наиболее выгодно свой труд капиталистам, но туда и с той же целью шли также люди свободных профессий и ученые. Юристы, педагоги, врачи, риторы и разные другие специалисты — все устремлялись в большой город в надежде найти богатых и многочисленных клиентов, другими словами, в надежде составить себе карьеру.

В города стремились и те, которые могли доставлять людям удовольствия: певцы, музыканты, художники, куртизанки, а за ними следовали те, которые искали в жизни наслаждений и имели достаточно денег, чтобы купить их в низменной или утонченной форме. Наконец, туда же стекались толпами вору, разбойники — все те, которые изошрились в искусстве жить за счет своих ближних. И для них город представлял собою заманчивую арену, на которой могли развернуться их таланты. Таким образом, города превратились в какие-то чудовищные водово-

роты, притягивавшие и поглощавшие все, что было в стране самого лучшего и самого низкого, верхи и подонки человечества.

Вот, Юлиан, те законы, которые управляли ростом городов; те же законы приносили разложение и смерть деревне и деревенской жизни. Долгое господство частнокапиталистического строя в Америке довело сельские округа до того состояния, в каком находилась деревня в Римской империи, как и во всякой другой империи, достигшей своего полного расцвета. Это были пустынные области, население которых состояло исключительно из рабов и надсмотрщиков, так как все, кто только мог, бежали оттуда в город.

Чтоб отдать справедливость вашим современникам, нужно прибавить, что они прекрасно сознавали то огромное зло, которое грозит цивилизации, благодаря этому поглощению деревни городом; они готовы были с радостью избавиться от этого зла, но они по своей близорукости не видели, что оно — прямое следствие всей системы капитализма, что, только уничтожив систему, можно вырвать это зло с корнем.

— Я не понимаю, однако, каким образом замена частнокапиталистического строя народно-экономической системой могла приостановить развитие городов?

— Тем, что она сделала совершенно лишними рынки для обмена труда и товаров, — ответил доктор. — Все удобства для обмена, которые были сконцентрированы в городах, оказались ненужными и бессмысленными при народной системе организации производства и распределения продуктов. Производство деревни больше не зависит от посредничества города. Везде производятся товары одного и того же качества и ко всем предъявляется одна и та же мера требований. Население не делится, как в старину, на богачей и бедняков, город перестал поэтому быть большей приманкой и выставкой роскоши и богатства, чем деревня. С тех пор как все уравнивается в условиях труда и добывания средств к жизни, города должны были потерять свое прежнее привилегированное положение как источники более легких заработков. Словом, у нас теперь нет никаких причин предпочитать городскую жизнь деревенской; я не говорю, конечно, о тех, кто любит толпу для толпы. Теперь, надеюсь, вам ясно, почему прекратился рост городов и почему с тех пор, как проявились результаты Революции, городское население стало мало-помалу редеть.

— Но у вас все-таки существуют города! — воскликнул я.

— Конечно, то есть у нас есть места, которые более населены, чем другие. Все ваши большие города существуют и ныне, но их население составляет только незначительную часть того, чем оно было в ваше время.

— А все же Бостон теперь несравненно более красивый город, чем он был в мое время.

— Все новейшие города красивее и заключают в себе во всех отношениях гораздо больше удобств, чем их предшественники, но для того, чтоб их сделать таковыми, необходимо было прежде всего освободиться от избытка населения.

Население современного Бостона составляет только $\frac{1}{4}$ населения Бостона ваших дней, и это вполне естественно, так как в его пределах в ваше время жило в четыре раза больше людей, чем могло в нем поместиться согласно новейшим понятиям о приятной и здоровой жизни. Так как Нью-Йорк был еще более густо населен, то он за протекшее столетие потерял еще большую часть своего прежнего населения. Если б вы теперь увидели остров Манготан, он произвел бы на вас такое впечатление, как если бы Центральный парк вашего времени продлили, начиная с Battery до Harlem River, а между тем, по нашим понятиям, это очень густонаселенная местность; здесь, среди рош и фонтанов, живет около 25 000 жителей.

— И вы говорите, что это разрежение населения произошло сейчас же после Революции?

— Оно тогда началось: старые города могли вмещать на сравнительно небольшом пространстве такое огромное население только потому, что люди теснились в наемных домах, точно сельди в бочках. Но как только за каждым было признано право пользоваться хорошим жилищем, большие города должны были освободиться от излишка населения, и этот излишек разместился в деревнях. Конечно, все это произошло не в один день, но процесс развивался сравнительно быстро. Люди переселялись из города в деревню не только потому, что в городе чувствовался недостаток в приличных помещениях, но также и потому, что их привлекали естественные прелести деревенской природы. Вам легко понять теперь, почему жилищный вопрос в первое, последовавшее за Революцией, десятилетие приобрел такое огромное значение. Это стремление в деревню продолжалось до тех пор, пока города освободились от излишка населения, тогда только представилась возможность приступить к радикальному переустройству городов. Большая часть старых

построек была уничтожена, точно так же были снесены слишком высокие, неприглядные и неэстетические здания, их заменили дома другой архитектуры: широкие, низкие и просторные — словом, такие, которые более соответствовали новым формам общежития. Парки, сады и обширные площади попадаются теперь чуть ли не на каждом шагу; изменились также и способы передвижения; ни шума не слышно, ни пыль не подымается; словом, старый город преобразился в город нового типа. И когда город сделался таким же приятным местом для жительства, как и деревня, тогда прекратилось бегство населения из городов и между городом и деревней установилось полное равновесие.

— А все-таки я думаю, что при каких угодно условиях жизнь в городе, благодаря сосредоточению в нем значительного числа людей, должна представлять больше удобств, чем жизнь в деревне, по той простой причине, что эти удобства всегда обходятся дешевле там, где ими приходится снабжать более густое население.

— Вполне верно, — ответил доктор, — и если кто-либо хочет поселиться в уединенном уголке, вдали от соседей, ему, конечно, придется отказаться от многих удобств. Ему придется получать все необходимое из ближайшего общественного склада и обходиться без таких услуг, которыми могут пользоваться те, которые живут близко друг от друга. Но для того чтобы очутиться в подобных условиях, нужно в настоящее время уйти очень далеко. Не забудьте, что способы сообщения и транспорта, которые употребляются у нас как для частных, так и для общественных нужд, настолько усовершенствовались, что препятствия со стороны пространства, затруднявшие вас, для нас совершенно не существуют. Теперь деревни, отделенные друг от друга расстоянием в 5–10 миль, так же близки между собою в торговом и социальном отношениях, как в ваше время были близки соседние участки города. И либо своими средствами, либо сообщая с другими, на товарищеских началах, обитатели самых малонаселенных мест устраиваются так, что они могут пользоваться всеми удобствами городской жизни. Везде имеются общественные склады, кухни, телефоны, усовершенствованная система доставки, общественные бани, библиотеки и высшие учебные заведения. Общественные службы везде выполняются с одинаковой добросовестностью, а продукты производства отличаются всегда самыми высокими качествами. Наконец, благодаря телефону и электроскопу жители любой

местности, как бы уединенно они ни жили среди лесов и фонтанов, могут так же наслаждаться театром, концертами и ораторскими талантами, как и обитатели самых больших городов.

ВОЗРОЖДЕНИЕ ЛЕСОВ

Мы неслись все дальше, верста за верстой, миля за милей, приближаясь к центру города, а внизу под нами поверхность представляла собою тот же великолепный парк, который покрывал окрестности города. Естественная красота местности была облагорожена рукой человека; тайный смысл природы всюду открывался благодаря прикосновению любящей руки тонкого знатока-артиста, и весь ландшафт был проникнут гармоничным сочетанием искусства человека и творчества природы. Такие виды попадались изредка и в мое время, когда большие города обладали дорогими стоившими парками и садами, но в таком большом масштабе ничего подобного не встречал я в своей прежней жизни.

— Как далеко тянется этот парк?— спросил я. — Ему как будто конца нет.

— Он тянется вплоть до Великого океана, — был ответ доктора.

— Неужели вы хотите сказать, что он покрывает собою землю на всем пространстве Соединенных Штатов.

— Конечно, он не сохраняет всюду один и тот же облик: формы и виды леса меняются согласно с естественными условиями страны и с тем, каких эффектов легче получить. Эта местность, например, не отличается какими-нибудь особенными, ей одной свойственными чертами; ей больше всего подходит характер мягкого улыбающегося пейзажа, с возможно большим разнообразием в деталях, что именно мы видим пред нашими глазами. Наоборот, в гористых местах, где природа создала такие эффекты, к которым человеческая рука не в состоянии ничего прибавить, все остается в первоначальном виде, и задача искусства ограничивается тем, чтобы представить всевозможные удобства путешественникам и наблюдателям. Когда вы будете путешествовать по Белым горам или по Беркширским холмам, вы, я уверен, найдете, что склоны гор покрыты теперь более роскошной растительностью, что потоки стали более стремительны и леса более дремучи и мрачны, чем они были сто лет тому назад. Единственными следами человеческих рук явля-

ются дорожки, извивающиеся по всем направлениям, ведущие ко всем вершинам и ущельям, давая человеку полную возможность проникнуть в самые дикие, неприступные и прекрасные уголки природы.

— Что касается лесов, — заметил я, — то мне не зачем ездить в горы, чтобы убедиться в том, что они не только стали теперь гуще, но и деревья в них толще, чем были в мое время.

— Да, — сказал доктор, — было бы странно, если бы вы не заметили этой перемены. Вы у нас увидите десять деревьев на таком пространстве, на котором некогда росло лишь одно, и притом большая часть наших деревьев имеет за собою 75—100-летний возраст, то есть период, отделяющий нас от эпохи возрождения лесов. Чем ознаменовалась эта эпоха возрождения лесов?

— Она ознаменовалась реставрацией лесов после Революции. При частнокапиталистическом строе люди, побуждаемые алчностью и нуждой, совершенно опустошили леса, реки обмелели и страна сильно терпела от засухи. После Революции насаждение лесов оказалось одним из самых неотложных дел. Конечно, много времени должно было пройти, пока новые растения достигли своего полного роста, но вот уже, я думаю, 25 лет, как выполнен план лесоразведения в стране, и следы прежнего хищничества окончательно исчезли.

— Вы знаете, — сказал я несколько минут спустя, — в вашем пейзаже отсутствует нечто, и этот пробел производит на меня такое же впечатление, как и все то, что я вижу?

— Чего именно недостает?

— Покосов.

— О да, нет ничего удивительного, что вы чувствуете их отсутствие, — сказал доктор. — Насколько я знаю, сено составляло главную жатву в Новой Англии?

— В общем, да, — ответил я, — а теперь я думаю, вы в сене совсем не нуждаетесь. Боже мой, как многое должно было измениться в человеческих занятиях и интересах вследствие того, что люди перестали употреблять животных для работ и пищи!

— Верно. Но я думаю, что эта перемена способствовала улучшению социального строя, хотя возможно, что в моих словах звучит неблагодарность. Возьмите, например, лошадь. С тех пор, как ее освободили от прежних трудов и этот многострадальный слуга человека получил свою вполне заслуженную награду, стали возможны гладкие и чистые дороги; пыль, грязь и опасность перестали быть неизменными атрибутами езды.

Вместе с упразднением лошадиного труда стало возможно сузить проезжие дороги на $\frac{1}{2}$ или даже на $\frac{1}{2}$, их делают теперь из гладкого щебня; такие дороги так же долговечны, как и римские и никогда не могут зарости растительностью.

Наши дороги прорезывают страну вдоль и поперек, и вместе с электрическими автомобилями они сделали езду до того удобной и приятной, что мы все небольшие экскурсии, а если время позволяет, даже и большие поездки осуществляем своими средствами. Если бы путешествия внутри страны были обставлены так, как в ваше время, когда они совершались исключительно на лошадях, изобретение воздушных лодок заставило бы человечество смотреть на землю так, как смотрят на нее птицы, то есть как на место остановки между двумя полетами. Но при существующем положении вещей мы считаем одинаково приятным, плыть ли в воздухе или же мчаться по земле, так как то и другое совершается одинаково быстро, легко и бесшумно.

— Еще до 1887 года, — сказал я, — велосипед стал пользоваться такими симпатиями и применение электричества открывало такие широкие перспективы, что многие тогда уж предсказывали близость упразднения лошадиной силы как средства передвижения. Однако все были убеждены, что если даже перестанут пользоваться лошадьё для езды, то все же это животное не перестанет быть необходимо при производстве сельскохозяйственных работ. Я сам был того мнения. А как в самом деле обстоит на этот счет?

СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО В XX ВЕКЕ

— Подождите немного, — ответил доктор, когда мы спустились ниже, — я дам практический ответ на ваш вопрос.

Когда мы спустились с высоты 1000 футов на 200 футов, доктор сказал:

— Посмотрите вниз, направо.

Я так и сделал. Моим глазам представилось широкое поле, с которого было все уже убрано. По полю двигался ряд машин, от действия которых земля взвивалась вверх коричневыми волнами. На каждой машине стоял или сидел молодой человек или молодая женщина, и вид у них был такой, как будто они совершают увеселительную поездку.

— Это, должно быть, плуги, — сказал я, — но что приводит их в движение?

— Электричество, — ответил доктор. — Разве вы не замечаете проволоку, извивающуюся по разрытой земле? Это кабель, посредством которого машина снабжается электричеством. Обратите внимание на правильно расставленные вдоль поля столбы. Достаточно соединить один из этих кабелей со столбом, чтоб получить энергию, которая, будучи приложена к какой-либо земледельческой машине, дает силу различной интенсивности, начиная с силы одного человека и кончая силой 100 лошадей, и этой силой в состоянии управлять ребенок.

Как мне впоследствии объяснили, эта система гибких кабелей всевозможных размеров применяется не только к тяжелым работам, которые раньше исполняли животные, а приспособлена также и к ручным орудиям, как, например, лопата, заступ и вилы, с которыми в наше время фермер сам должен был справляться.

Доктор объяснил мне, что нет такого маленького инструмента как в земледелии, так и в других отраслях индустрии, к которому нельзя было бы приспособить электрический мотор, причем человеку приходится только приладить и направлять его.

— Имея в руках наш заступ, — продолжал доктор, — смысленный мальчик может вырыть ров и накопать картофеля гораздо скорее, чем в ваше время ту же самую работу могла бы сделать целая артель рабочих, и для выполнения этой работы приходится употребить столько же физической силы, сколько для того, чтоб катать тележку.

— Я уж несколько раз слышал, что сельское хозяйство в настоящее время представляет собою такое же приятное занятие, как и все другие, но это так не вяжется с моими старыми воспоминаниями о тяжелом труде земледельца, что раньше я не мог понять, как вы это могли так устроить. Теперь только мне это стало казаться возможным.

Доктор предложил мне спуститься на землю и осмотреть устройство новых ферм; я с удовольствием согласился. Но раньше, чем спуститься, доктор воспользовался нашей высокой позицией и обратил мое внимание на целую сеть подъездных путей, которые служат целям транспорта земледельческих продуктов и благодаря которым земледelec сейчас же после уборки хлеба может в случае надобности отправить его, не прибегая к посредникам, в любую часть страны.

Выйдя из воздушной лодки, мы прошли через поле и направились к одному из больших плугов, которым правила темно-

волосая молодая, очень мило одетая женщина. Такой стройной фигуры, я уверен, не видела ни одна ферма XIX века.

При виде этой женщины, так изящно сидевшей на сверкавшем металлом чудовище, взрывавшем землю своими могучими зубцами, мне припомнилась Европа, сидящая верхом на быке. Если прототип был так же очарователен, как и эта молодая женщина, трудно винить Юпитера за то, что он убежал с неба.

Когда мы подошли близко, она остановила плуг и очень любезно ответила нам на наше приветствие. Я заметил, что она сейчас же узнала, кто я, как, впрочем, и все, с кем мне приходилось встречаться, благодаря, вероятно, распространению моего портрета.

При других условиях интерес, который я, по-видимому, возбуждал в ней, очень льстил бы мне, но, к сожалению, я знал очень хорошо, что тем вниманием, которое она уделяла мне, я обязан не своей личности, а той шутке, которую сыграла со мной природа.

На мой вопрос, что обыкновенно сеют в это время года, она ответила, что теперь только пашут и что вообще земля в течение года несколько раз вспахивается и таким образом улучшается в качестве.

— Мы, конечно, пользуемся, — сказала она, — различными искусственными удобрениями, но мы полагаем, что самым лучшим источником удобрения является сама почва, когда она приводится в движение.

— Безусловно, — ответил я, — труд вернее всего оплодотворяет землю. Этому учит нас в своей басне «Зарытый клад» такой авторитет, как старик Эзоп. Только в мое время удобрение земли покупалось слишком дорогой ценой, так как оно достигалось мускульной силой людей и животных. Наши фермеры больше одного раза в году не вспахивали своего поля, да и эта работа достаточно надрывала их силы.

— Да, — сказала она, — я читала об этих несчастных людях. Теперь, вы видите, все идет иначе. До тех пор, пока ежедневно будут сменяться приливы и отливы, пока будут существовать ветры и водопады, для нас не составит большого труда вспахать поле даже два раза в день, если бы понадобилось. Насколько я помню, статистические данные показывают, что количество силы, применяемой для обработки одного акра земли, превышает в 10 раз ту силу, которую возможно было приложить в прежние время.

Мы еще некоторое время осматривали ферму. Доктор объяснил мне систему дренажирования почвы и запасных водоемов, благодаря которым можно всегда предохранить себя от бедствий, которыми грозит засуха или излишек влаги. Я имел также возможность ознакомиться с некоторыми из тех удивительных инструментов, которые не требуют от рабочего почти никакой мускульной силы, а только умения руководить ими.

К ферме прилегал также и целый ряд оранжерей, откуда получались свежие овощи и зимой. Мы и их осмотрели. Те чудеса интенсивного земледелия, которые я увидел в этой огромной постройке, конечно, никого из моих читателей не поразили бы, но для меня все то, что я узнал о современной культуре растений, о тех блестящих результатах, которых удалось добиться благодаря искусственному сочетанию известных условий света, теплоты, влаги и почвенного состава, было настоящим откровением, которое никогда не забудется. Мне казалось, что я проник в лабораторию самого Создателя и застал Его в тот момент, когда Он невидимыми руками лепил из земного праха и воздуха модели для жизни. До тех пор я никогда не видел, как растут растения, и шутка индейского фокусника казалась мне выдумкой. Но теперь я положительно видел, как они поднимают головки, пускают отростки, как раскрываются цветы; мне казалось, что я вижу все их движения и слышу даже их топот.

— В мое время оранжерейная культура внесезонных овощей производилась в весьма незначительных размерах, достаточных для удовлетворения спроса весьма малочисленного класса богачей. Никому тогда и не снилось, что настанет время, когда овощи в течение всего года будут доставляться всем членам общества по весьма умеренным ценам.

Когда мы вышли из оранжереи, день склонялся к вечеру; солнце уже садилось. Поднявшись на такую высоту, где нас согревали еще солнечные лучи, мы направились к своему дому. Из разнообразных впечатлений, которые я вынес в этот удивительный день, сильнее всех запечатлелся в моей памяти преподанный мне на ферме предметный урок современного земледелия, этого фундамента всех человеческих занятий и всякой промышленной системы. Спустя некоторое время я сказал:

— Доля земледельца в мое время была неприглядна не только в силу чрезмерных трудов, которыми была полна его жизнь, но также в силу того одиночества, той изолированности

и оторванности от всего общества и всей окружающей социальной культуры, на которую эта жизнь была обречена. Я уверен, что, устранив так успешно из занятий земледельца их чрезмерную трудность, вы сумели также связать его жизнь с жизнью всего общества.

— Никто в наше время не стал бы заниматься земледелием, если бы оно было труднее или тягостнее других занятий. А что касается социальных условий фермерской жизни, то они ни в чем существенно не отличаются от условий жизни ремесленника или других классов рабочих. Подобно другим и фермер может жить, где ему угодно, так как благодаря средствам чрезвычайно быстрого передвижения, которые всюду имеются к его услугам, он в кратчайший срок может перенестись от места его занятий куда угодно. Фермерский труд не требует от того, кто посвятил себя ему, чтоб он жил непременно на ферме.

— Характерной чертой нашей фермерской жизни, — сказал я, — была периодическая смена, в зависимости от смены времен года, покоя и напряженных усилий, периода безделья и периода непосильного труда. Я думаю, что эта черта сохранила силу и для современного сельского хозяйства.

— Без сомнения, — ответил доктор, — но это чередование не сопровождается теперь для рабочего ни бесполезной тратой времени, ни чрезмерным напряжением сил. Сельскохозяйственные занятия и теперь протекают с перерывами, которые делают земледельческий труд еще более привлекательным. Во время посева и уборки не все, конечно, земледельческие округа оказываются в одинаковых условиях, и это вполне понятно, если принять во внимание обширность страны, но у нас есть возможность привлечь в любой округ такое количество рабочих из других округов, какое нужно в данное время. У нас нередко случается, что в течение нескольких дней в какой-нибудь район направляются несколько сот тысяч рабочих. Воодушевление, которое охватывает в этих случаях народные массы, не поддается описанию. Нечто подобное, должно быть, происходило у вас во время мобилизации, когда войска отправляли на войну.

Мы несколько минут плыли молча среди сгустившихся сумерек.

— Да, Юлиан, — сказал наконец доктор, — ни в какой области промышленности перемена не была так радикальна и никакой переворот не затронул такого большого количества людей, как тот, который произошел в земледельческом труде. Поэты до и после Вергилия воспевали сельские занятия и земледель-

ческий труд как условия, вернее всего обеспечивающие тихую и счастливую жизнь. Но действительность зло посмеялась над этими поэтическими фантазиями. Обстоятельства в ваше время всегда складывались таким образом, что участь поселянина, кормильца всего мира, была самой тяжелой, самой печальной и безысходной. На протяжении всей истории человечества до последнего столетия крестьянин представлял собой наиболее трагическую фигуру. Во времена рабства земледельческое ярмо было самым тяжелым и унижительным. Когда рабство исчезло, занятие земледелием продолжало оставаться самым трудным, неблагодарным, требовавшим наибольших забот. Земледелец терпел даже большую нужду, чем наемный рабочий, который был, по крайней мере, свободен от крестьянских забот; крестьянин переживал все волнения и тревоги капиталиста, но не мог, подобно последнему, надеяться на обогащение. С одной стороны, земледельцы больше, чем какой-либо другой класс населения, зависели от капризов природы, с другой стороны, при сбыте своих продуктов они в большей степени, чем остальные производители, зависели от произвола посредников-торговцев. Крестьяне имели полное основание задаваться вопросом: кто более жесток к ним — люди или природа? Скудный урожай грозил фермеру гибелью, если же урожай был хороший, то все барыши доставались посредникам. Земледелец играл как бы роль буфера между стихиями, с одной стороны, и человеческим обществом — с другой. Его бросали в одну сторону только для того, чтоб затем отбросить его в другую. Прикрепленный к земле, он стал в коммерческом отношении рабом города, и это рабство было не менее жестоко, чем феодальное. Одинокая и замкнутая жизнь сделала его грубым, невежественным, оторвала его от культурного общества, лишила возможности чему-нибудь научиться и не побуждала его к самоусовершенствованию даже в том случае, когда его тяжелая работа оставляла ему какой-либо досуг. Не надо удивляться поэтому, что городские жители смотрели на него сверху вниз, как на представителя низшей расы. Во все времена и во всех странах крестьянин был всегда предметом насмешек со стороны даже самого грубого горожанина. Какой-нибудь жалкий городской пролетарий, умиравший с голоду на мостовой, издевался над ним, называя его мужиком, деревенщиной. Лишенный дара речи, он не имел никого, кто бы за него заступился. А если в редкие моменты он решался возвысить свой голос, то его грубые, нечленораздельные жалобы вызывали только улыбку.

Валаам был не более удивлен, когда с ним заговорила ослица, чем правящий класс в Америке, когда в конце прошлого столетия фермеры осмелились заговорить по поводу господствовавшего в стране образа правления.

От времени до времени в истории человечества и на долю фермера выпадали кратковременные периоды сносного существования. Было, например, время — оно продолжалось, правда, недолго, — когда английский фермер мог гордо смотреть в глаза дворянину. Равным образом и американский фермер до половины XIX столетия переживал золотой век земледелия. Он производил тогда продукты только для своих нужд и не попал еще в кабалу к посреднику; он был тогда самым независимым из всех классов населения и наслаждался, хотя в несколько грубой форме, полным довольством. Но еще до последней трети XIX столетия, идиллический период сельского хозяйства канул в вечность; действие частнокапиталистической системы привело к тому, что американский фермер стал быстро катиться вниз и приближаться к тому рабскому состоянию, которое составляло его постоянный удел и которое должно было длиться до тех пор, пока не прекратилась эксплуатация человека человеком. В то время как экономическое равенство явилось благодеянием для всех людей, два класса населения имели особые основания для того, чтоб приветствовать его с энтузиазмом: им та свобода, которую принес новый общественный строй, должна была казаться тем ярче, чем мрачнее и безнадежнее было их прежнее положение. Эти два класса составляли женщины и фермеры.

Глава XXXIV

ЧТО ВЫЗВАЛО РЕВОЛЮЦИЮ?

Первый вопрос, с которым Юдифь обратилась ко мне, когда мы вернулись домой, был: не желаю ли я пойти сегодня в театр?

В этот вечер давалась на сцене в Гонолулу известная драма из времен великой Революции. Юдифь полагала, что мне будет интересно посмотреть ее.

— Вы непременно должны видеть ее, так как возобновление этой пьесы на сцене является своеобразным комплиментом по вашему адресу: она служит отражением всеобщего интереса к революционной эпохе, который был вызван вашим появлением среди нас.

Мне самому показалось, что другое времяпровождение не могло бы доставить мне большого удовольствия, и поэтому было решено всей семьей присутствовать на представлении.

— Беда только в том, — сказал я, когда мы уселись за чайный стол, — что я еще недостаточно знаком с историей Революции для того, чтобы понять как следует эту пьесу. Я знаком с отдельными эпизодами, на которые вы в наших беседах часто ссылались, но я не имею полного представления о Революции как о целом.

— Это вас не должно смущать, — сказала Юдифь. — До представления осталось еще достаточно времени, и отцу удастся сообщить вам самые необходимые сведения. В Гоголову утренний спектакль начинается не раньше трех, и так как теперь только 6 часов, то разница во времени даст нам добрый час до поднятия занавеса.

— Изложить ход Революции, имея в своем распоряжении так мало времени, задача столь же трудная, сколько для меня неожиданная, — мягко запротестовал доктор, — но постараюсь, насколько это в моих силах, справиться с ней.

Я открыл нашу беседу вопросом: с какого времени ведет начало Революция?

— Всякое начало таится во мраке, — ответил доктор, — может быть, — продолжал он, — святой Иоанн решил проще всего вопрос, когда он сказал: «В начале был Бог»; однако, чтоб подойти ближе к заданному вопросу, можно утверждать, что Христос Своим учением положил начало теоретическому обоснованию великой Революции и первый наметил ее практические цели. Завет Христа, как известно, заключается в том, что равное, основанное на любви, обхождение со всеми есть тот принцип, на котором люди должны строить свою совместную жизнь. Будем, однако, говорить языком историков.

Великая Революция была обязана своим происхождением двоякого рода причинам: 1) основной общей причиной, которая должна была рано или поздно привести к Революции, каковы бы ни были второстепенные условия и обстоятельства и 2) ближайшим или непосредственным причинам, которые до известной степени определили время ее наступления и сообщили те или иные характерные черты.

Эти ближайшие, непосредственные причины были, конечно, различны в разных странах, но общая основная причина была везде одна и та же, и великая Революция, как вам известно, произошла во всем мире, по крайней мере во всех наиболее передовых странах, почти одновременно.

Эта причина, на которую я часто намекал в наших беседах, заключалась в распространении знаний среди масс. Сначала, после изобретения книгопечатания, в течение всего XVI, XVII и XVIII веков, знания распространялись довольно медленно, но начиная с XIX века они стали распространяться гораздо быстрее, а в некоторых странах, где условия складывались особенно благоприятно, они сделались общедоступными. Но до того момента, как начался этот процесс просвещения масс, умственное развитие последних с незапамятных времен стояло на таком низком уровне, что они немногим отличались от животных. В таком состоянии значительная часть человечества оставалась в течение ряда столетий. Лишенная ума и воли, масса человеческая, как глина в руках горшечника, служила послушным материалом в руках отдельных интеллигентных индивидуумов или групп, которые лепили из нее то, что наиболее соответствовало их целям.

Так продолжалось целые века, и никто даже не представлял себе, что возможен другой порядок вещей, пока наконец не наступил момент, когда дыхание жизни коснулось этих инертных, неразумных масс и в них вспыхнула искра разума. Процесс духовного пробуждения народа происходил очень медленно, постепенно и незаметно, но ни какое другое событие, ни целая серия событий не имели такого решающего влияния на судьбы человечества. Отныне интересы масс, а не кучки людей, благосостояние всего общества, а не части его составляли задачу социального строя и конечную цель эволюции.

Хотя философы XIX века смутно понимали, что распространение всеобщего образования явится могучей движущей силой социальной эволюции, но словно пелена закрывала их глаза и мешала им видеть неизбежность полного переворота в общественных отношениях и грядущее торжество общенародного идеала над классовыми и личными интересами. Ближайшим результатом распространения образования среди народных масс было широкое демократическое движение, которое над личными и классовыми привилегиями поставило право и авторитет всего народа. Поразительно только то, что даже среди вашей интеллигенции могли найтись такие люди, которые не понимали, что политическая демократия является провозвестницей экономической демократии, что демократы в политике — это только авангард великой армии, отважные пионеры, задача которых расчистить путь и доставить необходимые орудия для выполнения более существенной части демократической программы,

именно — проведения принципа равенства. Итак, повторяю, великая Революция обязана своим возникновением всецело процессу постепенного распространения образования, который беспрерывно продолжался начиная с XIV века до конца XIX века. Образование было той силой, которая, будучи однажды пущена в ход, должна была рано или поздно привести общество во всех странах к экономической революции. Если революция наступила в одной стране раньше, в другой — позже, там носила одни черты, здесь — другие, то это зависело от второстепенных, чисто местных условий. В Америке, например, революционное движение, которое привело к торжеству современного режима, началось сейчас же после Гражданской войны. Некоторые историки считают 1873 год началом Революции.

— 1873 год! — воскликнул я. — Как, ведь это было за 12 лет до того, как я уснул! Выходит, значит, что я был современником и свидетелем хоть части этой Революции, но, признаться, я никакой революции вокруг себя не замечал. Правда, мы признавали всю серьезность положения, созданного промышленными неурядицами и народным недовольством, но мы в этом еще не видели революции.

— Меня это ничуть не поражает, — ответил доктор. — Современники великих революционных движений очень редко в состоянии были выяснить себе их истинный характер даже тогда, когда эти движения завершали свой цикл развития. Последующие поколения всегда думают, что они были бы умнее и, наверно, поняли бы знамения времени, но это неверно.

— Но что такое произошло в 1873 году, — спросил я, — что могло дать повод историкам смотреть на этот год как на начало Революции?

— Этот год знаменателен в том отношении, что он открывает собою период экономических бедствий, который продолжался, с небольшими перерывами временных и частных облегчений, вплоть до свержения частнокапиталистического строя. Народное недовольство, которое в течение этого периода непрерывно накапливалось, явилось ближайшей причиной Революции. Это недовольство заставило американцев отказаться наконец от сладкого самообмана, в который они были погружены, от усыпавшей их надежды, что им удалось разрешить социальную проблему и что, вообще, последняя может быть разрешена такой системой демократии, которая ограничивается только политическими реформами. И американский народ стал искать истинного решения задачи.

Экономические бедствия, которыми ознаменовалась для американцев последняя четверть XIX века, кажутся ничтожными в сравнении с теми ужасными страданиями, которые с древних времен составляли постоянный удел других народов. Эти бедствия означали только первые повороты того пресса, посредством которого капиталисты всегда и везде выжимали все соки из народных масс. Благодаря беспримерным богатствам и обширности Нового Света американцы на целое столетие были избавлены от общей участи народов.

Но недолго продолжалось это время сравнительного покоя и благополучия. Настала пора, когда и американцы должны были склонить свою шею под всеобщее ярмо. Но долгий промежуток материального благополучия воспитал в американцах гордое и независимое отношение ко всему окружающему; они не хотели добровольно подчиниться игу экономического рабства, и, когда они увидели, что их стремления к независимости встречают отпор, они первые подняли знамя Революции. Вот в кратких чертах история возникновения Революции в Америке. Такой краткий очерк может вполне удовлетворить любопытство людей XX века, которые отделяются от этих событий таким большим промежуток времени, вам же, конечно, интересно знать и детали. В «Истории Революции» Стариота вы найдете главу, специально посвященную вопросу: каким образом и почему развитие власти капитала вызвало великое восстание? Чтение этой главы произвело на меня в свое время, когда я был еще на школьной скамье, сильное впечатление, и я думаю, что самое лучшее, что я могу сделать ввиду краткости имеющегося в нашем распоряжении времени, — это прочесть вам некоторые параграфы из этой главы.

И когда Юдифь принесла из библиотеки книгу — мы все еще сидели за чайным столом, — доктор стал читать следующее:

«С точки зрения эволюции частнокапиталистической системы историки подразделяют историю американской республики с момента ее основания в 1787 году до великой Революции, завершившейся установлением истинно республиканского строя, на три периода. Первый период обнимает собою первые десятилетия, от основания Штатов до конца первой трети XIX века, приблизительно до 30-х или 40-х годов.

В этом периоде власть капитала и сосредоточение его в руках отдельных лиц не достигли еще больших размеров. Десятиклассный класс был весьма незначителен, и накопления богатств

были ничтожны. Богатства девственной страны казались неисчерпаемыми, и ни человеческая алчность, ни жажда наживы не внушали опасений. Земля могла еще щедро вознаградить тех, которые трудились на ней, и ценой труда легко было в то время приобрести независимость. При таких условиях нужда никого не могла заставить называть другого своим господином. Этот период республики может быть назван идиллическим. Это было в то время, когда Токвиль посетил республику и стал ее восторженным поклонником, хотя он и предчувствовал все то, что ждет ее в будущем. Система частного капитализма таила в себе семена смерти, которые должны были со временем созреть и дать плоды, но до поры до времени все, по-видимому, шло хорошо, и неудивительно, что американский народ льстил себя надеждой, что республиканский режим в состоянии дать удовлетворительное решение социального вопроса.

30-е и 40-е годы в XIX веке мы считаем началом второго периода, в который вступила Американская республика. Это был тот период, когда концентрация капиталов сделала большой шаг вперед. Денежный класс приобрел огромную силу, он стал всюду проявлять свое влияние, постепенно поглощая все естественные богатства страны и эксплуатируя в свою пользу весь народный труд, словом, плутократия развернула всю свою мощь. Событием, послужившим исходным пунктом новой эры, явившимся гранью между первым и вторым периодами в истории развития народа, было применение пара в сфере торговли и промышленности. Можно, впрочем, с некоторым основанием утверждать, что переходный период наступил раньше, со времени введения фабричной системы. Конечно, не будь пара и других изобретений и открытий, благодаря которым сделалась возможной фабричная система, прошло бы гораздо больше времени, прежде чем богатым классам удалось бы путем захвата земли и ростовщических операций, как это было в древние времена, поработить народ. Нет сомнения, что великие открытия и изобретения ускорили в значительной степени победу плутократии, так как в машине капиталист приобрел надежную и непреодолимую союзницу в деле подчинения своих ближних. Машина явилась тем могучим фактором, который во много раз увеличил силу капитала и резко уменьшил относительное значение рабочего, благодаря чему стал возможен такой быстрый захват власти, в течение второго и третьего периодов, плутократией.

Надо отдать справедливость американцам, что уже в 40-х годах они стали сознавать, какой серьезной опасностью грозят

Республике новые тенденции социального развития и как несовместимы эти тенденции с республиканским идеалом всеобщего благоденствия. Упомянутое десятилетие в истории Америки отмечено живым интересом, который народ проявил к вопросу о возможности изменения социального строя, а также и многочисленными попытками, предпринятыми с целью доказать осуществимость замены частнокапиталистического строя кооперативным. Уже тогда наиболее интеллигентные граждане, более других проникнутые духом общественности, пришли к убеждению, что их так называемое народное правительство нисколько не препятствует богатым держать в рабском подчинении трудящиеся массы, и невольно в их умах стал зарождаться вопрос: следует ли дорожить учреждениями, которыми они раньше так гордились, если эти учреждения и впредь будут поощрять такое положение вещей?

Так народился и вырос вопрос о коренном перевороте социального строя, но он был временно обречен на полную неудачу вследствие одного специфического для Америки обстоятельства, а именно вследствие широкого распространения, которое получило в стране рабовладельчество.

Путь к свободе лежит чрез эту форму рабства, более грубую и первобытную, хотя в общем не более жестокую, чем другая форма рабства, рабство наемного труда. Необходимо было раньше свергнуть эту форму рабства; не будь этой роковой необходимости и тех условий, которые ее создали, великая Революция наступила бы на 25 лет раньше.

Вопрос о рабстве, как известно, породил острый конфликт в стране и в течение 40–70-х годов поглотил все умственные, нравственные и физические силы народа.

В течение всего этого периода, начиная с 30–40-х годов, когда началось противоневольническое движение, вплоть до окончания войны и полного решения невольнического вопроса, народ не мог думать о чем-нибудь другом. А между тем за этот период концентрация капитала в немногих руках, которая еще в 40-х годах стала внушать опасения дальновидным людям, сделала такие успехи, что ее влияние незаметно и беспрепятственно распространилось на всю страну и на весь народ. Под прикрытием Гражданской войны и предшествовавшей и следовавшей за нею агитации капиталисты, так сказать, тайком пробрались во владения народа, овладели самыми лучшими позициями и укрепились в них.

1873 год можно считать более или менее точной датой, когда народ, отделившись наконец от этических и партийных вопросов, связанных с проблемой рабства, впервые открыл глаза на тот неразрешимый конфликт, который вызвал рост капитала, — конфликт между властью денег и демократической идеей, признающей за каждым одинаковое право на жизнь, свободу и счастье. Этим годом открывается конечный или революционный период псевдоамериканской республики, который завершился торжеством нынешнего строя.

Рост и концентрация частного капитала вызвала крушение не одной республики, но тщетно будем мы искать в истории человечества революции, подобной американской, так быстро протекшей и так победоносно завершившейся.

До войны, как мы все видели, богатства в Америке были распределены с такой равномерностью, которая не была известна ни одному народу. Богачей и отдельных огромных состояний было немного. Ни индивидуумы, ни отдельные классы не приобрели еще таких огромных богатств, которые могли бы дать им власть над остальной частью населения. В каких-нибудь 25–30 лет условия в этом отношении до того изменились, что в 70-х и 80-х годах Америка получила название страны миллионеров, так как нигде на свете не было в то время такого накопления богатств в руках немногих лиц. Результаты изумительной концентрации частных капиталов, которые раньше были так равномерно распределены, не замедлили отразиться на социальных, политических и промышленных интересах народа и должны были неминуемо принести к экономическому перевороту.

Свободная конкуренция в делах превратилась в фикцию. Личная инициатива в промышленности стала привилегией кучки крупных капиталистов. Раньше Америка была известна во всем мире как страна случайностей и неожиданных удач; в течение одного поколения она превратилась в страну монополий. Человека в силу этого стали ценить не соответственно тому, чем он был, а в зависимости от того, сколько он имел. Способности и трудолюбие в связи с образованием могли еще доставить их обладателю место старшего приказчика на службе у капитала, но они не в состоянии были обеспечить ему самостоятельную карьеру.

Экономическая жизнь регулировалась волей небольшой кучки крупных капиталистов, и это повело к соответствующей концентрации всех функций производства и распределения

богатств. Единичные крупные фирмы, черпавшие свою силу в своих богатствах, захватили и монополизировали на поле промышленности и торговли все те тракты, которые раньше были заняты многочисленными мелкими предпринимателями. И в неравной борьбе гибли, как мухи, сотни и тысячи мелких фирм. Прежние самостоятельные собственники были теперь счастливы, если могли получить в качестве прислужников какую-нибудь должность у тех, которые их вытеснили. Мы видим, как в течение 70-х и 80-х годов не проходит ни одной недели, даже ни одного дня, чтобы какая-нибудь новая экономическая область, какая-нибудь новая промышленная или торговая отрасль, в которой раньше каждый мог пробовать свое счастье, не завоевывалась капиталом и не обращалась в укрепленный лагерь монополии. Были придуманы новые слова «синдикат» и «трест» для обозначения чудовищных экономических наростов, для которых прежний коммерческий язык не имел названия.

Из двух огромных классов трудящихся трудно сказать, кто больше пострадал от совершившейся социальной перемены: класс ли наемных рабочих или фермеры. Старые и простые сердечные отношения между хозяином и служащими исчезли навсегда. Места хозяев заняли огромные скопления капиталов, бездушные чудовища, для которых рабочий существовал не как личность, а как воплощение известного количества силы. Рабочий отныне был приставлен к машине и сделался ее придатком, на который управляющий смотрел как на неизбежное зло, с которым, к несчастью, нужно мириться — конечно, при возможно меньших затратах — до тех пор, пока не будет изобретен способ без ущерба обойтись без него. Точно таким же образом, благодаря капитализации сельского хозяйства и концентрации его в руках немногих, были подорваны и изуродованы экономические интересы и функции фермера. Железная дорога и хлебный рынок стали поглощать всю прежнюю прибыль сельского хозяйства, оставляя фермеру в случае хорошего урожая плату наемного поденщика, в случае же неурожая — долг под закладную; ко всему этому нужно еще прибавить риск капиталиста, состояние которого вложено в ферму. Этот риск, впрочем, как и можно было ожидать, мало беспокоил фермера, так как для того, чтобы существовать, у него было одно только средство: с каждым годом все больше и больше влезать в долги, без малейшей надежды уплатит их когда-либо. Результатом этой задолженности было изгнание фермера с его земли, лишение его того гордого и самостоятельного положения, которым некогда пользовался

американский фермер, и постепенный переход его сначала на положение арендатора, а потом батрака. Между 1873 и 1896 годами историки насчитывают 6 различных промышленных кризисов. Промежутки между ними были так кратковременны, что большая часть этого периода, можно сказать, представляла собой один сплошной кризис. Правда, подобного рода кризисы с самыми пагубными последствиями случались часто и в раннем, и в среднем периодах Республики, но в те эпохи торговая система была доступна воздействию народной инициативы и поэтому была еще настолько устойчива и эластична, что за крахами всегда следовали периоды расцвета промышленности. Со временем и эта эластичность промышленного механизма исчезла, так как исчезли причины, поддерживавшие ее. После кризисов 70-х, 80-х и 90-х годов или вовсе не наступали, или наступали весьма слабые реакции: цены на продукты и заработная плата беспрерывно падали, а вместе с ними падало также благосостояние и довольство фермеров и всего народа.

Самым лучшим доказательством постепенного упадка благосостояния рабочего и сельскохозяйственного классов населения служит то, что иностранная иммиграция за этот период резко понизилась как в качественном, так и в количественном отношении. Наплыв европейских эмигрантов в Соединенные Штаты, на которые в начале Республики бедняки смотрели как на обетованную землю, был очень велик, и к нам притекали лучшие силы Старого Света. Но вскоре после войны характер иммиграции изменился, и в течение 80-х и 90-х годов в Соединенные Штаты начинают эмигрировать представители самых жалких, несчастных и невежественных рас Европы, одни лишь подонки материка. И даже для привлечения этой грязной накипи трансатлантическим компаниям и американским синдикатам приходилось посылать своих агентов во все европейские трущобы и пускать в ход самые лживые рекламы. Дело дошло до того, что ни один европейский рабочий или фермер, если он только не был в положении нищего или ссыльного, не хотел делить участь своего американского собрата, который еще так недавно служил предметом зависти для рабочих всего мира.

В то время как политики, особенно во время выборов, стараясь всеми силами приобрести симпатии рабочего класса, не скупились на обещания, серьезные политико-экономические писатели этой эпохи откровенно признавали, что безвозвратно прошло то время, когда американский рабочий пользовался материальными преимуществами пред рабочими всех остальных

стран, что отныне тенденции американской промышленности будут направлены к тому, чтобы цены на продукты и заработная плата достигли того же уровня, к которому стремятся все страны, то есть уровня, на котором они находятся в экономически наиболее отсталых странах. Предсказания эти сбылись: об этом свидетельствует тот факт, что в начале 90-х годов американский работодатель, благодаря уменьшению затрат на производство, главный элемент которых составляла заработная плата, был в состоянии победоносно конкурировать на иностранных рынках с капиталистами, рабами которых были английские, бельгийские, французские и немецкие рабочие.

В то время как на почве экономических бедствий, переживаемых народными массами, возникают промышленные войны, и прежде самая мирная и довольная часть населения, земледельческие классы, постепенно революционизируется, в это же время завершается процесс сосредоточения баснословных богатств в руках единичных лиц. Фигура миллионера, совершенно незнакомая обществу в эпоху, предшествовавшую войне, выдвинулась и стала играть крупную роль в начале 70-х годов, но уже вскоре ее затмила более импозантная фигура обладателя сотен миллионов, а затем на арену выступила новая раса денежных титанов, раса миллиардеров. Параллель напрашивалась сама собой, и рабочим массам нетрудно было понять, куда исчезают все богатства, которые теряет народ. Десятки тысяч мелких состояний исчезали для того, чтобы проявиться в виде ничтожнейшей части огромного богатства, сосредоточенного в одних руках. Стало очевидно, что эти огромные скопления богатств подобны паукам, которые тем больше полнеют, чем больше соков они высасывают из своих жертв, тем быстрее растут, чем скорее происходит обнищание народа. Такое коренное нарушение существовавшего прежде экономического равновесия должно было роковым образом привести к Революции. До войны в Америке можно было скопить более или менее значительное состояние только путем долгого труда; богатства, накопленные таким образом, не отличались ни устойчивостью, ни большими размерами. По этому поводу существовала в то время известная поговорка, гласившая, что одну рабочую блузу от другой отделяют только три поколения. Смысл этой поговорки заключался в том, что если человек успевал нажить состояние, сын обыкновенно его растративал, так что внук должен был снова сделаться рабочим. При таких условиях экономические

различия между отдельными членами общества были незначительны и непостоянны и давали очень мало поводов для классовых разграничений. И действительно, в то время не существовало еще строгого разделения на классы, не было ни рабочего класса в противоположность классу рантье, ни класса богатых, противопоставляемых бедным. Богатство или бедность, обязанность работать или возможность пользоваться досугом были только временными, случайными условиями существования, а отнюдь не постоянными.

Теперь все это изменилось. Огромные богатства, выросшие при новом порядке вещей, стали прочными приобретениями: их трудно было растратить, и они передавались из поколения в поколение с такой аккуратностью, как дворянские титулы. С другой стороны, переход всех более или менее значительных экономических предприятий в стране в монопольное владение крупных капиталистов совершенно преградил некапиталистам доступ к богатствам.

Надежда сделаться когда-либо богатым, которую до сих пор питал каждый энергичный американец, стала теперь несбыточной мечтой для того, кто родился бедным. Отныне между бедным и богатым выросла пропасть. Надежда на обогащение, которая служила клапаном, предохранявшим общество от социальной катастрофы, исчезла; ворота в обетованное царство закрылись, и проникнуть туда мог лишь тот, кто имел за спиной мешок с деньгами. Эта резкая перемена в социальных отношениях отразилась и на американском языке. Он заимствует у Старого Света его классовую терминологию. Раньше американцы не без гордости говорили, что в их стране каждый — рабочий; теперь же этим термином стали пользоваться для отличия между бедным и состоятельным человеком. Впервые входят в обращение термины: высший, средний и низший классы — термины, которые до войны были лишены всякого значения, но теперь они до того соответствовали действительности, что их употребляли даже те, кто их ненавидел.

Чудовищная, показная роскошь, которая была неизвестна даже Европе, — вот черта, характеризующая новых обладателей беспримерных богатств. Эта сказочная роскошь, царское великолепие и безграничная расточительность были наглым вызовом возмущенному чувству народа и все глубже открывали зиявшую пропасть между владыками мира и поработанными массами.

В то же время денежные короли нисколько не скрывали своего глубокого убеждения, что время демократии прошло и что народ должен расстаться с мечтами о равенстве. На озлобление народа капиталисты отвечали откровенной ненавистью к его демократическим учреждениям. Стоявшие во главе американских миллионеров старались играть видную роль среди космополитической знати, они проводили большую часть своего времени и тратили огромные состояния в европейских странах, воспитывали там своих детей и часто настолько оказывали предпочтение Старому Свету, что принимали даже иностранное гражданство. Стремление американских крупных капиталистов порвать всякие связи с демократией и приобщиться к европейским монархическим учреждениям нашло себе своеобразное выражение в огромном количестве браков, которые в течение этого периода заключались между американскими наследницами и иностранными титулованными особами. По-видимому, подобный союз являлся самой желанной участью в глазах дочерей миллиардеров. И так как последние были очень осторожны в денежных делах, то тот факт, что они тратили огромные суммы денег на приобретение титулов для своего потомства, служит неоспоримым доказательством их искреннего убеждения в том, что мир в будущем, подобно тому как это было в прошлом, должен принадлежать не народу, а привилегированным классам. Денежный класс под благовидным прикрытием «торговых интересов», которые в действительности предоставляли собою только интересы богатых, оказывал огромное влияние на политические дела, и это влияние нередко приводило к крупным замешательствам. По мере того как богатства накапливались в стране и все больше сосредоточивались в руках немногочисленной группы, влияние капитала на дела управления страной все больше росло, и можно сказать, что в 70-х, 80-х и 90-х годах капитал был облечен диктаторской властью. Для того чтобы номинальные народные представители не могли оказывать сопротивления домогательствам капитала, капиталисты во всех правительственных местах всегда имели своих агентов. Эти агенты очень зорко следили за образом действия официальных должностных лиц, и, если они замечали со стороны кого-либо из последних малейшее колебание в преданности интересам капиталистов, они пускали в ход все средства, не гнушаясь ни угрозой, ни подкупом, для того, чтобы достигнуть намеченной цели. Подобные агенты пользовались известным полуофициальным положением в политической си-

стеме и носили характерное название «лоббистов»¹. В истории американского правительства вряд ли можно найти главу более позорную, чем та, которая повествует, как законодательные учреждения того времени, городские, отдельных штатов и общегосударственные, при содействии исполнительной и судебной властей соперничали друг с другом в раздаче земли, привилегий, концессий и разных монополий и как они, таким образом, с течением времени обратили всю страну и народ, населявший ее, и богатства, заключенные в ней, в неотъемлемую вотчину капиталистов, их наследников и ставленников. Общественные земли, которые несколько десятков лет тому назад рассматривались как неотчуждаемое наследие будущих поколений, теперь перешли в руки синдикатов или отдельных капиталистов и являлись прямой угрозой интересам народа, так как служили прочным базисом для возрождения земельной аристократии и новых форм крепостничества. Не только вся земля находилась в руках небольшой кучки людей, но и в сфере промышленности и торговли, благодаря монополиям и концессиям, доступ к какому-либо занятию или должности был открыт лишь для тех, которые верноподданнически признали над собою власть или отдались под покровительство наследственного класса капиталистов. Исторические хроники изобилуют мрачными рассказами о злоупотреблениях царской власти, о том, как пьяные и полоумные монархи продавали в рабство свой народ, как они разоряли свои царства, окружая безумной роскошью и осыпая подарками своих развратных фавориток, но самые темные деяния этих людей бледнеют пред тем, что совершило так называемое демократическое государство, когда оно в лице своих местных и центральных правительственных органов в описываемую нами эпоху продавало с аукциона все достояние и надежды американского народа.

Для плутократии содействие правительства ввиду озлобления рабочих масс являлось вопросом жизни. Рабочие стачки принимали часто такой оборот, что полиция была бессильна их прекратить, и капиталисты в случаях, когда стачки принимали слишком серьезный характер, обращались к местному или центральному правительству с просьбой о присылке войск для охраны их жизни и имущества. Таким образом главные функции американской милиции заключались в то время в подавлении

¹ Lobby (англ.) — передняя, фойе, кулуары; lobbyist (англ.) — шатающийся по передним.

стачек посредством пуль или штыков и в охране собственности богачей до тех пор, пока голод не заставлял возмущившихся рабочих признать себя побежденными.

Действительно, начиная с 80-х годов правительства штатов все последовательнее и настойчивее проводят подобную политику по отношению к милиции. Национальная гвардия обрратилась в капиталистическую гвардию. Военные силы были реорганизованы, увеличены в количестве, усовершенствованы в смысле дисциплины и специально тренированы в искусстве расстреливания бунтующих рабочих. Упражнения в стрельбе на улице — черта, совершенно новая в системе обучения американской милиции и не предвещавшая ничего хорошего, — считались самым важным элементом воинского воспитания. На стратегических пунктах в больших городах были воздвигнуты каменные бойницы с отверстиями для орудий и пулеметами для обстреливания улиц во время вооруженных восстаний. Бывали примеры, когда милиционеры, которые составляли кость от кости народа, отказывались стрелять в стачечников и проявляли явное сочувствие их страданиям, так что капиталисты имели основание не доверять им и в серьезных случаях предпочитали обращаться к беспощадным профессиональным солдатам, состоявшим на службе у центрального правительства в качестве регулярной армии.

Правительство по просьбе капиталистов устраивало близ больших городов укрепленные лагеря и содержало в них сильные гарнизоны. К тому времени кончились войны с индейцами, и войска, которые раньше держали на западных равнинах для защиты белых от индейцев, были теперь отозваны на восток для защиты капиталистов от тех же белых. Вот к чему привела эволюция частного капитализма.

Насколько капиталистам дана была возможность широко пользоваться правительственной армией при возникновении рабочих волнений, можно судить по тому факту, что в начале 90-х годов в одном Нью-Йорке и Пенсильвании стояла в боевой готовности армия в 8—10 тысяч человек, специально назначенная для подавления стачек. В 1892 году боевая армия, выставляемая против стачечников и состоявшая из милиции пяти штатов и регулярных войск, была, по всей вероятности, больше той, которой когда-либо командовал генерал Вашингтон.

Впрочем, ведь и это тоже была гражданская война!

Американцы прежних времен с презрением относились к европейским монархиям, опиравшимся на штыки, и вполне

справедливо говорили, что то правительство, которое нуждается в защите против своего же собственного народа, само изрекает себе приговор. А между тем к такому положению вещей быстрыми шагами приближалась промышленная система Соединенных Штатов.

Мы дали, не останавливаясь на деталях, краткий очерк тех изменений, которые произошли в условиях жизни американского народа вследствие концентрации капиталов в стране; эти изменения, как мы указали, к концу Гражданской войны впервые стали внушать серьезные опасения. Можно сказать, что в то время, как армия Севера вела победоносную войну с внешним врагом, на родине незаметно вырастали враждебные народы силы, неуловимые и тем более опасные. В то время, как она свержала на Юге кастовое разделение, основанное на расовых отличиях, на Севере водворялось классовое разделение, основанное на богатстве, с одинаковой силой распространявшееся на Севере и на Юге. В то время как народ проливал потоки крови и напрягал в борьбе все свои силы, чтобы сохранить политическое единство страны, его социальное единство, на котором зиждется жизнь всякой республики, стало подрываться проявившимися классовыми различиями, которые должны были привести к расщеплению некогда прочно спаянной нации на отдельные, враждующие между собой и подозрительно относившиеся друг к другу группы граждан. Нужна была железная власть деспотизма для того, чтобы удерживать эти разрозненные группы в одной политической организации.

Правда, четыре миллиона негров получили свободу, но в это самое время целая нация белых подпала под ярмо социального и экономического рабства; хотя последнее было общей участью европейских народов и всего Древнего мира, но основатели Американской республики горячо верили в то, что их потомки никогда не подчинятся этому игу».

Доктор кончил чтение и отложил книгу.

— Юлиан, — сказал он, — вся эта история порабощения американского народа плутократией — чрезвычайно странная история. Вы были свидетелем того положения вещей, которое здесь описывается, и можете судить, верно ли переданы факты.

— Автор ничего не искажает, — ответил я, — наоборот: я бы мог подумать, что вы все эти сведения почерпнули из газет того времени. Все факты и симптомы как политические, так и социально-экономические, на которые ссылается автор, были в наше время известны всем и служили предметом публичных

приятий. Если же они в свое время не производили на меня того впечатления, которое они производят теперь, то это потому лишь, что они никогда не были так сгруппированы и надлежащим образом освещены.

По просьбе доктора Юдифь принесла из библиотеки еще одну книгу. Доктор стал перелистывать страницы, не находя того места, которое ему нужно было.

— Для того чтобы вы не подумали, что описание экономического положения Соединенных Штатов в последней трети XIX столетия, сделанное Сториотом, страдает риторической фразеологией, я приведу вам некоторые сухие статистические данные, касающиеся вопроса о распределении собственности в ту эпоху. Эти цифры покажут вам, каких размеров достигла концентрация имуществ. Вот этот том заключает в себе сведения, собранные на основании анализа имущественного ценза, судебных актов и тому подобных официальных документов. Я предложу вашему вниманию тройного рода вычисления, сделанные различными, весьма компетентными учеными. Несмотря на то что эти ученые, из которых каждый — авторитет в своей области, пользовались разными методами, результаты, к которым они пришли, согласны между собою с такой поразительной точностью, что, принимая во внимание обширность материалов, мы не должны питать никаких сомнений относительно верности их заключений.

Из первого ряда таблиц, которые были составлены в 1893 году для официального отчета, мы узнаем, что из 62 биллионов, составлявших богатство всей страны, 12 биллионов, то есть $\frac{1}{5}$ всего народного состояния, находились в руках небольшой группы миллионеров и архимиллионеров, составлявших 0,03 % всего населения. Из остальной суммы богатств 33 биллиона составляли собственность богатых и зажиточных классов, которые в общей совокупности составляли едва ли 9 % всего населения. Другими словами, из 62 биллионов, составлявших всю сумму народных богатств, 45 биллионов принадлежали миллионерам, богатым и состоятельным классам, составлявшим в общем только 9 % всего населения. Следовательно, на долю всей остальной массы населения, 91 % всего народа, на долю тех, которых ваша классификация относил к классу бедняков, но которые составляли опору и фундамент государства, приходилось всего 17 биллионов.

Другая таблица цифр, обнародованная в 1894 году и составленная на основании отчетов управляющих имений в большом

штате Нью-Йорке, показывает, что $\frac{1}{100}$ часть всего народа обладала собственностью, составлявшей 55 %, т. е. более половины, всего народного общества. Дальнейшие числа этой таблицы показывают, что другая группа населения, так называемые зажиточные классы, составлявшие 11 % населения, обладали собственностью свыше 32 % всего богатства, так что 12 % населения, богачи и зажиточные классы, монополизировали 87 % всех богатств страны, оставив на долю всей массы народа — 88 % всего населения — лишь 13 % народного имущества. Эти 88 % населения, в свою очередь, подразделялись на два класса: на малосостоятельных и нищих, из которых последние, составлявшие 50 %, то есть половину всего народа, не имели никакой собственности и еле перебивались изо дня в день, с величайшим трудом добывая себе насущный хлеб.

Данные 3-й таблицы, которые я приведу, хотя относятся к другой дате, но удивительно согласуются с предыдущими вычислениями. Эта таблица была обнародована в 1889 и 1891 годах и, подобно другим, произвела в свое время очень сильное впечатление. Народ в ней, как видите, подразделяется на три класса: класс богатых людей, средний класс и рабочий класс. Согласно приводимым в этой таблице цифровым данным, на долю богачей, составлявших 1,4 % населения, приходилось 70 % богатства всей страны, на долю среднего класса, составлявшего 9,2 % населения, приходилось 12 % всего народного богатства, так что богачи и средний класс, составлявшие вместе 10,6 % населения, обладали 82 % всего народного состояния, оставляя на долю рабочих, составлявших 89,4 % всего населения, всего лишь 18 % народного состояния.

— Доктор, — воскликнул я, — я отлично знал, что распределение богатств в наше время было далеко не равномерное, но цифры, которые вы привели, заставляют меня совершенно иными глазами смотреть на прошлое. Вам нет нужды подыскивать для меня объяснение, почему народ восстал против капиталистического строя. Эти цифры могли бы и камни превратить в революционеров.

— Я был уверен, — сказал доктор, — что вы это скажете. Имейте в виду еще то, что эти ужасающие цифры иллюстрируют процесс развития частной собственности в течение одного только поколения.

У американцев существовала поговорка: «Если испытаниям подвергается зеленое молодое дерево, то сколько страданий предстоит вынести старому высохшему дереву». Применяя эту

поговорку к вашему строю, можно задаться следующим вопросом: если частный капитализм мог в течение каких-нибудь 30 лет довести страну, где раньше господствовала нигде не бывавшая степень экономического равенства, до полного обнищания; если при господстве этой системы в течение короткого периода один малочисленный класс населения мог экспроприровать в свою пользу все народное имущество, то что стало бы с нацией по истечении столетия? Что досталось бы в наследство следующему поколению?

ГЛАВА XXXV

ПОЧЕМУ РЕВОЛЮЦИЯ ТАК МЕДЛЕННО ПОДГОТОВЛЯЛАСЬ И ТАК БЫСТРО РАЗВИЛАСЬ

Таковы в общих чертах причины Революции в Америке. Основная причина, как мы видели, заключалась в просвещении масс, в неудержимом стремлении их к равенству. Непосредственные местные причины, свойственные одной только Америке, определили время наступления Революции в этой стране и придали движению специфические черты. А теперь несколько слов о самом характере Революции.

Первым стал терпеть материальную нужду, явившуюся результатом концентрации богатств, тот класс, который обладал наименьшими средствами, т. е. класс наемных рабочих, и можно сказать, что восстание последних послужило сигналом к общей Революции. В 1869 году был основан первый Союз Труда с целью борьбы с капиталом. До Гражданской войны число стачек было так незначительно, что их можно было сосчитать по пальцам. Но уже в течение 60-х годов они насчитывались сотнями, в 70-х годах их было тысячи, а за период 80-х годов, согласно отчетам департамента труда, было до 10 000 стачек, в которых приняли участие около 2–3 миллионов рабочих.

Многие из этих стачек распространялись на весь континент, вызывали всеобщую панику и приводили в расстройство весь торговый механизм.

Вслед за рабочими восстали фермеры, и хотя возмущение последних не носило такого бурного характера, но по результату оно было еще более серьезно. Протест фермеров проявился в образовании множества тайных союзных организаций и открытых политических партий, ставивших себе целью сверже-

ние власти капитала. Уже в 70-х годах эти организации были бельмом на глазу у политиканов, впоследствии же они стали главным ядром революционной партии. Мыслящая часть вашего поколения под влиянием этих знамений и предвестников не без тревоги смотрела вперед.

Публичные прения и литература того времени обнаруживают очень ярко, какое сильное впечатление производила на всех серьезных людей небывалые дотоле манифестации народного недовольства.

В торжественный день 4 июля не раздавалось больше хвалебных и напыщенных гимнов в честь Республики.

Все были согласны, что республиканская форма правления далеко не оправдала тех надежд, которые на нее возлагали, наоборот, стало ясно, что эта форма правления бессильна отвратить от Нового Света то зло, которое свило себе гнездо в Старом, — зло кастовых и классовых разграничений, которым, казалось, не должно было быть места в республиканской атмосфере. Все сознавали, что старый порядок принимает зловеющие формы, и что Республике и всему тому, что она призвана отстаивать, грозит опасность. И все в один голос восклицали, что так дальше продолжаться не может, что нужно немедленно принять меры, чтобы предотвратить грозящие бедствия. Слово «реформа» было на устах у каждого. Оно сделалось лозунгом, искренним или показным, каждой партии. Но, быть может, совершенно излишне повторять все это вам, Юлиан, так как ведь вы сами были очевидцем того, что происходило до 1887 года.

— Все было действительно так, как вы описываете: и экономическая война, и политический хаос, и всеобщее сознание, что в стране создано ложное положение, и единодушное требование реформы. Но, как я уже раньше заметил, хотя агитация в стране приняла весьма серьезный характер, однако она казалась до того бесцельной и лишенной какой-либо системы, что никто и не думал видеть в ней симптом надвигающейся революции. Все, конечно, были согласны в том, что страна болеет каким-то недугом, но едва ли можно было бы найти во всей стране двух людей, которые были бы одинакового мнения о характере этого недуга и способе его лечения.

— Совершенно верно, — сказал доктор. — Наши историки делят всю революционную эпоху — с конца войны или начала 70-х годов, до водворения нового порядка вещей, т. е. до начала XX века — на два периода: 1) так называемый *бессвязный* период и 2) *рациональный*. Первый период, о котором мы сейчас

говорили, который имеет в виду и Сториот в прочитанных нами главах, это — тот период, который вам, как его современнику, так хорошо известен. Мы видели, и вы знаете это лучше, чем кто-либо другой, что это было время террора и всеобщего смятения, время бесцельной и бессистемной агитации, самых противоречивых лозунгов и стремлений, словом, повторилось Вавилонское столпотворение. Народ как бы ошущью и в потемках отражал удары капитализма, не отдавая себе даже ясного отчета, с кем он ведет борьбу. Трудящиеся классы, как наемные работники, так и фермеры, не имели верного представления ни о характере и положении вещей, ни о тех роковых силах, жертвами которых они стали. Фабричные рабочие верили, что стоит им только организовать вместе с ремесленниками, и они доведут заработную плату до желательного для них уровня, на котором ее можно будет удержать навсегда. Они, словно дети, не понимали, что система прибыли парализовала потребительные силы страны и держала их всегда ниже уровня производительных сил, благодаря чему создавалось и постоянно поддерживалось чрезмерное переполнение рынка как продуктами, так и рабочими руками. Они не понимали, что ничто в условиях их существования не может измениться до тех пор, пока будет господствовать эта система с ее неизбежной тенденцией держать заработную плату на уровне, едва достаточном для удовлетворения необходимых потребностей. Но до тех пор, пока рабочие этого не понимали и тратили свои силы в стачках, на бесплодную борьбу с отдельными капиталистами, которая не могла привести к разрушению всей системы, до тех пор Революция еще не назрела и капиталисты не имели никаких оснований беспокоиться.

Что касается фермеров, то, не будучи наемными рабочими, они не принимали никакого участия в тех планах и мерах, которые имели, главным образом, в виду интересы наемных рабочих, но, подобно последним, тратили свои силы на мелкую бесплодную борьбу за интересы своего класса, борьбу, в которой, в свою очередь, не принимали участия наемные рабочие. Фермеры, как мелкие капиталисты, добивались главным образом поддержки правительства в их борьбе с крупными капиталистами, в руках которых были и пути сообщения, и рынки для сбыта. Как будто вмешательство государства, даже самое энергичное, если оно оставляло нетронутыми прежние социальные устои, могло бы приостановить или изменить роковой ход капиталистической эволюции, приводивший к вытеснению крупными

капиталистами мелких предпринимателей! Но фермеры были убеждены в том, что все их бедствия происходят вследствие дурных финансовых законов, благодаря которым деньги стали редки и дороги. И вот все силы они направили к тому, чтобы добиться отмены дурных законодательных мер и увеличения количества находившихся в обращении денег. В этих реформах, которые должны были повлечь за собою понижение процентов на долги и увеличение цен на сельские продукты, фермеры видели для себя единственное средство спасения.

Безусловно, и металлические деньги, и чеканка монеты, и вся финансовая система служили в руках капиталистов предметом злоупотреблений, которые, главным образом, клонились к тому, чтобы сосредоточить все богатства страны в руках одного класса, но злоупотребления в данной области ничем не выдавались над злоупотреблениями тех же капиталистов в других областях экономической системы. Все плутовские манипуляции со звонкой монетой только ускорили экспроприацию народа, которая произошла бы сама собою, при содействии одних так называемых законных средств: ренты, процентов и прибыли. В сущности, чтобы достигнуть конечной цели своих стремлений, захвата народных богатств, капиталистам не было никакой надобности прибегать к разным маневрам со звонкой монетой; им надобно было только запастись некоторым терпением и довольствоваться медленным пожиранием народной земли и продуктов народного труда: этого пожирания никто и ничто не в состоянии были предотвратить, и никакая монетная система не могла ему помешать. Золотые ли монеты или серебряные, бумажные ли, плохие или хорошие деньги, дорогие или дешевые — все формы денежных знаков одинаково служили целям капиталистов и в этом отношении отличались друг от друга только в деталях, в зависимости от разных условий. Для того чтобы убедиться в том, насколько нелепо было приписывать бедствия своего класса, как и всего народа, тому или другому парламентскому акту, американский фермер должен был только дать себе труд изучить положение земледельческих классов у других народов, которое было еще хуже, чем его собственное, несмотря на то, что оно чаще всего не находилось ни в какой зависимости от той или другой монетной системы.

В самом деле, было ли что-либо новое и особенное в самом факте систематического обнищания земледельческих классов в Америке, что должно было заставить фермера искать объяснения этого явления в специфических условиях американской

действительности? Разве американского фермера не постигла общая участь земледельцев во все века и у всех народов? Очевидно, объяснения злосчастного удела хлебопашца надо было искать не в какой-либо частной причине или в местных условиях, а в причине общей и постоянно действовавшей. Эта общая и постоянно действовавшая причина во все века и у всех рас заключалась в непреодолимой тенденции капиталистического класса высасывать при посредстве процентов, прибыли и ренты из трудящегося народа все его соки, доводя его до полного порабощения как в экономическом, так и в социальном и политическом отношениях. При этом среди всех классов населения в наиболее приниженном положении всегда оказывались хлебопашцы. Благодаря природным богатствам своей девственной и малонаселенной страны американское население, включая и фермеров, могло на время избежать последствий отмеченного универсального закона, но раньше или позже горькая доля не могла миновать и американского фермера; чтобы спасти его и освободить весь народ от тяготевшего над ним многообразного гнета, оставалось одно только средство: вырвать с корнем всю экономическую систему и таким путем навсегда избавиться от всех ее пагубных последствий.

История сохранила память о тех средствах, которые предлагались народу многочисленными реформаторами как верные панацеи от всех зол. Реформаторов являлось немало, начиная с тех, которые вели ожесточенную борьбу со спиртными напитками, так как в употреблении последних они видели главную причину всех бед (между прочим, положение западных фермеров, членов общества трезвости, было далеко не завидное), и кончая теми, которые приписывали страдания народа гневу Бога, наказывавшего американцев за то, что в конституции не было формального признания Святой Троицы.

Конечно, все эти реформаторы были весьма эксцентричные личности, но приходится признать, что даже те, которые видели корень зла в концентрации богатств в руках немногих, не понимали, что эта концентрация является одним из элементов естественной эволюции частного капитализма и что устранить ее возможно, лишь устранив причину, ее породившую.

Как и следовало ожидать, теоретическая и практическая несостоятельность тех методов борьбы, которые, с одной стороны, применяли наемные рабочие и фермеры, а с другой стороны, серьезно проповедовали разные реформаторы в течение первого периода Революции, не замедлила обнаружиться.

Грандиозные рабочие союзы, которые возникли как результат сознанный всем пролетариатом необходимости объединиться для борьбы с растущей концентрацией капиталов, — эти союзы после 25-летней борьбы доказали все свое бессилие в деле поддержания, не говоря уж улучшения, на прежнем уровне условий жизни трудящихся. За этот период упоминается о 10 или 15 тысячах стачек, локаутов, но общий результат этой упорной междоусобной войны был таков, что даже самого тупоумного рабочего он мог убедить в невозможности добиться какого-либо значительного улучшения путем классовой борьбы и классовой организации. Этот путь действительно не только не мог привести к завоеванию новых прав, но он не в состоянии был гарантировать рабочим и старые. И после беспримерных страданий и героической борьбы положение рабочего класса не только не улучшилось, но даже ухудшилось. Равным образом и фермеры, бывшие в такой же неволе, как и рабочие, не могли сокрушить денежной силы: их лиги, хотя и располагали на выборах миллионами голосов, еще менее в состоянии были помочь своим членам, чем рабочие организации. Даже тогда, когда казалось, что эти союзы действовали с успехом, когда им удавалось в том или другом штате овладеть политической властью, — даже в таких случаях могущество капитала было так велико, что оно тысячами незаметных путей сводило к нулю все их успехи и делало призрачными все их победы, которые были подобны содомским яблокам, превращавшимся в прах в руках того, кто их срывал. В самом деле, какой практический результат получался от всех этих бесконечных, ожесточенных и мучительных споров о том, что нужно делать, которые не прекращались в течение целых 25 лет?

Решительно никакой. Если и были введены какие-либо ничтожные реформы, то в общем-то зло, против которого были направлены эти реформы, еще более усилилось.

Внешние материальные признаки указывали как бы на то, что борьба становится для народа все безнадежнее, что трудящиеся классы медленно, но неуклонно приближаются к гибели, и казалось, что американские миллионеры, тратившие огромные средства на покупку дворянских титулов для своего потомства, были мудрейшими в своем поколении.

Трудно, однако, представить себе всю ошибочность подобного заключения. Именно в течение этого периода непрерывных блужданий и злополучных ошибок революционное движение, задавшееся целью освободить народ от гнета капитала,

сделало такие огромные успехи, что ни один разумный человек не мог больше сомневаться в его полном торжестве.

— В чем же выражались эти успехи? — спросил я. — Я вас не совсем понимаю.

— Я имею в виду нарастание среди народных масс революционного настроения, — ответил доктор. — Идея о неизбежности и необходимости коренного переустройства всей экономической системы, от вершины до самого основания, постепенно назревала и овладевала умами. Не забудьте, что великие революции, которые призваны переродить общественный строй, раньше, чем вспыхнуть, должны накопить в себе огромную нравственную силу, огромный, так сказать, моральный вес для своего оправдания. Те процессы, которые способствуют накоплению импульсов, не так заметны, как события последующего периода, когда Революция, став непосредственной силой, подобно вихрю, легко сметает с своего пути все препятствия, которые до сих пор сдерживали ее напор и тем еще больше усиливали и закаляли ее разрушительные способности. Но для того, кто изучает историю, этот период накопления импульсов представляется особенно интересным и поучительным.

Очевидно, что американский народ раньше, чем предпринять такое великое дело, как замена старой системы частного капитализма новой системой общественного капитализма, должен был убедиться не только теоретически, но и на практике, путем горького и тяжелого опыта на многочисленных «предметных» уроках жизни, что временные средства и полумеры бессильны и необходимо радикальное искоренение зла. Этот долгий опыт не мог не убедить народ в том, что частный капитализм в своем развитии дошел до того пункта, когда никакая сила не могла уже остановить его дальнейшего роста, если сразу не покончить с ним. И этот мучительный, но необходимый опыт народ приобретал в первые десятилетия своей революционной борьбы. С этой точки зрения многочисленные поражения, крушение надежд, разочарования, которые массы испытывали при каждом своем усилии обуздать власть денег в течение 70-х, 80-х и 90-х годов, больше содействовали конечному торжеству народа, чем это могли бы сделать самые блестящие победы. Все эти испытания были необходимы для того, чтобы Революция стала возможной. Было необходимо, чтоб классовая тирания, носившая название частного капитализма, переполнила чашу народных страданий, проявила всю присущую ей жестокость и стала символом всего, что враждебно демократии, жизни, свободе и

счастью человечества; все это было необходимо для того, чтобы придать большую силу грядущему восстанию и обеспечить возможность коренного переворота. Те революции, которые преждевременно рождаются, преждевременно и умирают, а благо человечества требовало, чтобы эта Революция на своем пути не задерживалась и не прекращалась до тех пор, пока не останется ни малейшего следа той экономической системы, которая давала возможность одним людям держать в кабале других. Все вело к одной великой цели: всякое притеснение, всякое проявление бессовестного хищничества, злоупотребления и продажность со стороны законодательной, исполнительной и судебной власти, каждая слеза, пролитая патриотом, оскорбленным в своих национальных чувствах, каждый удар полисменской дубинки или солдатского штыка — все одинаково подымало волну народного негодования и ускоряло наступление Революции. Только неудачи, разочарования и поражения ранних реформаторов могли так наглядно убедить народ в необходимости нанести решительный удар всей экономической системе, поразить ее в самое сердце вместо того, чтобы бороться с ее частными проявлениями.

Начало второго периода революционного движения, который мы называем связным или рациональным фазисом, мы относим к тому времени, когда у значительной части народа явилось верное представление об истинном характере результата той борьбы, которая возгорелась между принципом неотъемлемых прав человека, с одной стороны, и безответственной властью, воплощенной в частнокапиталистической системе, — с другой; когда люди с достаточной силой прониклись сознанием, что победа народа в этой борьбе должна ознаменоваться введением новой экономической системы производства и распределения богатств на началах общественного контроля, в противоположность принципу произвола, который господствовал в старой экономической системе.

— Не можете ли вы точнее определить время, когда, по вашему мнению, произошел этот переход от бессвязного периода к логическому?

— Не надо, конечно, представлять себе, что произошла внезапная перемена во всем характере движения; дело идет о новой эре только в смысле зарождения новых взглядов и новых веяний. Расплывчатость, бессвязность и близорукость — черты, которыми первоначально отличалось движение, — долго мешали распространению рациональных взглядов и идеалов,

но с начала 90-х годов происходит разумный поворот в революционном движении, и оно из бесформенного возмущения против невыносимых условий существования превращается в сознательный и логический процесс, приведший к торжеству современного строя.

— К сожалению, в это время меня уж не было.

— Да, — сказал доктор, — если бы вы уснули одним или двумя годами позже, вас не поразили бы ни наша промышленная система, ни, в частности, принцип экономического равенства, составляющий ее основу и конечную цель, так как через каких-нибудь два года после вашей мнимой смерти вся Америка от края до края заговорила о возможности социального переворота. Конечно, — продолжал доктор, — идея об интегральной экономической системе, которая направляет усилия каждого индивидуума на благо всех членов общества, эта идея, лежащая в основе современного строя, так же стара, как и философское мышление. Мы встречаем ее в виде теории уже у Платона, и, без сомнения, она была известна и более отдаленному времени, так как сама по себе эта мысль весьма простая и ясная. И тем не менее только тогда, когда, благодаря распространению образования, стало возможным народное правительство, общество созрело для осуществления новых общественных форм. До тех пор эта мысль, подобно блуждающей душе, ищущей своей телесной оболочки, оставалась вне социального воплощения. Эгоистичные правители смотрели на массы как на орудие для своего возвеличения, и если они иногда старались создать более совершенную промышленную организацию, то ими руководило только корыстное желание прочнее воздвигнуть на экономической почве здание своей тирании. И до тех пор, пока народные массы сами не почувствовали себя вполне созревшими для того, чтоб взять в свои руки заведование своими делами, была невозможна, да и не была желательна, серьезная агитация в пользу экономической системы на кооперативных началах. Только с возрождением демократического движения в Европе стали возможными рассуждения о том, осуществим ли такой порядок вещей.

Правда, в Европе уже в половине XIX века на новые общественные веяния многие проницательные люди смотрели как на знамения времени, но что касается Америки, то она, если не считать кратковременных и неудачных опытов 40-х годов, оставалась глухой к европейскому движению.

В сущности, нет надобности повторить, что главная причина этого явления заключалась в том, что экономические усло-

вия были в то время в Америке более удовлетворительны, чем в какой-либо другой стране. Лозунг «Каждый за себя» в борьбе за существование в общем так пришелся всем по душе, что народ не хотел даже думать о других лозунгах. Не было того властного импульса, который толкнул бы инертные массы, погрязшие в рутине, на революционный путь. Таким образом, в первом фазисе революционного движения американцы были совершенно равнодушны к тем экономическим идеалам, которые волновали уже всю Европу, и только в конце 80-х годов, после упорной и бесплодной 20-летней борьбы со злоупотреблениями частного капитала, американский народ стал способен к восприятию новых учений, проповедовавших замену в экономической системе индивидуалистических принципов принципами коллективизма. Американский народ был особенно подготовлен к тому, чтобы понять и оценить оба существенных пункта революционной программы — принцип экономического равенства и идею национализации промышленности, потому что истинной американской конституцией, — той, которая навеки запечатлелась в сердце народа, оставалась всегда бессмертная Декларация, провозгласившая равенство всех людей, а не та конституция, которая действовала в Соединенных Штатах и была сочинена адвокатами.

Что же касается идеи национализации промышленности, то хотя было очевидно, что ее осуществление в жизни неизбежно связано со многими последствиями, которые должны были совершенно изменить общественный строй, но принцип, из которого она исходила и на который она опиралась, не был чужд американскому народу; наоборот, этот принцип был только дальнейшим логическим развитием идеи народного самоуправления, на котором была построена американская система. Применение этого принципа в деле регулирования экономических отношений было действительно явлением совершенно новым в истории, но целесообразность этого применения была до того очевидна, что, когда она была предложена, она не только не могла встретить никаких принципиальных возражений, но, наоборот, всякий искренний демократ должен был удивляться тому, что столь необходимое и разумное дополнение к системе государственного управления так долго заставило себя ждать.

Апостолам коллективизма в Европе предстояла двойная задача: во-первых, пропагандировать среди масс идею об абсолютном праве народа на самоопределение и, во-вторых, указать, какое практическое применение должна найти себе эта

идея в сфере экономических отношений. Американцам же нужно было только доказать целесообразность применения и в экономической области того принципа, который в других областях уже пользовался признанием.

Усвоение нового идеала означало не только изменение некоторых пунктов программы, но придало всему движению совершенно другой характер. До тех пор движение было направлено только против новых экономических условий, тех, которые были созданы капиталистами, и путем восстановления прежних экономических форм свободной конкуренции, господствовавших до войны, надеялись устранить эти условия. Но очевидно, что такой метод борьбы не мог дать никаких результатов, так как те экономические перемены, которые произошли, с логической необходимостью вытекали из самой сущности капиталистической системы; всякое противодействие должно было терпеть неудачу до тех пор, пока сама система оставалась в силе.

«Поверните фронт!» — таков был новый боевой клич: вперед, не оглядываясь назад! Не против эволюции, а вместе с ней! Система конкуренции не может быть восстановлена, да она и не достойна этого, в лучшем случае это была безнравственная, расточительная и грубая форма существования. Новые запросы требуют новых решений. Бессмысленно противопоставить молодому гиганту частной монополии умирающую систему конкуренции: мы должны выставить против него другого, более могучего богатыря — монополию общества. Отныне консолидация интересов во имя личного обогащения должна уступить место консолидации интересов во имя общего блага: тресту и синдикатам противопоставим город, штат, весь народ, — словом, против капитализма выставим национализм. Капиталисты уничтожили систему свободной конкуренции; не старайтесь же восстановить ее, наоборот, будем благодарны капиталистам, конечно, не за их намерения, а за их разрушительную работу. К чему реставрировать старые деревенские хижины? Расчистим лучше почву и на открытом месте воздвигнем новый храм, давно желанный и достойный человечества!»

При свете нового учения народ понял, что тесный проход, к которому привела Республика, был только узким и мрачным преддверием к счастливому будущему, новой эре всеобщего благоденствия, для изображения которой одни лишь еврейские пророки обладали достаточно яркими красками.

При свете новых философских идей устанавливалась новая точка зрения на конфликт между плутократией и народом.

Теперь этот конфликт рассматривался не как страшное и печальное явление, а как необходимый фазис в эволюции демократического общества при его переходе с низшей ступени на бесконечно высшую ступень развития, словом, как на такое явление, которое надо не стушевывать или смягчать, а, скорее, приветствовать и всячески подчеркивать, так как относительно конечных результатов этого конфликта, ввиду распространения знаний среди масс и демократического духа времени, не могло быть никаких сомнений.

Не легок был путь, который предстояло пройти каждой республике: на первых порах тяжкий труд, бедность, лишения, а затем, когда, преодолев неимоверные препятствия, удавалось добраться до вершины, с которой открывались далекие и чудные перспективы, там ждал всегда сфинкс со своей роковой загадкой: есть ли такой строй, который мог бы совместить принципы демократического равенства с накоплением богатств?

А между тем ответ был очень простой: народ должен был установить такой строй, при котором богатства делились бы поровну между всеми членами общества так, чтобы их накопление, как бы оно ни было велико, не нарушало принципа равенства. Ибо великий принцип справедливости и равенства — это неиссякаемый источник вечной жизненной силы для народов, и тот народ, который пьет из этого источника, становится бессмертным. Но как ни прост был ответ, ни одна республика не могла дать его в прежние времена, Тщетно вершина горы, на которую с таким трудом взбирались народы, белела костями погибших жертв: никому не суждено было войти в открывавшийся счастливый край, пока наконец в эволюции человеческого разума не наступил момент, когда загадка, так долго остававшаяся без ответа, была решена: со сфинксом навсегда покончили, и всем народам открыт был доступ в обетованную землю.

Вот почему в речах проповедников новых учений звучала неслыханная до тех пор нота самоуверенности и глубокой надежды, и это именно составляло черту новой пропаганды, которая тем сильнее действовала и воодушевляла, чем резче был контраст, который отличал ее, с одной стороны, от мрачного пессимизма приверженцев капиталистического режима, а с другой — от узких целей, классовых интересов, близорукости и малодушия разных реформаторов. Казалось бы, что новая проповедь, исполненная красоты и силы, явившаяся в мире как новая благая весть, в которой люди так нуждались, должна была в самое короткое время привлечь к себе все сердца. Да так, без сомнения, и случилось

бы, если бы механизм народного просвещения и государственного управления находился в руках людей прогрессивных или, по крайней мере, не партийных, а не подлежал всецело контролю капиталистов, как это было на деле.

Раньше, когда газетное дело было еще в зародыше, газеты не представляли собой огромных коммерческих предприятий и в силу этого могли вернее отражать чувства народа. Но в конце XIX века большая газета с большим числом подписчиков требовала огромных затрат, а потому самые влиятельные газеты издавались капиталистами, составляли их собственность и, конечно, отстаивали только их интересы; за весьма редкими исключениями, большие газеты обыкновенно были сторонниками существующего порядка вещей и яростно нападали на революционное движение. Эти газеты монополизировали технику собирания и распространения среди публики сведений и, благодаря этому, приобрели как бы власть цензуры не менее действительную, чем та, которая в это самое время применялась к печати правительствами России и Турции. Не только печать, но и религиозное воспитание фактически подвергалось контролю со стороны капиталистов. Церковь была пенсионером у богатых и состоятельных классов, у которых она находилась в самом жалком подчинении, так как получала от них необходимые материальные средства. Университеты и другие рассадники высшего образования были тоже привязаны золотой цепью к колеснице богачей. Подобно церквам, и они в своем развитии зависели исключительно от милости богатых людей, и задеть интересы последних значило бы для них решиться на самоубийство. Надо иметь при этом в виду, что только десятая часть народа, то есть богачи и состоятельные люди, могли посылать своих детей в университет, и вполне понятно, что эта часть населения предпочитала те школы, где преподавались доктрины, относившиеся благоприятно к имущим классам.

Если бы вожди нового движения, подобно капиталистам, имели в своем распоряжении печать, амвон и кафедру, то есть те орудия, посредством которых они могли бы найти доступ к уму, сердцу и совести граждан, они бы в один месяц склонили весь народ на свою сторону. Чувствуя, что для торжества их идей им нужно лишь разрушить стену, отделявшую их от народа, они мучительно переживали каждый день отсрочки. Быть свидетелями бесконечных страданий народа, видеть, как его ежедневно распинают, и знать, что эти муки и эта жестокость излишни и легко устранимы, — что может быть ужаснее такого состояния?

Кто бы, подобно им, не восклицал: «Доколе, о Господи?»

Каждый лишний день рабства казался этим людям бесконечно долгим. Среди шума и суеты повседневной мелкой борьбы, в которую они были вовлечены, они, как солдаты на поле битвы, не могли охватить своим взором общий ход сражения и составить ясное представление о борющихся силах. Для объективных исследователей, какими мы теперь являемся по отношению к пережитой эпохе, результат борьбы не представляет собою ничего неожиданного, чудесной кажется лишь та быстрота, с которой совершился в течение 90-х годов перелом в характере революционного движения в Америке.

Начиная со второго фазиса революционного движения, в современной литературе начинает проявляться совершенно новый дух протеста против несправедливости социального строя. Не только в серьезных журналах и публицистической литературе того времени, но и в беллетристических произведениях проводится и обсуждается идея о необходимости социальной реформы. Дошедшие до нас сведения об огромном количестве циркулировавших на книжном рынке сочинений, посвященных вопросу о необходимости коренного социального переворота, уже сами по себе вполне достаточны, чтобы объяснить возникновение Революции. Противоневольническое движение имело только одну «Хижину дяди Тома», антикапиталистическое движение имело их много. Чрезвычайно знаменателен тот факт, что исключительно земледельческие общины Дальнего Запада встретили с энтузиазмом проповедь экономического равенства. В прошлом правительства всегда могли ожидать революционных выступлений со стороны наемных городских пролетариев, и в этих случаях они все свои надежды возлагали на тупой консерватизм земледельческих классов, которые являлись противовесом легко воспламеняющимся рабочим. В последней же Революции земледельцы оказались во главе движения. Уже по одному этому факту легко было предсказать и быстрый оборот, который примет движение, а также и результат его. В самом начале сражения капиталисты потеряли свои резервы.

Приблизительно около начала 90-х годов революционное движение впервые явственно вырисовывается на политическом горизонте. Еще 20 лет спустя после Гражданской войны вражда между Севером и Югом давала окраску программам различных партий и мешала последним объединиться, благодаря чему недовольство экономической системой не могло вылиться

в политическую демонстрацию. Только на исходе 80-х годов взаимная вражда Севера и Юга начинает ослабевать, и народ начинает серьезно вдумываться в те новые отношения, которые еще с начала войны стали проявляться во всей своей грозной силе и которые в близком будущем должны были принять характер рокового конфликта, борьбы на жизнь и на смерть между плутократией и демократией, между неотъемлемыми правами человека и тиранией капитала. Хотя коллективистские идеи никогда не пользовались в Америке особыми вниманием и симпатией, тем не менее в 1890 году, когда их впервые стали пропагандировать, политические партии, которые высказались в пользу применения новых принципов в наиболее важных отраслях промышленности, собрали вокруг себя много голосов.

В 1892 году партия, требовавшая национализации, по крайней мере, телефона, железных дорог, банковской системы и тому подобных монопольных предприятий, имела свои организованные отделы почти в каждом штате Союза и насчитывала до миллиона членов.

В течение следующих двух лет эта партия значительно усилилась, а в 1896 году ее платформу приняла в существенных пунктах одна из великих исторических партий в Америке, и весь народ разделился почти на два равных лагеря.

Нам, отделенным от всех этих событий многими десятилетиями, кажется весьма знаменательным тот страх, который внушали капиталистам первые успехи новой политической партии, тем более что эта партия по крайней мере на первых порах ограничивалась нападками на отдельные злоупотребления капиталистов и не затрагивала основного принципа старого режима — контроля над хозяйственной жизнью страны. Нет сомнения, что капиталистов пугали не столько те требования, которые предъявляли восставшие против социального строя, сколько во всем проявлявшееся озлобление народа против них и против всего, что они делали. Капиталисты отлично понимали, что то, чего оппозиционная партия требует от них теперь, является только слабым намеком на то, чего она от них потребует в будущем. Противоневольническое движение тоже началось не с требования уничтожения рабства, а лишь ограничения его. Рабовладельцы, однако, нисколько не ошиблись в оценке зловещих предзнаменований, и капиталисты оказались бы менее дальновидными, чем их предшественники, если бы они в новом политическом движении не усмотрели начала конфликта между народом и имущими классами или, как тогда

выражались, между массой и привилегированным меньшинством, — конфликта, грозившего разразиться социальной и экономической революцией.

— Мне кажется, — заметил я, — что если бы в этом фазисе революционного движения американские капиталисты были способны беспристрастно обсудить положение вещей, они должны были бы пойти на уступки, если только желали сохранить хоть часть своих привилегий.

— Если бы они проявили такое благоразумие, — ответил доктор, — то есть если бы они нашли в себе достаточно силы и разума, чтобы при виде приближающегося потока революции, пока еще не было слишком поздно, пойти навстречу справедливым требованиям народа, если бы они так поступили, они бы перестали быть тиранами, иными словами, перестали бы быть самими собой.

Видите ли, тираны всегда грубые материалисты, всякую же революцию двигает какая-нибудь нравственная сила. Вот почему тиран никогда не может предвидеть своей судьбы и только в последний момент, когда уже невозможно ее предотвратить, он начинает сознавать близость рокового исхода.

— Мы должны скоро сесть на свои места, — прервала Юдифь. — Я бы не хотела, чтобы Юлиан пропустил начало представления.

— Осталось еще несколько минут, — сказал доктор, — и я хочу воспользоваться ими, чтобы сказать еще несколько слов о заключительном периоде, когда охвативший весь народ энтузиазм значительно ускорил ход событий. Коснуться этого периода мне кажется тем более уместным, что в той пьесе, которую мы сейчас увидим на сцене, речь идет именно о нем.

Вы должны знать, Юлиан, что хотя в это время допускали, что кооперативный строй призван занять место капиталистического, большинство, однако, полагало, что эта смена экономических систем будет совершаться медленно, с большой постепенностью и затянется на десятилетия, полвека, а может быть, и больше. Но те, которые разделяли это мнение, упустили из виду очень важный фактор, а именно чувство восторга, которое должно было овладеть народными массами в тот момент, когда они убедились в неминуемом торжестве своего дела. Энтузиазм с непреодолимой силой толкал события вперед.

Очень возможно, что когда впервые народу был представлен план национализации всей промышленной системы и равномерного распределения всех продуктов производства, план,

осуществление которого сулило уничтожение бедности и водворение на земле царства всеобщего благоденствия, возможно, что грандиозность реформы внушила сомнение в ее осуществимости. Будущее рисовалось слишком прекрасным для того, чтобы народ мог поверить в возможность его наступления. Если масса, выросшая в обстановке нищеты и лишений, с трудом допускала, что на том свете нет ни богатых, ни бедных, то как она должна была относиться к уверениям, что здесь, в этой будничной Америке, можно водворить рай. Но из борьбы с предрассудками и сомнениями революционная пропаганда вышла победительницей. Шаг за шагом ей удалось доказать неоспоримость тех основ, на которых покоилась великая уверенность в близкое торжество новых идей. Скоро самые закоренелые скептики уверовали в грядущую победу народа, а массы, окрыленные светлыми надеждами, с восторгом внимали новой проповеди. То, что раньше так пугало людей, теперь вдохновляло их на великие подвиги. Народ был охвачен безумным желанием проникнуть наконец в обетованную землю, и каждый день, каждый час промедления причинял им невыносимые муки. Молодежь говорила: «Надо торопиться, дабы осуществление наших заветных желаний застало нас еще молодыми и мы могли зажечь настоящей жизнью». А старики говорили: «Поспешим скорее в заветное царство, пока мы живы, дабы мы могли спокойно сомкнуть свои глаза в сознании, что после нас нашим детям будет хорошо».

Вожди и пионеры Революции, которые раньше так долго и тщетно взывали к недоверчивому и равнодушному народу, были теперь сами увлечены могучим потоком народного энтузиазма, которого они не могли дальше ни сдержать, ни направлять; но своего апогея волна народного возбуждения достигла тогда, когда наступил момент «Великого Возрождения», который окрасил восторженное настроение масс религиозным экстазом.

— И у нас бывали периоды возрождения религии, — заметил я, — часто эти движения принимали внушительные размеры. Носило ли религиозное возрождение, о котором вы говорите, тот же самый характер, что и раньше?

— Едва ли, — ответил доктор. — Великое Возрождение было отмечено стремлением не к личному, а общественному спасению, к водворению того Царства Божьего на земле, о котором поведал людям Христос. В проповеди нового социального строя, провозгласившей принцип экономического равен-

ства, этическая, религиозная идея заняла одно из первых мест. Очевидно, что эта гарантия экономического равенства, которую сулил новый строй, более, чем какая-либо другая идея, соответствовала сущности христианского учения. Что, в самом деле, означал новый принцип, как не осуществление завета Христа, чтобы каждый думал и заботился о благосостоянии своих ближних, как о своем собственном благосостоянии? Позволительно было поэтому надеяться, что народ, именующий себе христианским и знакомый с Новым Заветом, легко поймет смысл нового учения и увидит в пунктах революционной программы старые заветы Евангелия, выраженные в новых политических и экономических терминах. Позволительно было надеяться, что, как ни отнесутся к этой программе другие члены общества, верующие христиане сейчас же примкнут к ней всеми своими помыслами, всем сердцем, всей душой. Действительность, как известно, не оправдала этих надежд: христиане очень туго воспринимали новые идеи. Это странное явление объясняется всей предшествовавшей деятельностью, а также и бездеятельностью того специального класса, исключительная обязанность которого заключалась в проповеди христианского учения. Я говорю о духовенстве. В течение многих веков, чуть ли не с самого начала христианской эры, Церковь спиной повернула к идеалам Христа, она не заботилась о водворении Царства Божьего на земле, о распространении среди людей идей братства и любви; она отказалась от проповеди совершенных социальных отношений, установление которых на земле она признала несбыточной мечтой, и именем Автора «Отче наш» учила народ не уповать на то, что воля Бога свершится на земле. В противоположность Христу, Который ополчался против господствовавшего строя и требовал его изменения, духовенство стало оплотом и защитой существующего режима со всеми его политическими учреждениями и все свое влияние употребляло на то, чтобы парализовать стремления народа к более высокому и справедливому идеалу. В Старом Свете оно всегда выступало защитником и апологетом привилегий, приобретенных прав и насилия и всегда противилось стремлению к свободе и равенству. В борьбе с освободительными движениями народов короли и императоры находили в служителях Церкви более полезных помощников и союзников, чем в полиции и войске. В Новом Свете, где царская власть передала свой скипетр капитализму, духовенство стало верноподданным денежной власти и подобно тому, как раньше отстаивало божественное происхождение царской власти, так

оно теперь проповедовало божественное право эксплуататоров, накопивших или унаследовавших огромные богатства, властвовать над своими ближними и увещевало трудящихся безропотно мириться с исключительным правом богачей на земные блага.

Эта историческая роль Церкви, роль апологета и защитницы насилий и привилегий и врага народной свободы и равенства, всегда вызывала в массах чувство возмущения и после каждого революционного кризиса духовенство немало теряло в уважении и доверии к себе со стороны народа. И так как великая Революция представляла собой последнюю грандиознейшую борьбу между народом, стремившимся к водворению на земле равенства, и капиталистами, цеплявшимися за свою старую систему, то положение Церкви в этот исторический момент должно было иметь решающее значение для всей ее дальнейшей участи. Если бы она примкнула в этом гигантском поединке к непопулярной стороне, она рисковала бы совершить непоправимую, роковую ошибку. Некогда безраздельно властвовавшая над мыслями и чувствами людей, она могла лишиться всякого влияния на них. С другой стороны, если бы вожди Церкви поняли великое значение того переворота, который совершился в конце XIX века в человеческом сердце; если бы они в состоянии были понять то чувство тоски по идеалу, которое с непреодолимой силой овладело людьми, они могли бы еще, став на стороне правых, вернуть Церкви народную любовь и уважение и проявить себя после стольких ошибок и заблуждений истинными последователями Христова учения. И действительно, отдельные представители духовенства верно оценили положение вещей, но тщетно старались они и своих товарищей заставить проникнуться духом времени. Ослепленное сетью традиций, связанное тяжелой цепью капитализма, духовенство, в общем, за немногими, благородными исключениями, оставалось глухим к их зову, а когда оно проснулось, было уж слишком поздно: были, помимо духовенства, и другие группы ученых, в слепоте своей не заметивших той божественной искры, которая, вспыхнув в сердцах людей, быстро разгорелась в могучее пламя, принесшее миру новую жизнь. Но с ошибками этих ученых, как бы они ни были прискорбны, нельзя сравнить преступное поведение христианского духовенства, обязанность и назначение которого заключались в том, чтобы проповедовать людям завет любви и равенства, то есть тот самый завет, который революционеры стремились воплотить в жизни. Не предавать анафеме новые идеи братства и равенства, а радостно приветствовать их

стать их глашатаями — таков был прямой долг истинных служителей Церкви.

Реформаторов времен Революции глубоко возмущала эта двойная измена духовенства; измена его по отношению к человечеству и по отношению к христианству, но время умеряет самые резкие суждения, и теперь, когда мы мысленно переносимся к той эпохе, мы испытываем не столько гнев, сколько глубокую жалость к этим людям, которые по своей близорукости не сумели воспользоваться, быть может, единственным, представлявшимся в истории случаем стать руководителями всего человечества. Тяжесть такой неудачи слишком велика, чтобы прибавить к ней еще упреки.

Враждебное отношение к революционному движению со стороны Церкви, утратившей вместе с распространением образования значительную долю своего прежнего авторитета, не могло надолго отсрочить победу новых идей. Время и общественное воспитание делали свое дело, и народ вскоре сам выяснил себе истинный характер и значение народившегося движения. Тогда-то и настала эра Великого Возрождения: в процессе саморазвития народ убедился, что Революция, против которой духовенство вооружало их, как против явления антихристианского, на самом деле была проникнута духом истинного христианства. С тех пор как Христос обратился с проповедью к Своим ученикам, ни один призыв, обращенный к человеческому сердцу, не имел таких прав на сочувствие со стороны искренних последователей и поклонников Христова учения, как призыв, раздававшийся из уст революционеров.

В том смысле, в каком понимали религию в то время, американцы считались самым разумно религиозным христианским народом. Когда массы стали понимать, что идеал равенства и братства, который Церковь клеймила как опасное заблуждение, есть не что иное, как то, о чем мечтал Христос; когда они убедились, что надежда, окрылявшая защитников нового строя, сияла не в виде *ignis fatuus*¹, как учила Церковь, а подобно звезде из Вифлеема, тогда-то к революционному энтузиазму присоединился высокий подъем религиозного воодушевления.

С этих пор движение начинает принимать характер крестового похода, первого из многочисленных крестовых походов, который имел действительное основание носить это имя и полное право сделать крест своей эмблемой. По мере того как в

¹ Досл.: блуждающий огонек (лат.), иными словами, призрачная надежда.

сердцах масс, всегда проникнутых религиозным чувством, все больше крепло убеждение, что осуществление принципа равномерного распределения материальных благ есть также осуществление воли Бога и что в поисках за личным счастьем они идут навстречу намерениям Провидения, дух Революции все больше принимал характер религиозного экстаза. Как некогда в ответ на проповеди Петра Отшельника, так и теперь в ответ на пропаганду реформаторов, народ восторженно восклицал: «Так угодно Богу!» — и никто не сомневался, что мечты сбудутся.

Таким образом, Революция, возникновение которой Церковь встретила с проклятиями, могла победоносно завершиться только благодаря религиозному и нравственному порыву.

— Но что стало с Церковью и ее служителями, когда народ убедился, что они были ложными руководителями? — спросил я.

— Нет сомнения, — ответил доктор, — что тот день, когда народ с раскрытой Библией в руках потребовал от духовенства объяснения, почему оно так долго скрывало божественное учение, почему в течение многих веков оно фальсифицировало божественное откровение, — этот день был днем великого суда над Церковью. Но высокая радость, которую народ ощутил, когда он открыл, что воплощение в жизни идей свободы, равенства и братства является лишь практическим применением основных заветов Христа, не оставляла места в сердцах людей чувству злобы или горечи по отношению к кому бы то ни было. Человечество только воочию убедилось, что его вековые духовные вожди никогда не были достойны доверия; вот и все. Что же касается самого духовенства, то я считаю лишним распространяться о том, что оно так плохо исполнило свой долг пред народом не потому, что оно было хуже других, а только потому, что оно было поставлено в ложное экономическое положение, так как в материальном отношении всецело зависело от тех, которыми оно должно было руководить. Но как только началось Великое Возрождение, духовенство отдалось революционному движению так же беззаветно, как и другие, но уже без всяких претензий на руководящую роль. Оно теперь следовало за народом, которым оно могло бы руководить.

Время Великого Возрождения мы считаем началом эры новой религии — религии, которая покончила со старыми традициями, обрядами, суеверием и догматами и изгнала из жизни страх и заботы о нашем низменном «я»; которая воодушевила людей чувством взаимной солидарности и связала их с Боже-

ством, — религией, которая обратилась к человечеству, как к божественной расе, которая не должна питать страха пред злыми силами ни здесь, ни в будущей жизни.

— Мне нет надобности больше расспрашивать вас о последующих фазисах Революции, — сказал я, — я уверен, что она очень скоро после Великого Возрождения завершилась полной победой.

— Период Возрождения был действительно кульминационным пунктом Революции — ответил доктор. — Возрождение религии сообщило движению такой могучий толчок, что никакая сила не могла уже его остановить, и этого результата оно достигло не тем, что оно сломило всякую оппозицию, а тем, что оно смягчило и умиротворило ее.

Капиталисты были — мне ли вам говорить об этом? — отнюдь не хуже других людей; подобно другим классам, и класс капиталистов стал тем, что из него сделала экономическая система. Обладая теми же страстями и чувствами, что и другие люди, капиталисты не могли устоять против заразительного действия всеобщего энтузиазма, жалости, сострадания и нежности, которые Великое Возрождение вызвало в человеческих сердцах.

Когда народ убедился, что борьба между существующим порядком и новым строем, в сущности, сводился к борьбе между всемогущим долларом и всемогущим Богом, пред ним открылся один только путь, и он пошел по этому пути.

Существовала, правда, незначительная партия, состоявшая из части капиталистов и их прихвостней, которая до конца не переставала злобствовать против деятелей Революции, но силы ее были ничтожны. Большая и лучшая часть капиталистов примкнула к народу в его усилиях установить новый социальный строй, который, как в этом теперь могли все убедиться, был одинаково благодетелен для всех людей.

— И не было никакой войны?

— Войны? Конечно нет. Кто был бы на стороне врагов народа? Как странно, что многие из ранних реформаторов были глубоко убеждены в том, что свержению капитализма должна непременно предшествовать война. Для доказательства они при этом всегда ссылались на Гражданскую войну в Соединенных Штатах и на французскую революцию, — события, которые, по их мнению, достаточно оправдывали их опасения, но которые на самом деле не заключают в себе ничего аналогичного последней Революции.

В споре о рабовладельчестве две географические единицы были отделены друг от друга идейной пропастью, и война между ними была неизбежна. Что касается французской революции, то она обошлась бы без кровопролития, если бы в дела Франции не вмешались их грубые соседи с их варварами-королями. Мирному исходу великой Революции в Америке в особенности благоприятствовало то обстоятельство, что в этой стране не успели к тому времени пустить глубокие корни классовые разграничения и классовая вражда. Процесс дифференцирования быстро развивался, но еще не достиг тех размеров, при которых он мог бы противостоять тому великому энтузиазму, который охватил нацию и связал ее одной общей верой, стремлением к одной цели, в неразрывное целое.

Не забудьте, что великая американская Революция не имеет ничего общего с теми политическими революциями, которые происходили до нее, во все предшествовавшие эпохи, когда народ решал провести какие-либо социальные реформы, он должен был свергнуть прежнее правительство, овладеть его властью, чтоб с ее помощью произвести желательные ему изменения. Но в демократическом государстве, каким была Америка, Революция была уже практически осуществлена в тот самый момент, когда народ пришел к убеждению, что она необходима ради общего блага. Некому было оспаривать права и власть народа, когда последний выразил твердое намерение осуществить их в жизни. Последние революции, которые произошли в Америке, равно как и в других странах с демократическим образом правления, были скорее похожи на судебную тяжбу, чем на старые революции с их традиционными баррикадами, громом пушек и потоками крови. Народ представлял собою судебную инстанцию, на приговор которой некуда было апеллировать.

Что касается разных сенсационных театральных эпизодов и эффектов в духе традиционных революций, как, например, заговоры, интриги, конспирации, потоки крови, пороховой дым, ружейные выстрелы, то любая из десятков тысяч средневековых схваток в итальянских или фламандских городах дает гораздо больше материала для какого-нибудь романа или драмы, чем великая Революция в Америке.

— Неужели возможно, что великая социальная метаморфоза не сопровождалась никакими насилиями?

— Конечно, дело не обошлось без многочисленных мелких столкновений, которые сопровождались кровопролитием и насилиями, но эти коллизии не имели ничего общего с правильно

организованной войной, которую предсказывали старые реформаторы. Какой-нибудь ничтожный, бессмысленный и безрезультатный спор между королями, настолько жалкими, что история не сохранила их имен, стоил некогда народам гораздо больше крови, чем ее было пролито в Америке во время величайшей из бывших когда-либо революций.

— А европейские народы тоже так благополучно перенесли этот кризис?

— Нигде условия не сложились так благоприятно для мирной социальной Революции, как в Соединенных Штатах; в других странах кризис протекал медленнее и мучительнее, но, в общем, ни в одной европейской стране не было того страшного кровопролития и резни, которые предсказывали ранние реформаторы. Во всем мире эта Революция в главнейших своих чертах была торжеством нравственных сил.

Глава XXXVI

ПОСЕЩЕНИЕ ТЕАТРА В XX ВЕКЕ

— К своему сожалению, я вынуждена прервать вашу беседу, — сказала Юдифь, — так как до поднятия занавеса осталось только пять минут, а Юлиану не следовало бы пропустить первую сцену.

Мы сейчас же отправились в музыкальную комнату, где четыре удобных кресла, очень уютно расставленные, были готовы к нашим услугам. В то время как доктор соединял телефон и электроскоп, я старался выяснить нашему кружку тот контраст, который существует между хождением в театр в XIX веке и в XX веке, — контраст, которого счастливые люди нынешнего мира не в состоянии оценить даже при самом пылком воображении. В мое время только обитатели или случайные посетители больших городов имели возможность наслаждаться драмой или оперой, народным же массам в силу естественных условий такие удовольствия были недоступны и незнакомы. Но даже те, которым обстоятельства позволяли посещать театр, должны были для того, чтоб попасть туда, потратить столько денег и труда, преодолеть столько затруднений и неудобств, что многие предпочитали оставаться дома. Для того чтоб насладиться игрой каких-либо иностранных знаменитостей, приходилось или ехать за границу или же ждать, пока они приедут. Мне нет надобности объяснять вам подробно, как теперь все про-

исходит, ограничусь несколькими словами: мы остаемся дома и только направляем наши глаза и уши так, чтоб мы могли видеть и слышать, что нам желательно. Где только проведено электричество, а нет такого человеческого жилья, в котором нельзя было бы провести его, как бы это жилище ни отстояло далеко от общественных центров, будь это даже воздушный шар, или морская лодка метеоролога, или обледенелая хижина полярного наблюдателя, вы имеете возможность в халате и туфлях присутствовать на любом увеселительном вечере, какой только дается где-либо на земном шаре.

Не забудьте также — впрочем, вы этого понять не можете, так как вы никогда не слыхали плохого пения и никогда не видели плохой игры, — что благодаря способности одной труппы играть одновременно пред всем миром, посредственные таланты совершенно вывелись, так как вполне естественно, что каждому хочется слышать и видеть только выдающихся артистов.

— Звонок возвещает поднятие занавеса, — сказал доктор, и через минуту сцена заставила меня забыть все на свете.

Должен ли я передавать содержание такой популярной пьесы, как «Рыцари золотого устава»?

Думаю, что достаточно будет, если скажу, что костюмы на сцене были совершенно похожи на те, которые носили мои современники в конце XIX века в последние дни, которые я провел среди них. Не обошлось и без некоторых анахронизмов и неточностей, которые теперь, однако, исправлены, так как театральная администрация оказала мне честь, предложив мне помочь ей в исправлении вкравшихся ошибок. В общем, пьеса превосходная как по постановке, так и по содержанию, и лучшей похвалой ей может служить то, что я совершенно забыл об окружавшей меня действительности. Я вдруг очутился в кругу своих современников, среди группы мужчин и женщин, которые были одеты так, как одевались в мое время, и которые говорили и поступали так, как говорили и поступали тогда. Словом, я опять увидел людей, подобных мне, с теми же страстями, предрассудками и манерами. С необыкновенным искусством были переданы мельчайшие детали современной мне жизни, и эти детали особенно сильно действовали на мое воображение. Единственное, что мешало полной иллюзии и не позволяло мне совершенно отрешиться от сознания, что предо мной играют пьесу эпохи конца XIX века, было то, что мне в гораздо большей степени, чем актерам, были известны результаты социальной революции, участниками которой они были.

Когда после первого акта занавес опустился и я увидел вокруг себя Юдифь и ее родителей, сидящих в музыкальной комнате, моя нервная система от этих необычайных переходов подверглась такому потрясению, которого раньше, в первые дни моего пребывания среди людей XX века, мой мозг не выдержал бы. Но теперь я чувствовал себя крепко на ногах, и сознание того, что я нахожусь в своеобразном положении человека, который является современником двух поколений, придало особенную интенсивность тому удовольствию, которое мне доставила пьеса.

Когда спектакль кончился, мы еще долго разговаривали о драме, о разных разностях, пока шар на цветных часах из зеленого не окрасился в белый цвет, возвестив этим, что наступила полночь.

Дамы ушли, и мы с доктором были предоставлены каждый своим думам.

Глава XXXVII

ПЕРЕХОДНЫЙ ПЕРИОД

— Хотя поздно, — сказал я, — но мне бы хотелось предложить вам еще несколько вопросов по поводу Революции. Все то, что я узнал, оставляет меня в прежнем недоумении относительно тех практических мер, благодаря которым смена частнокапиталистического строя современным обошлась без тяжелых потрясений. В наше время были такие искусные инженеры, которые могли передвигать огромные здания с одного места на другое, и эту операцию они выполняли таким удивительным способом, который давал возможность обитателям этих зданий, во время передвижения последних, не прерывать своих обычных занятий. Подобная проблема, только неизмеримо более грандиозная и более сложная, должна была возникнуть, когда был поднят вопрос о коренном переустройстве системы производства и распределения продуктов, о полном перевороте в условиях существования и занятиях людей, так как речь шла о том, чтобы этот революционный скачок не расстроил всего экономического механизма, от деятельности которого зависела ежедневная жизнь миллионов людей. Мне бы очень хотелось знать, как все это произошло.

— В вашем вопросе, — ответил доктор, — я нахожу отголосок тех чувств, которые заставляли людей терпеть так долго

ненавистный им строй. Радикальный переворот во всей экономической системе казался многим, как и вам, столь огромным и сложным делом, что даже те, которые горячо его желали и верили в возможность его осуществления, готовы были, однако, от него отказаться, при одной мысли о затруднениях, казавшихся им неизбежными в переходном периоде. Конечно, капиталисты и защитники старого порядка вещей, насколько могли, эксплуатировали это чувство страха пред якобы неминуемым экономическим хаосом и немало смущали реформаторов, заставляя их называть те специальные меры, которые они хотели бы пустить в ход для того, чтоб водворить принципы кооперации и экономического равенства. Часть революционеров отказывалась формулировать и предусматривать определенную программу, которой следует держаться на второй день после Революции. Они утверждали, что кризис сам подскажет, какие методы могут быть применимы в созидательной работе, а предопределять их заранее, когда нет возможности предвидеть все случайности, безумно и фантастично. Но искусный полководец, набрасывая план кампании, предусматривает самые важные из возможных случайных комбинаций. Его план может впоследствии подвергнуться большим изменениям или же быть совершенно отвергнут, смотря по обстоятельствам, но предварительный план необходим. Нельзя поэтому не признать, что вышеприведенный ответ одной из школ революционеров был далеко неудовлетворителен, и вполне понятно, что робкие, инертные массы с недоверием относились к революционной программе, пока не был дан другой ответ. Идя навстречу этой ощущавшейся потребности в более положительной программе, разные партии предлагали более или менее определенные схемы. Одни видели главную силу в тред-юнионах. По их мнению, эти тред-юнионы, достигши известной степени развития, могли бы захватить в свои руки контроль над всей торговлей и промышленностью и, объединившись в федерацию профессиональных союзов, при посредстве избранных из своей среды агентов, могли бы заместить капиталистов. Но нет сомнения, что такая система, будь она практически осуществлена, привела бы к групповому капитализму, столь же индивидуалистическому в широком смысле этого слова и антисоциальному, как и частный капитализм, но несравненно более опасному для общественного порядка.

Впоследствии, когда обнаружилось, что сила тред-юнионов весьма ограничена, эти идеи не встречали сочувствия. Другая школа революционеров видела решение вопроса в образовании

огромных добровольных ассоциаций на кооперативных началах, которые своим успехом должны вызвать образование новых ассоциаций, и когда, таким образом, большинство народа объединится в такие кооперативные товарищества, последние, по мысли этих реформаторов, должны были соединиться в одну организацию. Многие благородные энтузиасты посвятили себя этой деятельности, и многочисленные товарищества, которые были организованы в Соединенных Штатах во время революционного периода, лучше всего доказывают, какой живой отклик находил в человеческих сердцах призыв к более высокому общественному идеалу. Надо иметь в виду, что все подобные предприятия имели под собою очень шаткую экономическую почву, что их инициаторы, люди достойные, но нередко эксцентричные, руководились преимущественно сентиментальными соображениями и должны были действовать при самых неблагоприятных условиях, окруженные врагами, которые имели в своем распоряжении весь арсенал экономических средств. Неудивительно поэтому, что все подобного рода попытки могли иметь практический успех только при выдающейся организации или исключительных обстоятельствах.

Существовала еще третья школа, которая полагала, что лучший строй может вырасти из старого путем постепенной эволюции последнего; что посредством гуманных фабричных законов, сокращения рабочего дня, введения пенсии для рабочих, улучшения рабочих жилищ и бесчисленного множества других подобных законодательных актов можно парализовать вредные результаты капиталистической системы. Эти сердобольные люди утверждали, что когда в неопределенно-далеком будущем удастся уничтожить все пагубные последствия капитализма, тогда легко будет покончить и с самим капитализмом; иными словами, эти люди советовали снять с прогнившего дерева один за другим все его испорченные плоды, и только тогда вырубить самое дерево. Им можно было, конечно, возразить, что до тех пор, пока злополучное дерево будет стоять, на месте сорванных плодов будут неизменно вырастать новые, такие же испорченные.

Все меры и законопроекты, предлагавшиеся реформаторами, были очень гуманны и хороши сами по себе, но, как средства избавления народа от гнета капитализма, они не выдерживали никакой критики. Наоборот, эти паллиативы могли только продолжить дни господства капитала, так как благодаря им формы проявления этого господства стали менее отвратительны. Когда

революционное движение приняло широкие размеры, некоторые видные его вожди опасались, что борьба за проведение частичных реформ отвлечет часть сил от главной цели Революции.

Но вы меня спросили: какой маневр употребили революционеры, когда они очутились наконец у власти, для того, чтобы уничтожить частнокапиталистический строй? Они пустили в ход тот маневр, который на военном языке называется обходом с флангов. Маневр этот заключался в том, что, не нападая на неприятеля с фронта и не нанося ему ударов, заставляли его путем обходных движений покинуть свои позиции. Этот же стратегический прием применили революционеры в борьбе с капитализмом.

Капиталисты были убеждены, что революционеры будут производить на них прямые нападения, путем конфискации и экспроприации. Но в действительности вышло совершенно иначе. Хотя в конце концов коллективная собственность заменила частнокапиталистическую, но это сделалось само собою, когда старая система настолько распалась, что не требовалось никакого насилия для того, чтобы добить ее. Продолжая наше сравнение, можно сказать, что революционная армия не атаковала с фронта капиталистические укрепления, но так маневрировала, что неприятель не мог удержать своих позиций и должен был сдаться.

Вы понимаете, конечно, что подобная политика не была продиктована чувством уважения к правам капиталистов. Наоборот, еще задолго до Революции народ воспитывался в чувстве самого глубокого презрения и отвращения к капитализму, как источнику всевозможных гнусностей, и считал эту систему позорным пятном на человечестве.

И если революционеры предпочли не нападать на нее прямо, а обойти ее с флангов, то такой образ действия был продиктован требованиями народных интересов, для которых было жизненно важно, чтобы экономическая система по возможности избегла сильных потрясений на своем переходном пути от старого режима к новому. А теперь позвольте мне рассказать вам просто, без всяких риторических прикрас, как все произошло, насколько я помню из истории. С тех пор, как я был в университете, я не изучал специально этого вопроса, и очень возможно, что когда вы будете читать историю этого периода, вы найдете, что я неточно передал вам некоторые детали. Насколько память позволит мне, я постараюсь дать вам общее понятие о ходе событий.

Я уже говорил вам, что первый пункт программы противников капиталистического строя требовал передачи в руки муниципалитетов или государства таких квазиобщественных предприятий, как железные дороги, освещение, телефон, нефтяное и каменноугольное производство, торговля спиртными напитками и т. п. Так как все эти предприятия носили монопольный характер и были отчасти или совершенно ограждены от конкуренции, то в установлении общественного контроля над ними даже самые робкие и консервативные элементы населения не усмотрели посягательства на систему производства и распределения богатств, и, в общем, эта мера ни в ком не вызвала каких-либо опасений. Вся эта категория естественных или легальных монополий могла подвергнуться общественному контролю, не нанося этим никакого ущерба частнокапиталистической системе в ее целом. Дело в том, что удешевление средств к существованию, которое явилось бы в результате обобществления упомянутого класса предприятий, немедленно компенсировалось бы, согласно законам беспощадной конкуренции и системе прибыли, соответствующим понижением заработной платы и изменением цен на прочие предметы.

Вот почему противники капитализма смотрели на переход монопольных предприятий в руки народа не как на цель, а как на средство к достижению намеченной цели. Отчасти цель эта заключалась в том, чтоб доказать народу все превосходство в смысле простоты, экономической выгоды и гуманности общественной организации народного хозяйства над частнокапиталистической. Но главная цель, которая преследовалась при этой частичной национализации, заключалась в том, чтобы создать кадры общественных служащих, достаточно многочисленные для того, чтобы обеспечить потребление в тот момент, когда правительство водворит во всей стране систему производства и распределения продуктов на принципе бездоходности. Одних железнодорожных служащих насчитывалось миллион, а вместе с семьями они составляли 4 000 000. Служащие в каменноугольных копях, железных рудниках и других отраслях промышленности, ставших общественными, как вспомогательные части железнодорожного дела, вместе с телефонными и телеграфными служащими и зависимыми от них лицами, составляли сотни тысяч. Еще до реформ на постоянной гражданской службе у правительства находилось 250 000 человек, в войске и во флоте служило 50 000. Все эти группы вместе с зависимыми от них лицами составляли около

миллиона, и если присоединить к этой цифре число служивших на железных дорогах, телеграфе и телефоне, в рудниках, то получится, что на службе у народа находились около 5 000 000 человек. Кроме того, множество людей находилось еще на службе у муниципалитетов и центрального правительства, занимая различные должности, начиная с губернаторов штатов и кончая чистильщиками улиц.

ОБЩЕСТВЕННЫЕ СКЛАДЫ

Когда народное большинство уполномочило революционную партию ввести новый социальный строй, новое правительство прежде всего озаботилось устройством во всех значительных центрах общественных складов, где общественные служащие могли получать по действительной стоимости все необходимые продукты, а также предметы роскоши, которые раньше продавались только в частных магазинах. Эта идея никого не поразила, так как она ни для кого не была нова. Еще раньше многие правительства ввели у себя подобные склады с целью доставить солдатам и матросам возможность получать предметы первой необходимости по дешевым ценам и вполне доброкачественные; такой привилегии солдат и матросов немало завидовали тогда частные лица, которые были оставлены на произвол хищника — розничного торговца. Общественные склады, устроенные революционным правительством, были настолько обширнее предыдущих предприятий, что один такой склад в состоянии был снабдить всем необходимым население небольшого государства. Сначала правительству приходилось покупать товар для своих складов у частных капиталистов, производителей и у заграничных купцов. Но даже при этих условиях потребитель выгадывал то, что ему раньше приходилось уплачивать посреднику и розничному торговцу; он мог теперь приобретать товары чуть ли не за половину или за треть той цены, которую он раньше платил за те же самые предметы в частных магазинах, и вдобавок он еще получал гарантию строгого правительственного надзора за доброкачественностью продуктов. Но эти новые выгоды, которые приобрел потребитель, были только первым шагом на пути к полному благосостоянию, которое было достигнуто им тогда, когда правительство присвоило себе функции не только производителя, но и распределителя богатств.

С последней целью администрацией были устроены во всех частях страны обширные продовольственные пункты, хлопчатобумажные фабрики, бесчисленные заводы и магазины, так что теперь на службе у правительства находилось сверх первоначальных 5 000 000 служащих еще множество ремесленников, земледельцев и разных других лиц из рабочего класса.

Все эти служащие имели право приобретать предметы в общественных складах, благодаря чему последние все больше расширялись и развивались. Покупатели общественных складов получали в свою пользу не только прежнюю прибыль посредника и торговца, но и фабриканта, производителя и заграничного купца.

Но правительство не ограничивалось тем, что снабжало своих служащих всеми необходимыми предметами потребления, оно организовало также разные необходимые общественные службы, как, например, кухни, прачечные, бюро для исполнения разных домашних работ и пр., все это было устроено исключительно для своих служащих, с которых не взымали никакой приплаты к собственной цене. В результате получилось то, что находившийся на общественной службе имел возможность получать дома или из ресторана самую доброкачественную, разнообразную изысканную пищу и гораздо дешевле, чем ему раньше обходились самые простые кушанья.

— Каким образом правительство приобрело нужные ему земли и фабричные постройки? — спросил я. — Покупало ли оно их у собственников или, может быть, необходимые для производства здания оно само выстроило?

— Оно, конечно, могло купить их, а что касается зданий, оно могло их само выстроить; выполнению программы это не могло бы помешать. Но и то и другое оказалось одинаково излишним. Что касается земли, то фермеры охотно согласились уступить ее правительству и променять ее на службу у последнего, гарантировавшую им и их семействам средства к жизни.

То же самое произошло с магазинами и фабриками, которые также вошли в состав национальной промышленной системы. Они тысячами стояли без всякого дела среди умирающих с голоду безработных. Если фабрики соответствовали требованиям правительства, оно занимало их, пускало в ход и давало работу всем тем, которые раньше на них работали. Почти во всех случаях бывшие управляющие и старшие мастера, равно как и большинство рабочих, были очень рады вернуться на свои прежние места и иметь своим хозяином народ. Собственники же этих

построек, насколько я помню, получали известное вознаграждение в виде незначительного процента за пользование их собственностью. Это вознаграждение должно было выдаваться до тех пор, пока не утвердится новый строй, который гарантирует всем гражданам равное экономическое благосостояние. Что последнее будет достигнуто и в ближайшем будущем, в этом никто больше не сомневался, а в ожидании этого результата собственники пустовавших построек были очень рады получить за них хоть сколько-нибудь.

Правительство получило таким путем в свое распоряжение не одни лишь фабричные заведения и орудия производства, не находившие себе приложения: для своих складов оно нуждалось еще в большом количестве ввозных продуктов. Чтобы приобрести последние без лишних затрат, не уплачивая прибыли и процентов капиталистам, правительство воспользовалось незанятыми кораблями, в случае надобности строило свои собственные, вступало в международные торговые сношения, вывозило за границу продукты общественного производства и получало взамен нужные заграничные товары. Коммерческий флот вскоре перерос военный, который до сих пор был единственным исполнителем национальных поручений. Но в новом мирном флоте матрос не был больше рабом.

КАКИМ ОБРАЗОМ ДЕНЬГИ ПОТЕРЯЛИ СВОЮ ЦЕННОСТЬ

А теперь обратите внимание еще на одну характерную для системы общественных складов черту, а именно неупотребление денежных знаков при разных торговых операциях. Деньги в общественных складах не принимались, вместо них были в ходу особые квитанции, которые были действительны только в течение известного срока. Общественный служащий имел право менять свои деньги, которые он получал в виде жалованья, на такие квитанции. В то время как правительство выдавало эти квитанции только своим служащим, оно принимало их в общественных складах от любого, кто их представлял, наблюдая только за тем, чтобы общая стоимость всех квитанций не превышала суммы жалованья, которое служащие выменивали на них. Таким образом эти квитанции превратились в ходячую монету, на которой выгадывалось 300, 400, 500 % в сравнении с деньгами, которые были годны только на то, чтобы покупать дорогие и фальсифицированные товары в оставшихся складах

капиталистов. Конечно, эта огромная премия доставалась на долю исключительно общественных служащих. Золото, которому капиталисты так поклонялись как самому высокому и испокон веков признанному типу денежных знаков принималось в общественных складах наравне с серебряными, медными или бумажными деньгами, и всякий, кто желал купить что-либо в общественных складах, считал себя счастливым, если ему удавалось уговорить какого-нибудь простодушного служащего выменять квитанцию в 1 доллар на 3—4 доллара золотом.

Таким образом, деньги на современном рынке стали ненужным хламом не только потому, что они утратили свою прежнюю покупательную стоимость, но и потому, что значительная и беспрерывно возрастающая часть населения, находившаяся на общественной службе, совершенно перестала пользоваться ими. Никто больше не занимал денег для каких-нибудь предприятий, так как для всех стало очевидным, что сфера операций, доступных частному капиталу, все больше суживается и что дни его существования сочтены. Пропала также всякая охота копить деньги ввиду того, что ценность их падала с каждым днем. Я говорил о сотнях процентов, которые в виде премий получали обладатели квитанций, благодаря превосходству последних над деньгами, но так было в ранние стадии переходного периода. К концу же эти премии стали повышаться с головокружительной быстротой, а ценность денег соответственно этому падала все ниже, пока они не превратились в пустой звук. Финансовая и монетная система переживала агонию, и если вы припомните, как велико было влияние этой системы на человеческие отношения, условия жизни и даже характер ваших принципов, то легко вообразите себе, какой должен был произойти переворот в этих отношениях и принципах, когда общество почувствовало, что старый мир находится на краю гибели.

На самом деле мир не только не был на краю гибели, но, наоборот, он был на пороге возрождения, в преддверии прекрасного, счастливого царства, но по отношению к денежной и финансовой системе совершившийся переворот означал собою действительно конец старого мира, так как новый мир не нуждался в деньгах: они перестали служить мерилom человеческих прав и взаимных отношений.

— Меня смущает следующее, — сказал я, — раз деньги стали терять свою ценность, значит, и правительство должно было лишиться той поддержки, которую оно получало в виде государственных налогов.

— Налоги, — возразил доктор, — только один из элементов капиталистической системы; они должны были исчезнуть при новом строе. Взимание налогов в связи с монетной системой служило в руках правительства средством для порабощения труда. Но по мере того как народ создавал коллективную организацию труда на началах, лучше всего отвечавших требованиям общего блага, деньги, как и налоги, становились все менее нужными. И в кульминационный момент Революции, когда организация народного труда и капитала завершилась, деньги, а вместе с ними и налоги совершенно исчезли.

КАКИМ ОБРАЗОМ ОСТАЛЬНЫЕ ЧЛЕНЫ ОБЩЕСТВА ВСТУПИЛИ НА ОБЩЕСТВЕННУЮ СЛУЖБУ

— Мне кажется, что к тому времени, а может быть, еще раньше, и остальные члены общества, до тех пор не затронутые движением, должны были добиваться права вступления на общественную службу для того, чтобы получить возможность пользоваться всеми ее несомненными благами.

— Так оно и случилось, — ответил доктор, — но не раньше, чем национальная система производства и распределения богатств достигла своего полного развития. Первоначальная группа общественных служащих составляла основное ядро потребителей, которое было необходимо для того, чтобы при самом зарождении нового строя не вызвать глубоких потрясений в господствовавшей системе рынков и жалования. Но как только новый общественный механизм был налажен, правительство стало принимать к себе на службу не только избранные группы рабочих, но всех, кто изъявлял только желание. С этого момента промышленная армия начинает вербовать ежедневно тысячи и десятки тысяч новобранцев, так что в самое короткое время весь народ очутился на общественной службе.

Конечно, на первых порах каждый оставался на своем прежнем месте, при прежнем занятии. Впоследствии, когда все вошло в колею, были произведены некоторые изменения и перемещения с целью достигнуть больших удобств.

— Вполне естественно, — сказал я, — что программа общественной организации труда должна была прежде всего привлечь к себе рабочий класс, богачи же и состоятельные классы должны были примкнуть к ней последними, прийти, так сказать, на все готовое.

— Вполне верно, — сказал доктор. — Конечно, первый контингент общественных служащих набирался исключительно из рабочих, и только впоследствии доступ на общественную службу был открыт фермерам, ремесленникам и разным торговцам. Капиталист мог во всякое время поступить на общественную службу, но только в качестве рабочего, наравне с другими. Он мог покупать все продукты в общественных магазинах, но только на сумму, соответствовавшую его заработку как рабочего. Другие его деньги там не принимались. Было, правда, в то время немало примеров, когда мужчины и женщины из богатых классов, охваченные энтузиазмом последних дней Революции, уступали свои земли и фабрики правительству, поступали в качестве волонтеров на общественную службу и изъявляли согласие взяться за какую угодно работу; но в общем, как и можно было ожидать, богатым не особенно улыбалась перспектива работать ради того, чтобы иметь возможность жить, как все живут, в том числе и их прежние подчиненные, и они поступали на службу только тогда, когда их вынуждала к тому необходимость.

— Но неужели их силою заставляли записываться на службу? — спросил я.

— Силою? — воскликнул доктор. — Боже упаси! Ни по отношению к ним, ни по отношению к кому бы то ни было не применяли насилия, но положение капиталистов сделалось само собою чрезвычайно затруднительным вследствие того, что трудно, а в конце концов и невозможно стало найти людей, готовых поступить на частную службу; с другой стороны, нелегко стало приобрести продукты где-либо в другом месте, кроме общественных складов, где все отпускалось не иначе как по квитанциям.

Пока правительство еще не принимало всех на службу, массы безработных осаждали капиталистов, добиваясь у них работы. Но вскоре положение вещей круто изменилось: трудно было найти человека, который согласился бы поступить на барскую службу, работать на частной фабрике, в поле или кухне. Выгодам общественной службы богачи ничего не могли противопоставить, кроме своих денег, которые составляли их единственное достояние и которые потеряли всякую ценность. Все отлично теперь понимали, что время богатых классов прошло безвозвратно и что их милости больше никому не нужны.

Ко всему этому прибавьте еще то, что народ был исполнен презрения к тем, которые добровольно обрекали себя на унижительное положение наемных служащих в то время, как они

могли служить в качестве граждан своему народу, и вы поймете, как тягостно, а порой и невыносимо стало положение частных слуг или приказчиков. Несчастные капиталисты не только не могли найти людей, которые согласились бы стряпать на них, стирать их белье, чистить их сапоги, ходить за их лошадьми, подметать их комнаты, но они теперь с большим трудом могли достать предметы первой необходимости, так как частные рынки стали совершенно исчезать, а в общественных складах за деньги ничего нельзя было купить. Недолго могли они бороться с беспощадной для них судьбой. Всеми оставленные, одинокие в своих мрачных дворцах, они в конце концов должны были сдаться и вступить наравне со своими бывшими служащими в новый мир, так как порвать всякие связи с новой экономической организацией значило обречь себя на медленное умирание. Этот печальный финал, которым завершилась деятельность капиталистов на мировой арене, служит ярким доказательством того, в какой абсолютной зависимости капитал всегда находился от того самого труда, который он так мучил и презирал.

— Значит, никого не принуждали поступать на общественную службу?

— Принудительный фактор заключался только в самом положении вещей, — ответил доктор. — Новый порядок не хотел иметь подневольных рекрутов, он и не нуждался в них. Собственно, он ни в ком не нуждался, а все нуждались в нем.

Если кто-либо не желал вступить на общественную службу и мог жить вне ее, не прибегая к воровству и попрошайничеству, ему никто не мешал. История свидетельствует, что леса в первое время были действительно переполнены такими добровольными отшельниками, но эта жизнь вне общества в конце концов надоела им, и они один за другим перебрались в новый социальный дом. Нашлись, впрочем, и такие изолировавшие себя общины, которые оставались вне общей организации в течение ряда лет.

— Я вижу, что ваша социальная мельница сумела превратить в тончайший порошок все, что противилось новому строю, — заметил я, — но я думаю, что по крайней мере на первых порах она должна была преодолеть немало затруднений в силу естественной неподатливости того материала, с которым приходилось иметь дело. Возьмем для примера хоть тот класс, к которому я принадлежал, — класс праздных мужчин и женщин, вся жизнь которых проходила в поисках за наслаждениями. Ну, какую пользу можно было извлечь из таких людей, если бы

даже они были готовы оказать ее? На какую полезную работу в промышленной службе могли мы годиться? Такие люди, как я, могли быть лишь помехой.

— Задача была бы действительно весьма трудной, если бы этот класс праздных людей, о котором вы говорите, составлял значительную часть населения; но, в сущности, хотя эти люди были у всех на виду, они составляли ничтожную группу в сравнении с огромной массой трудоспособных рабочих. И так как они в большинстве случаев получили кое-какое образование, то на них вначале был большой спрос как на учителей. Конечно, это не были специально образованные учителя и педагоги; но сейчас после Революции, когда миллионы детей прежних бедняков оставили фабрики и поля, чтобы поступить в школу, когда даже взрослая часть рабочего населения проявила страстное желание учиться для того, чтобы сознательно усвоить условия той новой жизни, которая открылась пред ними, явился почти неограниченный спрос на всякого рода учителей, на всех, кто мог чему-либо научить, хотя бы и самым первоначальным правилам чтения, письма, арифметики. Женщины богатых классов, получившие в большинстве случаев хорошее образование, стали учительницами детей народа, этих истинных наследников нового мира, и я уверен, что в этих занятиях, в сознании приносимой ими пользы, они находили такое счастье и удовлетворение, какого они, верно, никогда в своей прежней пустой жизни не знали. На самом деле ни в одном классе населения не оказалось сколько-нибудь значительного числа людей, которые не в состоянии были бы, благодаря тем или иным духовным и физическим качествам, быть чем-нибудь полезными своим ближним.

КАК ПОСТУПИЛИ С ПРЕСТУПНИКАМИ

— Но в мое время был один класс людей, — сказал я, — который причинил, я думаю, новому режиму гораздо больше беспокойства и хлопот, чем класс богачей: я имею в виду порочных бездельников и преступников. Богатые были, по крайней мере, интеллигентны, хорошо воспитаны и обладали достаточными познаниями, чтобы суметь приспособиться к новым условиям жизни, извлечь из них возможные для себя выгоды и примириться с тем, что стало неизбежным, но с тем классом, о котором я говорю, гораздо труднее было сладить. Это был наводнявший

всю страну огромный сброд бродяг и преступников, шайка одержимых всевозможными пороками самцов и самок; впрочем, все это должно быть и вам хорошо известно. Допустим, что ответственными за все преступления являлись не люди, а наша порочная система, но факт тот, что эти преступники существовали, и новое общество должно было считаться с ними. Они были глухи ко всему гуманному и так же дики, как хищные звери. Для того чтобы их хоть сколько-нибудь сдержать, нужна была целая армия полицейских и весь арсенал уголовных законов; они являлись постоянной угрозой порядку и обществу. В беспокойные моменты, в смутные времена революционных кризисов они держали в страхе все общество. В то время, которое вы описываете, их буйства должны были, без сомнения, достигнуть крайних размеров. Как отнесся к этим людям ваш строй? Новые принципы, проникнутые справедливостью и человеколюбием, едва ли могли найти отклик в сердцах закоренелых преступников, которые разумной жизни и справедливым условиям законного труда предпочитали разбой, беззаконие и насилие. Я полагаю, что этот класс граждан не так легко было переварить вашему обществу.

— Для нашего пищеварения он оказался далеко не таким жестким, каким он являлся для старого общества. Во-первых, современное вам общество, само построенное на несправедливости, не могло пользоваться ни моральным престижем, ни авторитетом в глазах преступных и нелегальных классов. Наоборот, эти классы являлись постоянным живым укором обществу, свидетельством его безнравственности, которая одна была причиной всех преступлений и бунтов.

Вот почему весь механизм вашего так называемого уголовного правосудия представляется нам каким-то фарсом. Всякий разумный человек в душе сознавал, что преступления и пороки людей в огромном большинстве случаев являлись продуктами небрежной, несправедливой, всеразвращающей социальной системы; что истинное правосудие требовало, чтобы общество вместо того, чтобы изречь несчастному свой строгий приговор, предстало рядом с ним на скамье подсудимых пред высший суд и выслушало себе более тяжкое осуждение. То же самое в глубине своей души чувствовали и преступники, и это чувство мешало им уважать закон, которого они боялись. Они чувствовали, что общество, требовавшее от них исправления, само больше их нуждалось в исправлении. Новое же общество, протягивавшее свою незапятнанную руку этим отверженным людям, было

чисто перед ними. Сознавая всю несправедливость, которую эти люди терпели в прошлом, Революция открыла пред ними совершенно новую жизнь, и новый строй уделил им, на равных с другими членами общества началах, следуемую им долю в общественном достоянии.

Неужели вы думаете, что мог найтись хотя бы один человек, который бы настолько низко пал, что не в состоянии был почувствовать разницу между справедливостью и несправедливостью и соответственно этому реагировать? Среди тех людей, о которых вы говорите, было очень много таких, которых ваша цивилизация признавала безнадежными преступниками в то время, как на самом деле они своим существованием свидетельствовали лишь о неисправимой преступности самого общества, и когда условия изменились, эти самые люди горячо отзывались на призыв к новой честной жизни. Конечно, оставалось большое количество нравственных дегенератов, настолько испорченных от природы, что они не были способны начать хорошую жизнь, как ни старались им помочь в этом окружающие. В своих отношениях к таким субъектам новое общество, неуклонно следовавшее принципам справедливости, проявляло в одно время милосердие и твердость. В новом обществе не могло быть места ни преступным, ни обездоленным людям.

Старое общество не имело нравственного права запрещать кражи или наказывать разбойников, так как вся его экономическая система была основана на присвоении немногими посредством насилия или обмана всей земли со всеми ее богатствами, на эксплуатации народного труда. Еще меньше оно имело права запрещать нищенство или осуждать насилие, так как весь экономический строй, который оно поддерживало, был таков, что он систематически создавал нищих и вызывал насилие. Но и в тех условиях, которые были установлены новым порядком вещей, гарантировавшим каждому одинаковую долю благосостояния, нельзя было найти ни повода к кражам и разбоям, ни оправдания для нищенства, ни мотивов к насилию. Отныне те, которые предпочитали идти по старому порочному пути вместо того, чтобы зажить новой прекрасной жизнью, этим самым свидетельствовали, что они недостойны оставаться в человеческом обществе.

С такими закоренелыми преступниками общество с чистой совестью могло поступать как с нравственно больными: оно удаляло их в специально отведенные места и лишало их возможности общения с остальным миром. Их не подвергали

никаким наказаниям и не заставляли работать больше, чем это было необходимо им для поддержания своего существования, но их поставили в такие условия, что они лишены были возможности продолжать свой род.

Таким образом, человечество уже в первом поколении после Революции в состоянии было навсегда освободиться от тяжкого наследия враждебных пороков и низких инстинктов. Таким же путем оно продолжало из поколения в поколение смывать с себя грязную накипь прежних веков.

ЦВЕТНЫЕ РАСЫ И НОВЫЙ ПОРЯДОК ВЕЩЕЙ

— В мое время, — сказал я, — социальная проблема в Америке, особенно на Юге, осложнялась еще существованием многих миллионов недавно освобожденных негров, которые были еще не вполне подготовлены для усвоения свободы и равенства. Мне было бы очень интересно знать, как поступили с ними при новом строе.

— Вопрос, который вы затрагиваете и который грозил сделаться вечным проклятым вопросом, — ответил доктор, — решился очень скоро и просто. Население недавних рабов нуждалось в таком промышленном режиме, который был бы в одно время и тверд и снисходителен, который действовал бы облагораживающим образом на членов общества. Этим требованиям новый порядок вещей удовлетворял вполне. Централизация и дисциплина, господствовавшие в национальной промышленной армии, сила которой заключалась не в принуждении, а в том, что каждый составлял ее неотделимую часть и никто не мог существовать вне ее, представляли именно тот род контроля, в одно время мягкий и неустрашимый, в котором так нуждались недавно освобожденные невольники.

С другой стороны, распространение образования, вежливое и утонченное обращение, которые явились результатами всеобщего материального благосостояния, имели на негров более сильное влияние, чем на белых, которые относительно стояли выше черных.

— Я думаю, однако, — заметил я, — что расовые предрасудки явились немалым препятствием для системы, которая должна была неминуемо привести к смешению рас.

— Мы находим в литературе подобные указания, — ответил доктор, — но в новом строе ничто решительно не могло оскорб-

лять этих предрассудков. Вся организация касалась экономических отношений и не имела ничего общего с социальными. И даже в промышленных целях новая система требовала смешения рас не в большей степени, чем старая. Новая промышленная организация была вполне совместима с известными расовыми разграничениями, которых могли требовать разные местные предрассудки.

ПРИ КАКИХ УСЛОВИЯХ ПЕРЕХОДНЫЙ ПЕРИОД МОГ БЫ БЫТЬ СОКРАЩЕН

— Я бы хотел вернуться еще к одному вопросу, касающемуся переходного периода, — сказали я. — Из ваших слов можно заключить, что капиталисты крепко цеплялись за свои капиталы и продолжали вести свои дела и предприятия до тех пор, пока они могли только найти людей, которые бы согласились работать на них и покупать у них. В этом проявилась человеческая природа, или, во всяком случае, природа капиталиста; но вместе с тем это было очень удобно для Революции. Такое течение дел дало возможность новому строю развернуться и окрепнуть раньше, чем к нему была предъявлена сложная и многотрудная задача снабжения населения всем необходимым. Но капиталисты могли бы избрать и другой путь. Предположите, например, что в тот момент, когда большинство народа передало все полномочия революционерам, капиталисты сразу отказались бы от своих функций и предприятий. Не забудьте, что это могло бы случиться раньше, чем народное правительство успело бы заложить первые основания новой системы. Задача при таких условиях значительно осложнилась бы, не правда ли?

— Я не думаю, что ваши гипотетические условия могли бы внести серьезные осложнения, — ответил доктор, — хотя правительству пришлось бы сразу взяться за два дела: с одной стороны, продолжать дело капиталистов, то есть направлять весь механизм промышленного производства, а с другой стороны, содержать весь народ до тех пор, пока будут приготовлены новые продукты. Что касается удовлетворения нужд населения, то в данном случае правительство могло бы поступить так, как оно поступало, когда всему обществу грозила опасность в виде голода, осады, наводнения или какого-нибудь другого внезапного бедствия. Первой мерой была бы повсеместная реквизиция всех складов пищи, обуви, одежды и тому подобных и предоставление

их в общее пользование; при этом, конечно, значительные запасы были бы оставлены в частном распоряжении. Во всякой цивилизованной стране всегда имелся излишек предметов первой необходимости, который мог обеспечить снабжение страны в течение нескольких месяцев и даже года. А это было больше чем достаточно для того, чтоб выдержать тот тяжелый перерыв, который пришлось бы пережить промышленному производству в период времени между приостановкой экономического механизма, руководимого частными лицами, и возобновлением его деятельности под надзором избранной народом администрации. Правительство заказало бы в большом количестве одежду и пищевые продукты для общественных складов тем гражданам, которые раньше занимались этим делом, а теперь записались на общественную службу. В то же время оно призвало бы к жизни некоторые отрасли промышленности, оставленные капиталистами. Все те, кто раньше работал, сохраняли бы свои прежние места, и были бы приняты все меры к тому, чтобы по возможности в кратчайший срок предоставить безработным занятие. Новые продукты сейчас же по их изготовлении были бы доставлены в общественные склады, и таким образом повторился бы, в сущности, тот самый процесс, о котором я вам говорил, с тою лишь разницей, что для своего завершения он потребовал бы меньше времени.

События развивались бы с необыкновенной быстротой, и, быть может, в зависимости от этого они протекали бы не совсем гладко, но, во всяком случае, народу не пришлось бы терпеть больше неудобств и лишений, чем ему приходилось терпеть от самых незначительных кризисов; а ведь последние при старом строе, даже по мнению ваших современников, должны были через каждые семь лет неизбежно наступать; к концу же вашей эпохи они стали обычным явлением.

КАКИМ ПУТЕМ БЫЛА УСТРАНЕНА ЗАВИСИМОСТЬ РАБОЧИХ ОТ КАПИТАЛИСТОВ

— Ваш вопрос, — сказал доктор, — затрагивает еще одну сторону, которой я забыл коснуться.

Речь идет о тех приемах, которые применяло правительство для того, чтоб доставить занятия безработным в тот период, когда организация народной промышленной системы не была еще закончена. Вопрос, который вашим современникам было угод-

но называть «проблемой безработицы» и который возник как неизбежный результат системы доходов, — этот вопрос в самом начале революционного периода стал принимать грозный характер, так как уже к концу XIX века число вынужденных бездельников насчитывалось миллионами. Если такое положение вещей, с одной стороны, служило революционной пропаганде наглядным примером для доказательства бессилия частнокапиталистической системы в решении вопроса о содержании всей нации, то, с другой стороны, оно способствовало тому, что сила работодателей над их рабочими и теми, которые желали быть таковыми, крепла, росла и становилась все неограниченнее по мере того, как становилась труднее находить работу. Те, которые имели работу и боялись потерять ее, равно как и те, которые не имели работы, но надеялись ее получить, под влиянием этого страха и надежды становились игрушками в руках работодателей, которые по своему усмотрению могли располагать их голосами во время выборов. Таким образом на выборах рабочие, вопреки своим убеждениям, заполняли избирательные бюллетени под диктовку своих эксплуататоров: одни так поступали из страха потерять работу, другие — в надежде получить ее. При таком положении вещей было необходимо, пока власть еще не перешла всецело в руки революционной партии, устроить такую временную организацию труда, которая давала бы рабочим возможность бороться за свое освобождение, обеспечивая им в случае нужды полную материальную независимость от частных предпринимателей.

Эта цель достигалась в разных штатах союза, где революционные партии были достаточно велики, приблизительно одними и теми же средствами. Грубые приемы, которые применяли в аналогичных случаях прежние правительства в виде так называемых общественных работ, нередко совершенно бесполезных, новой экономической наукой были совершенно отвергнуты как не выдерживающие критики. Обстоятельства требовали применения более разумного метода и его без труда нашли. Метод, чаще всего практиковавшийся и варьировавшийся только в зависимости от различных местных условий, заключался в том, что государство обязывалось доставлять каждому гражданину, нуждавшемуся в средствах существования, взамен его труда, жилище и предметы первой необходимости, которые, в свою очередь, были продуктами труда других безработных. Необходимые продукты заграничного производства и сырой материал приобретались на счет излишка продуктов, которые находили

себе сбыт в государственных тюрьмах, приютах и тому подобным учреждениям. При помощи такой системы правительство, предлагая рабочим орудия производства и свое руководство, давало им возможность взаимно поддерживать друг друга.

В течение переходного периода эта система была очень популярна и сыграла видную роль в деле приготовления умов к принятию новых общественных форм: она служила как бы их провозвестницей, несовершенным прототипом грядущего экономического строя.

Во многих учреждениях для безработных были с достаточной полнотой представлены все виды промышленной деятельности; продукты производства распределялись в них поровну между рабочими и, за вычетом всех расходов, обеспечивали последним такую степень благосостояния, какая раньше, когда они были на службе у частных предпринимателей, им не была известна. К этому надо прибавить твердую уверенность в завтрашнем дне, которая раньше была невозможна. Угроза отказать рабочему, это главное орудие капиталиста, которым он пользовался для того, чтоб всегда держать рабочего в своих руках, потеряла свое значение при возникновении кооперативных учреждений, и когда впоследствии общенародная промышленная организация достигла своего полного развития, учреждениям для безработных осталось только незаметно раствориться в ней.

КАК НАСЧЕТ ЖЕНЩИН?

— А как насчет женщин? — спросил я. — Должен ли я представлять себе, что с момента организации общественной промышленной армии женщины — речь идет, конечно, только о физически вполне здоровых — должны были наравне с мужчинами поступить в ее ряды?

— Там, где женщины имели достаточно работы в своем хозяйстве, они считались состоящими на общественной службе; такой порядок продолжался до тех пор, пока новая кооперативная система не была настолько усовершенствована, что можно было навсегда покончить с вопросом об отдельных кухнях, отдельных, индивидуальных хозяйствах. В других случаях, за исключением тех, в которых какие-либо веские мотивы заставляли допустить отступление от установленных правил, женщины с самого возникновения нового промышленного строя заняли

свое место, как единицы промышленного государства, на одинаковых с мужчинами началах.

Если бы Революция наступила 100 лет тому назад, когда домашнее хозяйство считалось единственным призванием женщины, такая перемена в обычаях могла бы показаться слишком резкой, но к тому времени женщины успели уже завоевать себе известное место в промышленном и торговом мире, и в эпоху Революции редко можно было встретить среди незамужних женщин из небогатых классов таких, которые не имели бы какого-нибудь занятия вне дома. Признав женщин в сфере общественной службы столь же ответственными и правоспособными, как и мужчин, новый строй только закрепил за женщинами-работницами самостоятельность, которую они уже завоевали.

— Но каково положение замужних женщин?

— Конечно, — ответил доктор, — бывают периоды, когда замужние женщины и матери в силу естественных условий освобождаются от исполнения общественных обязанностей. Но, сделав такую оговорку, мы должны признать, что в половых отношениях нет ничего такого, что дало бы основание замужним женщинам вести замкнутую и праздную жизнь. Вы должны знать, что при новом строе сами женщины, гораздо больше, чем мужчины, настаивали на том, что они должны наравне с мужчинами делить все обязанности и права, связанные со званием гражданина. Мужчины никогда бы этого не потребовали от женщин. Вы не должны забыть, что одновременно с Революцией шло также движение за расширение сферы деятельности женщин, за освобождение их от разных, связывавших их жизнь пут и за уравнивание их в правах и обязанностях с мужчинами. Одиноким женщины, как и замужние, не могли больше мириться со своим приниженным положением, и главенство мужчин их глубоко возмущало.

Если бы Революция не внесла во взаимные отношения обоих полов элементов равенства и товарищества, которые отчасти стали господствующими уже при старом режиме, она никогда не могла бы рассчитывать на поддержку женщин.

— Но как последние поступали у вас с заботами о детях, о доме и т. д.?

— Матери могли очень скоро убедиться, что общественная служба ничуть не мешает заботиться о благополучии детей. В функции матери, в силу которой устанавливаются известные отношения между ней и ребенком, нет ничего такого, что

должно непременно мешать ей в исполнении ее общественных обязанностей. В сущности, материнские функции не мешали и вашим современницам исполнять другие обязанности, если только их положение позволяло им обеспечить себе помощь со стороны при воспитании детей. Тот факт, что в ваше время женщины более бедных классов, как только становились матерями, должны были навсегда отказаться от личной жизни и от независимого существования, доказывает только все несовершенство вашего социального строя, но отнюдь не должен быть рассматриваем как роковое следствие нравственных и физических законов. То же самое справедливо и по отношению к тому, что вы называли заботами о доме.

Как только принцип кооперации нашел себе применение во всевозможных отраслях домашнего хозяйства и были учреждены соответствующие департаменты общественной службы, прежняя хозяйка поневоле должна была искать себе других занятий.

ЖИЛИЩНЫЙ ВОПРОС

— Кстати, раз речь зашла о хозяйстве, скажите, как на первых порах был разрешен квартирный вопрос? В тот момент, когда все стали экономически равными, по всей вероятности, не оказалось достаточно хороших квартир. Как же решили вопрос о том, кто должен занимать хорошую квартиру и кто плохую?

— Как я уже раньше сказал, — ответил доктор, — главная задача революционной политики заключалась в том, чтобы по мере возможности не слишком осложнять дело социального переустройства такими переменами, которые в данный момент не были существенно необходимы для основной цели. Построить новые дома для тех, которые раньше жили в плохих квартирах, была одной из первых и важнейших задач народа. Квартирная плата в тех домах, где можно было жить, была различная, смотря по величине и удобствам занимаемых квартир. Эту плату жильцы, если хотели оставлять за собой старую квартиру, должны были вносить из своих новых доходов. Плата за небольшие квартиры была номинальная; цена же больших домов, как, например, дворцов миллионеров, была так велика, что ни один человек не в состоянии был купить их, притом было нелегко жить в таких домах без целой армии слуг, а последних никто больше не был в состоянии держать. Подоб-

ные здания служили различным общественным целям, или их превращали в отели, меблированные комнаты и тому подобное. В сущности, пришлось переменить свои квартиры только очень бедным, дома которых были признаны совершенно негодными для человеческого жилья, и очень богатым, которые не могли бы даже использовать свои прежние квартиры при изменившихся условиях.

КОГДА ОСУЩЕСТВИЛОСЬ ПОЛНОЕ ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАВЕНСТВО?

— Один пункт остался для меня все еще не вполне выясненным: когда именно всем гражданам было обеспечено равное содержание?

— Я полагаю, — сказал доктор, — что это случилось тогда, когда исчезли последние следы частного капитализма и национальное правительство приняло на себя ответственность за содержание всех членов общества. До тех же пор общественная служба была основана на принципе жалованья, потому что этот способ вознаграждения был единственный, посредством которого можно было осуществить план универсальной организации труда в такое время, когда большинство предприятий находилось еще в руках капиталистов и новой, находившейся в периоде роста, системе приходилось часто приноравливаться к старым порядкам. Численность национальной промышленной армии возрастала в течение переходного периода с такой быстротой, что не было возможности подыскать такое основание для равного распределения продуктов, которое годилось бы хотя на две недели. Политика правительства заключалась в том, что оно постепенно подготавливало своих служащих к равному распределению благ. Достигало оно этого тем, что все занятия, насколько это было возможно, оплачивались одинаково. Благодаря необыкновенной дешевизне, которая явилась результатом упразднения системы доходов, от этой меры ничье жалованье не пострадало.

Предположим, например, что один рабочий зарабатывал в день 2 доллара, а другой — $\frac{1}{2}$ доллара. Благодаря дешевизне продуктов в общественных складах на эти деньги можно было приобрести вдвое больше товаров, чем прежде. Для того чтобы первоначальная разница в заработках обоих не прогрессировала вместе с увеличением жалованья, прибавки выдавались

обоим рабочим в одинаковых размерах. И так как оба пользовались теперь гораздо большим благосостоянием, чем раньше, то различие в их экономическом положении постепенно уменьшалось. Тот, чей труд оплачивался лучше, не мог восставать против такого порядка вещей, как против чего-то несправедливого, так как прибавки к жалованью являлись отныне не результатом личных усилий, а следствием системы, от которой никто не мог требовать для себя больше выгод, чем их получали другие.

Таким образом этот процесс постепенного нивелирования жалований подготавливал почву для равномерного распределения благ. И мы видели, что нивелирование, о котором мы говорим, достигалось посредством поднятия уровня заработной платы, а не понижения его. Что касается больших окладов, которые при капиталистическом строе получали отдельные специалисты и которые далеко превышали обыкновенные размеры заработной платы, то они совершенно исчезли в самом начале Революции. Но самым радикальным нововведением было не установление равномерной заработной платы, а провозглашение того принципа, что все члены общества, независимо от возраста и работоспособности, имеют право на одинаковую долю в народном богатстве.

Во время переходного периода правительство только в силу необходимости следовало примеру капиталистов и в своих мероприятиях имело в виду лишь рабочую часть населения. Только под давлением необходимости оно проявляло к женщинам-неработницам, старикам, детям, увечным, инвалидам, больным и всем, которые зависели от рабочих, такое же отношение, какое в свое время проявляли капиталисты. Но когда народ сосредоточил в своих руках все экономические средства страны, он стал применять на практике тот принцип, который был провозглашен еще в великой Декларации, но в жизни совершенно игнорировался прежней Республикой, а именно что все люди имеют равное право на жизнь, свободу и счастье и что обязанность правительства заключается только в том, чтобы способствовать осуществлению этого права. Очевидно, что непосредственный логический вывод из этого принципа заключается в необходимости гарантировать всем одинаковые экономические права. Отныне все совершеннолетние и работоспособные люди должны были поступить на общественную службу, если они желали пользоваться благами новой экономической системы. Кроме того, все те, которые признавали новый порядок вещей, независимо от того, были ли они способны или

не были способны оказывать обществу какую-либо пользу, имели право на одинаковую долю в народном богатстве. Этим же правом пользовались и дети, интересы которых, таким образом, были ограждены от ущерба, которой им мог бы нанести каприз или эгоизм их родителей.

Непосредственным результатом этого нововведения было то, что действительные рабочие стали получать меньший доход, чем когда они являлись единственными участниками в доходах производства. Но если они были добрыми людьми и хорошо относились к тем, которые зависели от них, они и раньше делили с ними свои заработки, так что теперь у них все-таки после дележа оставалось столько же, сколько прежде. Только те рабочие, которые были совершенно одиноки или игнорировали нужды зависевших от них людей, терпели в данном случае и вполне заслуженно известный ущерб. Впрочем, даже и для этих людей ущерб был чувствителен только в течение короткого времени: как только новая экономическая организация прочно утвердилась, никто не стал больше интересоваться размерами чужих доходов, а каждый был занят мыслью о том, на что израсходовать свой собственный заработок.

Экономическое уравнивание всех граждан положило конец частному капитализму. Если кто-либо захотел бы лично для себя иметь служащего, то он должен был бы платить ему столько, сколько он сам получает на общественной службе, то есть наш воображаемый хозяин должен был бы отдать своему служащему все свои заработки, ничего не оставляя для себя.

ОКОНЧАТЕЛЬНАЯ РАСПЛАТА С КАПИТАЛИСТАМИ

— Мне бы хотелось выяснить себе еще следующий пункт, — сказал я. — Когда народ получил абсолютную неограниченную власть над всеми землями, орудиями производства и капиталами страны, должен был состояться какой-либо расчет между ним и теми лицами, чьи богатства были экспроприированы в его пользу. Как был произведен этот расчет? Что было положено в его основание?

— Мысль о расплате народ отверг, — ответил доктор. — Виселица, гильотина, пулеметы не играли никакой роли в завершении великой Революции. В предыдущие фазисы революционного движения нередко раздавались грозные речи о том, что народ, когда пробьет час его победы, привлечет к ответственности

всех капиталистов за их преступления, совершенные ими в прошлом. Но порыв доброго человеческого чувства, который покрыл народ вечной славой, потушил весь огонь ненависти и заставил умолкнуть голос бесплодной мести; мысль о расплате была отвергнута: прошлое было предано забвению.

— Доктор, — сказал я, — вы дали вполне удовлетворительный ответ на мой вопрос, и это тем поразительнее, что вы не поняли его смысла. Не забудьте, что я являюсь представителем умственного и нравственного мировоззрения капиталиста 1887 года. Я, собственно, хотел узнать, какое вознаграждение получили капиталисты при национализации их собственности. Но, как видно, с точки зрения XX века не капиталисты, а народ при конечной расплате имел право предъявлять счет.

— Моему самолюбию очень льстит, когда мне удастся уловить вашу точку зрения и отличить ее от нашей, — возразил доктор, — но в данном случае, признаться, я совершенно не понял вас. Как видите, поразительнейшая черта Революции — это великодушие, которое народ проявил в час своего торжества. Ведь ясно, что в этой тяжбе или правы были капиталисты, и, значит, вся вина падает на революционеров, или же, наоборот, правы были революционеры, а капиталисты были виноваты и жестоко виноваты; но в таком случае разве капиталисты не должны были скорее вознаградить народ за все то зло, которое они причинили, чем требовать вознаграждения за то, что народ лишил их возможности продолжать это зло? Если бы народ вздумал купить свободу у прежних господ на каких бы то ни было условиях, этим он санкционировал бы справедливость своего прежнего рабства. Когда восставший раб выходит из борьбы победителем, он не станет выплачивать своему тирану за разбитые оковы и цепи: его бывший хозяин сочтет великим счастьем для себя, если у него голова на плечах останется целой. Если бы в тот момент, о котором идет речь, капиталисты возбудили вопрос о вознаграждении, это могло бы кончиться для них самым роковым образом. На вопрос капиталистов: кто вознаградит их за те богатства, которые народ отнял у них? — народ мог в свою очередь ответить вопросом: кто вознаградит его за все то, что в течение веков капиталисты отнимали у него, за право на жизнь, свободу и счастье, которого лишены были, благодаря капиталистам, столько поколений? Как видите, счет вышел бы таким запутанным и так далеко пришлось бы углубляться в прошлое, что должники были бы рады, если бы его совершенно не предъявляли. Приняв в свое владение землю со

всем тем, что на ней было сооружено человеческими руками, народ получил только свое законное наследие, плоды своих собственных трудов, которые были у него отняты обманным образом. Когда настоящие наследники вступают во владение своим наследством, от которого их всячески устранили дурные управляющие, последние должны считать своих новых хозяев очень великодушными, если с них не взыскивают за прошлое.

Но мысль о вознаграждении капиталистов за прекращение тирании является не только абсурдной с нравственной точки зрения, она и в практическом отношении не выдерживает критики. Вознаградить капиталистов, то есть дать им при новом порядке вещей какой-либо экономический эквивалент их прежних богатств, — значило бы восстановить частный капитализм самым актом его разрушения и сделать бессмысленными все упования на Революцию в момент ее полного торжества.

Надеюсь, теперь для вас ясно, что последняя и величайшая из всех революций отличается от предыдущих полнотой и законченностью того дела, которое она была призвана выполнить. В прежние эпохи, когда правительство уничтожало какие-либо формы собственности или обращало ее в общественное достояние, оно всегда находило возможным вознаграждать тех граждан, у которых она была отнята, какой-либо другой формой собственности, и таким образом экономическое положение последних меняло только свой внешний вид, но, по существу, оно оставалось тем же, чем оно было прежде. Так, например, отбирая землю, правительство платило за нее деньгами, отменяя рабовладельческое или крепостное право, оно уплачивало собственникам за рабов, так что прежние права или привилегии собственника не уничтожались, а только меняли, так сказать, свою терминологию.

Совершенно иными были результаты великой Революции: имея главной своей целью полное упразднение всевозможных форм господства, личных преимуществ и приобретенных прав, она навсегда лишила капиталистов возможности воскресить в какой бы то ни было форме свое прежнее привилегированное положение. Предшествовавшие революции одна за другой уничтожили все формы порабощения человека человеком; осталась лишь одна экономическая форма рабства и теперь, когда и этот приют человеческого эгоизма и властолюбия был разрушен, последнее не нашло себе более убежища.

— Ваше объяснение не оставляет больше никаких вопросов относительно того, как произошло соглашение между народом

и капиталистами, — сказал я. — Я полагаю, однако, что при первых попытках замены частнокапиталистической системы общественной, которые заключались в национализации или муниципализации таких квазиобщественных предприятий, как железные дороги, телеграф и пр., теория компенсации была еще в обращении. Общественное мнение, в этой стадии развития не усвоившее еще всей революционной программы, настаивало, вероятно, на применении этой теории. Можете ли вы мне сказать, когда она была окончательно отвергнута?

— Нетрудно понять, — ответил доктор, — что по мере того, как идея всеобщего экономического равенства осуществлялась в жизни, все более смешной должна была казаться мысль об уплате капиталистам за их собственность в такой форме, которая, как всем было уже ясно, вскоре должна потерять всякую ценность. Таким образом, к концу великой Революции план выкупа владений капиталистов был оставлен. За все предприятия и имущества, которые были отняты у капиталистов в пользу общества, в первые фазисы революционного движения платили очень хорошие цены деньгами или акциями, но в последующий период, когда процесс национализации коснулся более крупных предприятий, как, например, железных дорог и рудников, стали применять другие приемы. К этому времени общественное мнение уже настолько созрело, что все, даже самые недалёковидные люди, больше не сомневались в том, что революционная программа во всех своих пунктах вполне осуществима и что денежные знаки, в виде ли монет или акций, должны вскоре потерять всякую ценность. При таких перспективах капиталисты не должны были особенно охотно продавать свою собственность в обмен на национальные акции, даже если бы народ согласился купить у них. Но если бы даже капиталисты согласились принимать облигации, народ никогда не захотел бы увеличить национальный долг на сумму в 5–6 миллиардов, которая понадобилась бы для покупки. Вот почему ни железные дороги, ни рудники не были выкуплены. Ведь, собственно говоря, народ возмущался не тем, что капиталисты владеют этими предприятиями, а тем, как они ведут свои дела. В данном случае не владение собственностью, а способ заведывания ею вызывал со стороны народа требование ее национализации. И поэтому не собственность была обобществлена, а было обобществлено управление этой собственностью. Обиды переполнили чашу народного терпения, и правительство, выставив высшие требования общего блага, на первых порах взя-

ло в свои руки заведение железнодорожным делом. Материалы и постройки были подвергнуты самой справедливой оценке, и если дорога оказывалась доходной, владельцам облигаций выдавался самый скромный процент. Благодаря такому приему как народ, так и собственники облигаций одинаково были ограждены от эксплуатации или невежества частных предпринимателей, а вместе с тем были переведены на общественную службу миллион железнодорожных рабочих, которые могли теперь пользоваться всеми выгодами новой организации. В этом отношении, следовательно, результат принятой правительством системы был такой же, как если бы железные дороги были куплены у капиталистов. Та же система была применена и по отношению к рудникам и каменноугольным копям. Подобная комбинация частного владения с общественным заведением господствовала до тех пор, пока Революция не сказала своего последнего слова, так как пока капиталы всей страны не были национализированы путем ряда понятных для народа мероприятий. Главный принцип революционной тактики по отношению к собственникам заключался в том, что хотя господствовавшие понятия о собственности были признаны несостоятельными с нравственной точки зрения, а распределение богатств несправедливым, тем не менее до окончательного водворения нового строя законные права собственников уважались, и все меры были направлены лишь к ограждению народа от злоупотреблений и жестокого произвола. В силу того же принципа частные средства к существованию ни у кого не отнимались до тех пор, пока они не могли быть заменены гарантией содержания на общественный счет. Применение этого принципа со стороны революционеров нельзя не признать актом вполне логичным и целесообразным. Как бы ни были дурны старые законы о собственности, революционеры добивались их отмены не для того, чтобы на их место поставить произвол, хищение и хаос, а для того, чтобы установить новые, более логичные и вместе с тем более справедливые законы.

В период наивысшего расцвета капитализма преступление, которое называлось тогда воровством, не так строго преследовалось, как в дни, непосредственно предшествовавшие окончательному водворению новой системы.

— Я позволю себе вкратце резюмировать ваши объяснения по данному вопросу, — заметил я. — При переходе от старого строя к новому с богатыми случилось — и в силу обстоятельства иначе не могло случиться — то, что случалось с ними,

когда они умирали: в том и другом случае они должны были оставить все свои деньги позади.

— Ваше сравнение вполне соответствует действительности, — рассмеялся доктор, — за исключением одного весьма важного пункта: в то время, как переход из этого мира в другой не представлялся для богачей особенно заманчивым, в нашем случае чрез каких-нибудь 6 лет после того, как утвердилось новая экономическая система, нельзя было уж найти ни одного экс-миллионера, который бы не согласился с тем, что и его жизнь, и жизнь всего того класса, к которому он принадлежал, сделалась настолько же осмысленнее и счастливее, как и жизнь всех остальных членов общества.

— Неужели новый строй сразу стал функционировать в полном объеме?

— Конечно, он не был так совершенен, как теперь, столько лет спустя. Главным фактором материального благосостояния каждого общества являются личные свойства его членов, и потому только тогда, когда созрело первое, народившееся при новых порядках, поколение — поколение, получившее самое высокое интеллектуальное и промышленное воспитание, — новая система могла проявить все таившиеся в ней возможности. Двух лет не прошло, как правительство приняло весь народ на общественную службу, предоставив каждому право на пользование равной долей народного производства, и новая система успела уже поразить мир необычайностью достигнутых результатов. Уже частичная система общественной промышленности и общественных складов, которую правительство ввело при старом строе, показала народу, насколько продукты могут выиграть в смысле дешевизны и доброкачественности, даже при сохранении старой системы заработной платы, благодаря лишь отмене прибыли. Но коренное понижение цен и равномерное распределение продуктов было достигнуто лишь тогда, когда принципы национализации и кооперации восторжествовали во всех отраслях промышленности и торговли. Все, что было достигнуто предыдущими опытами, оказалось только слабым намеком на изумительные последствия, к которым привела деятельность нового экономического механизма. Раньше народ полагал, что реформаторы возлагают преувеличенные надежды на новую экономическую систему, и недоверчиво относился к их обещаниям, а теперь тех же реформаторов упрекали в том, что они скрывали от народа всю истину. А между тем, если бы люди заранее дали себе труд сообра-

зять все последствия, к которым должен привести коренной переворот в промышленной системе, они бы не были так поражены блестящими экономическими результатами, достигнутыми применением в промышленности новых принципов. Те неисчислимы богатства, которые давно бы принесли миру открытия и изобретения, если бы этому не помешала система прибылей, были теперь собраны человечеством в одной поразительно обильной, хотя и долгожданной жатве. При системе прибылей все было направлено к тому, чтобы не производить слишком много; при системе же равномерного распределения трудная задача производства заключается в том, чтобы количество продуктов всегда было достаточно. Прежде ничтожность спроса ограничивала предложение, теперь спрос создает для производства безграничные горизонты. При капиталистической системе спрос был подобен уродливому карлику, который должен был водить гиганта-производство. Кооперативная система придала карлику крылья и надела ему на ноги сандалии Меркурия. Отныне гигант должен был напрягать все свои силы, свои железные мускулы и медные жилы для того, чтобы поспеть за летающим карликом. Не нахожу достаточно ярких слов для того, чтобы обрисовать вам то воодушевление, с которым обновленный народ на другой день после Революции принялся за выполнение великой очередной задачи — поднятие благосостояния всех классов до такого уровня, чтобы прежние богачи, делившие теперь общую со всеми участь, не имели повода жалеть о своем прошлом. Более титанических подвигов история не знала раньше, и навряд ли что-либо подобное может опять повториться.

В прошлом народ всегда нуждался в работе.

Миллионы людей богатых и бедных, одни добровольно, другие вынужденно, оставались праздными. Мало того, даже та работа, которую люди делали, наполовину была непроизводительной благодаря конкуренции и производству ненужной роскоши для кучки людей в то время, как самые элементарные потребности массы оставались неудовлетворенными. Праздные машины, равные по своей силе соединенным усилиям миллионов людей, праздная земля, праздный капитал во всех видах, а рядом с ними вопиющая нужда; не было ли все это злой насмешкой? И вдруг вся картина сразу изменилась: чтобы достигнуть великой цели, к которой стремился народ, — сделать комфортабельную жизнь доступной каждому — пришлось выполнить такую огромную работу, что рабочих рук в стране

оказалось недостаточно, недостаточно было число машин, недостаточно казалась энергия пара, электричества, недостаточно часов в течение рабочего дня, недостаточно дней в течение недели. До тех пор, пока не все могли наслаждаться полным благосостоянием, пока не все могли жить в хороших квартирах, хорошо питаться, хорошо одеваться и пр., — до тех пор никто не мог в отдельности при новом порядке вещей пользоваться материальными благами.

Говорят, что в первый год по водворении нового режима производство страны против прежних лет утроилось, а во второй год производство предыдущего года удвоилось и, несмотря на этот колоссальный рост, явился спрос на все продукты.

Хотя первые годы Революции ознаменовались главным образом улучшением материальных условий жизни, то есть упрочением того фундамента, на котором только и возможно было воздвигнуть новое социальное здание, прогресс все-таки наблюдался и в других областях: нравы смягчились и облагородились, во взаимных отношениях и манерах явилось особенное радушие, и эти черты были не менее заметны, чем экономический подъем. На первых порах классовые разграничения, унаследованные от старого порядка, привитые воспитанием и санкционированные культурой и обычаем, должны были до известной степени проявляться и между членами того поколения, которое очутилось при новых условиях, но и эти люди уж сознавали, что основа для подобных разграничений исчезла навсегда и что дети их будут равны между собою не только в экономическом, но и в нравственном и интеллектуальном отношении, что они будут связаны взаимной симпатией и общностью интересов, — и это сознание имело такое влияние на современников переворота, что оно сблизило и преисполнило братских чувств всех тех, которые были уж слишком стары и не могли надеяться на то, чтобы увидеть своими глазами полное осуществление всех надежд, связанных с Революцией. Следует отметить еще одно обстоятельство, которое явилось результатом всеобщего материального благоденствия, а именно то, что народ совершенно забыл те мелочи, которым он так недавно придавал такое значение, как, например, разница в заработной плате или жалованье. В старые времена всеобщей бедности было так трудно добиться обеспеченного существования, что какая-нибудь ничтожная разница в заработной плате в 50 центов или 1 доллар казалась рабочему такой огромной, что он не мог даже понять идеи экономического равенства, которая должна упразднить все такие

важные отличия. И это вполне естественно. Люди борются из-за хлеба, когда они умирают с голоду, но они не ссорятся из-за него, когда сидят за пиршественным столом. Не то же ли самое произошло через несколько лет после Революции, когда материальное благоденствие и комфорт сделались обычным явлением и стало бессмысленным копить деньги для будущего? Естественно, что голод теперь не служит более стимулом деятельности, а чувство жадности, которое среди царящего изобилия могло бы вызвать одни насмешки, совершенно атрофировалось. Душою современного рабочего владеют иные импульсы: честолюбие, радость от сознания приносимой пользы, восторг художника, блаженство альтруизма. Труд окружен ореолом славы и пресмыкающийся наемный раб XIX столетия преобразился в рыцаря человечества!

Глава XXXVIII «КНИГА СЛЕПЫХ»

Тот, кто вздумал бы на основании написанного на предыдущих страницах судить о предмете моего постоянного внимания, поглощавшем все прочие интересы дня, без сомнения, предположил бы, что я всецело был погружен в изучение современных политико-экономических и социально-философских вопросов. Но я должен оговориться, что подобное заключение сильно грешило бы против истины. Хотя я действительно с восторгом отдавался этому занятию, тем не менее оно играло в моей жизни очень бледную и прозаическую роль в сравнении с тем жгучим интересом, который возбуждала во мне старая, но вечно новая история, где действующими лицами являлись я и дочь доктора — история, легкие намеки на которую можно было встретить в этой книге. Я не счел нужным подробнее излагать ее, так как она всем знакома или, по крайней мере, должна была бы быть знакома по личному опыту.

Милейший доктор был, очевидно, прекрасно осведомлен относительно обычного течения подобных историй, так как он вполне правильно предположил, что моя история достигла своей кульминационной точки — того пункта, когда все прочие интересы, по крайней мере на время, отходят на задний план. Нет сомнения, что подобного рода соображение руководило им, когда он в своих беседах со мной старался дать мне возможно полное и гармоничное представление о современных учреждениях

и господствующих принципах, насколько это позволяла ему, с одной стороны, обширность темы, а с другой — недостаток времени.

Только спустя несколько дней после того, как он изложил мне историю переходного времени, нам представился удобный случай для новой продолжительной беседы.оборот, который доктор придал на этот раз нашему разговору, явно указывал на то, что он им намерен заключить серию наших бесед.

В этот вечер я и Юдифь вернулись домой позже обыкновенного. Расставшись с ней, я направился в библиотеку; там был свет, и это указывало на присутствие доктора. Когда я вошел в комнату, я застал его сидящим над старой книгой, страницы которой от времени пожелтели. Заглавие своей странностью бросилось мне в глаза:

— «Книга слепых», соч. Кенло, — прочел я. — Какое странное заглавие!

— Да, это название странной книги, — сказал доктор. — «Книга слепых» составлена сейчас после торжества Революции около 100 лет тому назад. Все чувствовали себя счастливыми, и народ в упоении победы готов был простить, и действительно простил, все грехи капиталистам и ученым, которые так долго своим жестоким упорством делали невозможным благотельный переворот. Проповедники, профессора, писатели, которые прежде громили, критиковали и поносили Революцию, громче всех пели ей теперь хвалу и ничего так сильно не желали, как забвения своего прошлого. Но Кенло, побуждаемый известным чувством ригоризма, полагал, что справедливость требует сохранить для потомства память об этом прошлом. С этой целью он с большим старанием собрал огромное число выдержек из различных спичей, речей, книг, газетных статей, в которых защитники частнокапиталистической собственности отстаивали в течение длинного периода революционной борьбы господствовавшую экономическую систему и приводили аргументы против принципа экономического равенства. Этими выдержками Кенло хотел покрыть несмываемым позором в глазах грядущих поколений тех слепых руководителей народа, которые все свои силы направляли к тому, чтобы нашу нацию и весь мир низвергнуть в пропасть. Он предвидел, что наступит время — и оно действительно настало, — когда потомкам покажется невероятным, чтоб разумные и, даже больше того, ученые люди могли оказывать противодействие проведению такой меры, которая должна была привести к всеобщему счастью. По мысли

Кенло, его книга должна была служить для будущих поколений вечным памятником позорного прошлого. Нельзя отрицать, что он проявил суровую жесткость, увековечив прошлое своих современников, страстно желавших, чтобы оно было предано забвению. Можно представить себе, как они проклинали автора, когда книга была обнародована. Надо, однако, отдать справедливость, что никто в такой степени не заслужил вечных упреков, как эти люди.

Когда я вчера наткнулся на эту книгу, стоявшую на верхней полке нашей библиотеки, я подумал, что она может послужить вам прекрасным дополнением к изучению эпохи великой Революции, так как она дает возможность выслушать и другую сторону в роковом споре, ту именно сторону, к которой принадлежали вы, капиталисты; в ней собраны все доводы, которые они в состоянии были привести против стремлений открыть всем людям одинаковый доступ к счастью.

Я подтвердил доктору, что книга меня действительно глубоко заинтересовала. В самом деле, я чувствовал себя до такой степени натурализованным американцем XX века, что мне казалось прямо пикантной мысль о том, что снова откроется предо мной моя прежняя точка зрения — взгляд капиталиста XIX столетия.

— Так как я предвидел, что вы примете мое предложение, — сказал доктор, — я заблаговременно приготовил, пользуясь лекцией Кенло, небольшой перечень важнейших возражений, разбору которых, если вам угодно, мы посвятим этот вечер. Конечно, в книге мы найдем их гораздо больше, чем я процитирую, но многие из них или представляют различные вариации одной и той же темы, или же касаются таких сторон, которые уже подверглись разбору в наших беседах.

Я расположился поудобнее, и доктор продолжал:

ВОЗРАЖЕНИЕ С АМВОНА

— В ваше время священники претендовали на звание руководителей народа, и мы, воздавая дань этим претензиям, рассмотрим в первую очередь главные аргументы, которые эти люди с амвона выставляли против системы, основанной на принципе всеобщего экономического равенства. В сущности, эти аргументы представляли собою не столько прямые нападки на новую экономическую систему — нападки, которые

были бы неуместны со стороны людей, называвших себя христианами, так как система эта является логическим развитием евангельского учения, — они, скорее, носят характер защиты против обвинения в равнодушном отношении к современным социалистическим идеалам. Служители Церкви утверждали, что основная причина всех общественных бедствий коренится в греховности и испорченности человеческой природы и поэтому никакие усовершенствования форм общежития и социальных учреждений не в состоянии вызвать существенного улучшения социальных условий, если одновременно не произойдет благотворной перемены в человеческой нравственности. Пока такое нравственное возрождение не наступило, говорили они, самые совершенные социальные системы останутся безрезультатными, так как они принесут не лучшие плоды, чем предшествовавшие им, раз во главе их будут стоять мужчины и женщины, которые в нравственном отношении не выше своих предков. Доля истины, которая заключается в этом аргументе, может быть выражена так: употребление, которое индивидуум или общество в состоянии сделать из данной идеи, орудия или учреждения, в значительной степени зависит от того, в какой мере они всем своим прошлым подготовлены к пониманию и правильной оценке этих вещей.

Если верно это положение, то не менее верно и другое, которым священники не должны были пренебрегать, а именно что как только умственное и нравственное воспитание народа подготовило его к пониманию и оценке лучших учреждений, введение последних могло явиться величайшим благодеянием для нации.

Возьмем, например, идею религиозной свободы и демократии. Было время, когда человечество еще не в состоянии было проникнуть или сделать из них надлежащее применение: формальное воплощение этих идей в учреждениях не принесло бы тогда никакой пользы. Но затем настала эпоха, когда человечество оказалось вполне подготовленным к восприятию этих идей и реализации их при помощи новых социальных учреждений, что знаменует значительный шаг вперед по пути цивилизации.

Я хочу сказать, что, если, с одной стороны, бесполезно вводить новые учреждения, к которым народ еще недостаточно подготовлен, то, с другой стороны, нации наносится великий ущерб, когда искусственно задерживают или отказываются произвести необходимые реформы, несмотря на то что народ доказал свою зрелость.

Таков основной закон прогресса. На практике пред нами выступает, следовательно, такого рода вопрос: каким критерием должны мы в каждом конкретном случае руководиться, чтобы верно определить, в состоянии ли народ сделать целесообразное применение из данной реформы, или же она является преждевременной? История свидетельствует, что единственным критерием зрелости народа служат размеры и настойчивость его требований. Когда народные массы начинают громко добиваться свободы религии и совести, то это означает, что они достаточно к ней подготовлены. Когда нация настойчиво требует введения народного представительства, это означает, что такая реформа назрела. Я не хочу этим сказать, что в подобных случаях народ уже в состоянии наилучшим образом использовать новые учреждения: лишь опыт жизни и сама практика этих учреждений научат его этому искусству; другого пути не существует. Истина заключается в том, что при известном умственном состоянии народа старые учреждения становятся непригодными, и, хотя бы на первых порах новые учреждения функционировали и не вполне успешно, их введение необходимо для блага народа, и всякое противодействие реформам является в такое время противодействием прогрессу.

Прилагая указанный критерий к общественному строю конца XIX века, спросим себя, можем ли мы привести какое-нибудь свидетельство в пользу того, что мир был тогда подготовлен к радикальному перевороту, к устроению жизни на более гуманных началах? Такое свидетельство существует: мы находим его в характере народных запросов, их широте, постоянстве и настойчивости, в том глубоком и могучем движении, которое охватило весь цивилизованный мир. Движение это должно было служить предостережением для служителей Церкви, которые с такой силой противодействовали стремлениям народа к лучшей жизни; они должны были бы понять, что борьба против народа при известных условиях становится борьбой против Бога.

В самом деле, какое нужно было еще более убедительное доказательство, что мир нравственно и интеллектуально перерос старый экономический строй, чем те проклятия и единодушные крики негодования, которые вызывали преступления и ошибки этого строя? Позволительно ли было сомневаться в том, что нация настолько созрела, что необходимо было, по крайней мере, попытаться осуществить в общественной жизни более благородные принципы, позволительно ли было сомневаться в этом тем, на глазах которых дух гуманности и филантропии

достиг такого развития, а огромные массы человечества были охвачены страстным влечением к новым идеям социальной солидарности и всемирного братства народов? Если бы служители Церкви, строившие свои доводы против Революции на том положении, что самые совершенные учреждения бесполезны, когда одновременно не совершенствуется характер человека, если бы они были искренни в своих выражениях, они должны были бы признать, что в ясно выраженной воле народа мы имеем самую надежную гарантию успешности реформ, какой только можно желать.

Но в их искренности позволительно усомниться. Они представляли себя носителями Христова учения — того учения, которое проповедует ненависть к старой жизни и стремление к новой, лучшей. Но если бы они искренно исповедовали это учение, они должны были бы с энтузиазмом откликнуться на призыв народа к свержению старых форм и замене их новыми, более разумными и более справедливыми. А между тем вот приблизительно с какими словами они обращались к народу. «Да, — говорили они, — вы правы: настоящий экономический и социальный строй, безнравственный и антихристианский, действует развращающим образом на тело и душу человека. И тем не менее вы не должны пытаться изменить свою жизнь к лучшему, так как вы недостойны еще лучшего. Пока ваша душа не очистится, вы не можете освободиться от зла».

Легко представить себе, как были бы смущены священники, если бы при них какой-нибудь служитель Церкви вздумал произнести подобную проповедь преступнику, покаявшемуся в своих преступлениях и выразившему отвращение к жизни и желание начать новую. Трудно найти выражения достаточно сильные для того, чтоб достойно охарактеризовать поведение этих господ, которые во имя Христа порицали и осмеивали страстные искания новых путей, ведущих к лучшей жизни, к освобождению от социального гнета, давившего человечество.

УПРЕК В ОТСУТСТВИИ ПОБУДИТЕЛЬНЫХ МОТИВОВ

— Не будем, однако, — продолжал доктор, переворачивая страницы сочинения Кенло, — несправедливы к этим злосчастным священникам, которые, в конце концов, в своем противодействии прогрессу были не более упрямы и слепы, чем другие образованные люди того времени, например экономисты.

Один из главных доводов, если не самый главный, который экономисты XIX века выставляли против программы народной экономической системы, построенной на принципе экономического равенства, заключался в том, что народ, за отсутствием сильных побудительных мотивов, не проявит достаточно трудолюбия и не выполнит необходимой работы. Рассмотрим серьезность этого возражения. При старой системе существовали два главных побудительных мотива для экономической деятельности: один из них действовал на массы, которые кое-как перебивались изо дня в день, без всякой надежды на улучшение тяжелых условий своего существования; другой побуждал людей обеспеченных и богатых прилагать все усилия к накоплению богатств. Первый мотив, благодаря которому рабочий был прикован к своему труду, словно каторжник к тачке, заключался в постоянном давлении нужды или в страхе пред ее наступлением; второй, который вдохновлял богатых, было постоянное желание стать богаче, та страсть, которая пожирала богачей и которая росла в них вместе с ростом их богатств. Наша система, гарантирующая всем материальное благополучие, освободила всех в одинаковой степени от давления нужды и страха перед ней. С другой стороны, никто не может надеяться путем даже самого напряженного труда стать в экономическом отношении сильнее другого. В ваше время утверждали, что такая система не может создать стимулов для трудолюбия, так как члены общества, обеспеченные равной долей в производстве, будут меньше всего заботиться о своем личном участии в нем, и таким образом главный нерв экономической жизни будет умерщвлен. В результате должно получиться то, говорили ваши предки, что всякий будет стараться как можно меньше работать и выполнять лишь минимум обязательных постановлений: система должна будет в конце концов рухнуть, так как в силу принципов, положенных в ее основании, она не может рассчитывать на какой-либо экономический успех.

— Эти доводы кажутся мне вполне разумными, — заметил я, — и я не могу не признать вполне основательным такого рода возражение.

— Ваши друзья, капиталисты, были такого же мнения на этот счет, а между тем их аргумент заключал в себе как нельзя более полное и откровенное признание экономической несостоятельности частного капитализма. Подумайте только, Юлиан, какой приговор мы выносим экономической системе, когда мы заявляем, что при ней народ всегда находится под угрозой

нищеты и голода. Злейший враг частнокапиталистической системы не мог бы придумать более тяжкого обвинения, чем то, которое косвенным образом заключалось в доводах ее защитников. Раз последние признавали, что при господстве отстаиваемого ими режима массы трудящихся осуждены на хроническое голодание, какое еще более убедительное основание нужно было им для того, чтоб решиться, хотя бы в виде опыта, произвести коренные экономические реформы? Поистине трудно было бы придумать систему, которая оказалась бы хуже, чем та, которая в голоде народа находила источник процветания!

— В вашем освещении аргументация моих современников теряет всякую почву, а между тем с первого взгляда она показалась мне чрезвычайно убедительной.

— Очевидно, — продолжал доктор, — что система, обрекавшая народ на хроническое голодание, не могла заключать в себе действительных мотивов для производства богатств, и мы, в сущности, могли бы считать себя свободными от дальнейшего разбора этих мотивов. Но ваши экономисты так рьяно восхваляли стремление стать богатым, как могучий стимул к экономической деятельности, и так сурово осуждали принцип экономического равенства, который считает преступным это стремление, что, быть может, нелишне будет сказать несколько слов по поводу истинной роли, которую играет в экономической жизни страсть к накоплению богатств.

Итак, должна ли была при вашей системе общая сумма народных богатств necessarily возрастать благодаря тому, что ваши богачи без устали стремились к накоплению богатств? Ответ ясен сам собой.

Народное производство могло бы возрастать лишь в том случае, если бы деятельность богатых людей проявлялась в производстве новых полезностей, но так как все их стремления были направлены к тому, чтобы овладеть продуктами уже произведенными и находившимися в чужих руках, то в результате, очевидно, могло получиться только перемещение и новое распределение богатств, а отнюдь не увеличение их общей суммы. Поскольку, следовательно, стремление к накоплению богатств выражалось в приобретении, а не производстве, постольку это стремление, неизбежно связанное с борьбой и раздорами, приводило не к расширению, а сокращению производства. Теперь я предоставляю вам, Юлиан, ответить на следующий вопрос: каким образом ваши удачники, приобретатели больших богатств, те, которые являли собой наиболее яркое воплощение мотива

накопления, получили свои богатства — произвели ли они их сами, или же воспользовались тем, что произвели другие, или же, наконец, вытеснили своих соперников и заняли их места на жизненной арене?

— Первый способ, — ответил я, — без сомнения, редко практиковался. Производство считалось слишком трудным делом. Всякий прекрасно знал, что этим путем не наживешь больших богатств. Те, которые были достаточно ловки, находили другой способ накопления богатств — путем захвата продуктов чужого труда и вытеснения чужих предприятий — более удобным для себя, более легким и быстрее ведущим к цели.

— В литературных источниках мы находим подтверждение ваших слов, — сказал доктор, — но желание стать богатым все же побуждало ваших капиталистов к более или менее производительной деятельности, которая и являлась источником того незначительного богатства, которым вы обладали. Мотивом производства была прибыль, но в классе политической экономии вчера утром нам привели достаточно убедительные доказательства того, что производство ради прибыли было своего рода экономическим самоубийством, так как, ограничивая потребительные средства населения, подавляя и уродуя его производительные силы, оно было причиной хронической нищеты народных масс.

Чтобы покончить с вашими экономическими мотивами, скажу лишь, что мир, освободившись от частного капитализма, а вместе с ним и от этих мотивов, освободился также от народной бедности и системы прибыли, которая ее вызывала. Этого одного достаточно, чтобы составить себе мнение об указанных мотивах. При современной системе совершенно немыслимо, чтобы кто-либо впал в нужду, если, конечно, он намеренно не стремится к этому. Мы считаем страх перед нуждой как мотив к человеческой деятельности столь же бессильным, сколько жестоким. Мы не терпели бы его, если бы даже он сулил нам огромные выгоды. Припомните, что и в ваше время капиталисты больше дорожили теми рабочими, материальное положение которых было таково, что мысль о завтрашнем дне их не угнетала, чем теми, которые нуждались в хлебе насущном. Самоуважение и гордость являлись более действительными мотивами, чем желание получить поденную плату, и если эти мотивы играли известную роль в ваше время, то какую огромную силу они должны были приобрести при новом строе! Какое было дело вашему рабочему до того, что его товарищи, которые

бок о бок с ним работали, плутовали и бездельничали? От этого терял только предприниматель. Но теперь, когда труды всех направлены к обогащению общественного фонда, тот, кто избегает работы или недобросовестно выполняет ее, обкрадывает своего товарища. Всякий из нас предпочел бы скорее покончить с собою, чем заслужить репутацию лентяя.

Что касается замечания, что принцип экономического равенства может парализовать главный нерв промышленной жизни — трудолюбие, так как он отрицает за индивидуумом право требовать вознаграждения за усердие в работе, то замечание это обнаруживает только совершенное непонимание внутренних пружин, действующих в нашей системе. Нет ничего более абсурдного, чем это утверждение, будто человека побуждает к соревнованию соблазн денежной награды. Каждый из нас за свои заслуги пред обществом получает награду более действительную и несравненно более высокую, чем та, которую вы выдавали, хотя ее и нельзя разменять на деньги. Я уже говорил вам, что вся наша социальная и правительственная иерархия, равно как и распределение различных почетных должностей, определяется исключительно ценностью экономических и других услуг, которые граждане оказывают обществу. Никогда старый порядок вещей не мог бы вызвать такого благородного соревнования, какое возбуждает наша современная система почетных наград.

Грубая и наивная теория ваших современников гласила, что люди побуждаются к деятельности главным образом внешними силами, но это неверно: жажда дела, любовь к труду вытекает у нас из внутренних мотивов. Каждый человек — врожденный лентяй или деятель. Первого никакие благоприятные условия и никакие мотивы не заставят совершить работу, превышающую известный минимум, второй, наоборот, всюду отыщет почву, благоприятную для проявления своей деятельной натуры, и всегда найдет мотивы достаточно сильные, чтобы выполнить, если только этому не будут препятствовать какие-нибудь стихийные силы, возможно больший труд. Мотивы к деятельности человек находит внутри себя, в глубине своей души, и никакими силами извне их нельзя ни дополнить, ни заменить. Если эта пружина деятельности не заведена при самом рождении, она никогда уже не может быть заведена.

Самое большее, что может сделать промышленная система для того, чтобы усилить стремление к деятельности, заключается в создании таких условий, которые гарантировали бы каждо-

му справедливую и верную оценку его заслуг. Этой гарантии ваша система, во всех отношениях несправедливая, не могла дать, наша же, наоборот, абсолютно обеспечивает ее. Конечно, и наша система не обладает чудодейственной силой, способной превращать врожденных ленивцев в энергичных деятелей, но все же она гарантирует обществу, что каждый работоспособный человек, получающий от него средства к жизни, выполнит для него определенный минимум работы. Самый ленивый из нас уплачивает обществу за свое содержание. А в ваши дни миллионы праздных тунеядцев ложились тяжелым бременем на народное производство, и только Революция освободила труд народа от этого бремени.

— Доктор, — прервал я, — мои старые друзья, быть может, имели в своем распоряжении более веские возражения. Перейдем к следующим.

ОПАСЕНИЕ, ЧТО РАВЕНСТВО СДЕЛАЕТ ВСЕХ ПОХОЖИМИ ДРУГ НА ДРУГА

— Вот возражение, которое имело в их глазах веское основание. Они утверждали, что проведение в жизнь принципа экономического равенства должно иметь своим последствием нивелирование всех людей, приведение их, так сказать, к одному знаменателю и соответственно этому жизнь должна сделаться до того монотонной, что люди от скуки готовы будут повеситься. Это возражение как нельзя лучше характеризует тот век, который каждую вещь и каждую личность оценивал с точки зрения их денежной стоимости. Люди этого века не могли себе представить, чтобы по устранении экономических различий остались еще другие индивидуальные отличия, достойные внимания. Как это заключение прекрасно отражает всю философию того поколения, которое «достоинство» отождествляло с «состоянием»! На вопрос, как велико состояние данного лица, у вас отвечали; он стоит столько-то тысяч, миллионов долларов.

Вполне естественно, что в глазах людей с подобными воззрениями человечество должно представляться однородной массой, раз банковские чеки у всех одинаковы. Но будем беспристрастны к вашим современникам. Очень возможно, что те, которые выдвигали против экономического равенства упомянутый аргумент, сочли бы себя оскорбленными, если бы им указали, из каких низких предположений они исходили. Можно

думать, судя по некоторым цитатам, собранным в этой книге, что эти люди были искренно убеждены в том, что экономическое равенство путем изменений, характер которых они сами не выяснили себе, превратит человечество в однородный конгломерат, отдельные члены которого будут до тошноты похожи друг на друга: исчезнут все естественные различия талантов и духовные качества людей будут столь же утомительно однообразны, как их чековые книжки. Общественная жизнь потеряет свою прелесть, так как в ней не будет места индивидуальности. Нам теперь с трудом верится, чтоб люди могли в своем воображении так извратить очевидные и естественные последствия экономического равенства. Если б ваши современники дали себе труд взглянуть внимательно в окружающее, они не могли бы не заметить, что именно неравенство заглушает индивидуальность, поощряя рабское подражание высшим, и что, с другой стороны, только в среде равных мы встречаем независимые характеры.

Предположим, Юлиан, что перед вами выстроилась бы рота рекрутов и вы пожелали бы быстро определить различия в их росте. Как вы поступили бы?

— Я бы их поставил на возможно более ровную поверхность.

— Вполне правильно, и нет сомнения, что точно таким же образом поступили бы в этом случае наши противники, а между тем они не замечали, что экономическое равенство должно было играть, по отношению к обществу в его целом, подобную же роль. Одинаковое экономическое благосостояние, одинаковые условия воспитания и добывания средств к жизни были тем ватерпасом, той горизонтальной плоскостью, которые новый строй создал для того, чтоб резче оттенить и лучше использовать индивидуальные особенности. Не новый порядок, а старый заслуживает справедливого упрека в том, что он затемнял и заглушал естественные различия между людьми. Тысячи искусственных условий и случайностей, которые непосредственно вытекали из экономического неравенства, именно при старом строе нередко стирали границу между естественным проявлением индивидуальных качеств и искусственным продуктом насильственного воздействия. Те, которые утверждали, что экономическое равенство имеет тенденцию делать людей похожими друг на друга, охотно называли его нивелирующим процессом. Да, оно действительно таковым оказалось, но не людей нивелировал этот процесс,

а ту почву, на которой люди стояли. Только с утверждением новой экономической системы начинается эра истинного расцвета разнообразных и независимых дарований. Экономическое равенство со всеми вытекавшими из него последствиями сделало впервые возможным применение настоящей антропометрической системы (*antropometric system*), считающейся со всеми индивидуальными свойствами людей.

— Я убеждаюсь, — заметил я, — что все эти возражения наносят более сильные удары тем, которые выставляли их, чем тем, против которых они были направлены.

— Вы правы, — ответил доктор. — В аргументах своих противников революционеры могли бы найти для себя прекрасное оружие. Возьмем, например, другого рода возражение, которое является дальнейшим развитием только что рассмотренного и может быть названо возражением с точки зрения эстетики. Были в ваше время такие, которые утверждали, что человеческая жизнь потеряет весь свой захватывающий интерес и живописную красоту, если из нее выключат контраст между богатством и бедностью. Первый вопрос, который естественно возбуждает это положение, заключается в следующем: для кого, для какого класса этот контраст делал жизнь более привлекательной? Не для бедных, конечно, которые составляли главную массу населения: для них этот контраст служил, как известно, источником невыразимых страданий. Таким образом, этот аргумент в пользу сохранения бедности выражал лишь интересы и желания кучки богачей и счастливых. Это был излюбленный аргумент прекрасных дам: по крайней мере, Кенло вкладывает его в уста представителей высшего общества. Они с величайшим хладнокровием, как если бы речь шла об украшении гостиной, доказывали, что мрачный фон окружающей нищеты необходим для того, чтобы ярче оттенить изысканную роскошь богатых.

Но, помимо своей жестокости, это возражение лишено всякого разумного смысла. Если в исключительных случаях могут встречаться люди с извращенными чувствами, которые находят тем большее наслаждение в своей роскоши, чем ужаснее зрелище окружающей нужды, то, как общее, господствующее правило, наблюдается обратное: счастье человека становится интенсивнее и полнее, если кругом разлито довольство. И ваши богачи не составляли исключения из этого правила: зрелище нищеты и стоны несчастных не только не доставляли им никакого удовольствия, но они делали все, что было в их силах,

чтобы уйти подальше от ужасных картин, и были рады, если могли, хоть на время забыть об их существовании.

Значительная часть возражений против экономического равенства, собранных в этой книге, обнаруживает такое полное непонимание принципов новой экономической организации, что трудно даже понять, какое существует отношение между ней и приводимыми против нее аргументами. Некоторые из них я поэтому совершенно опустил. Однако для иллюстрации подобного рода возражений я приведу одно. Оно построено на том предположении, что новый социальный порядок, совершенно игнорируя индивидуальные особенности и личные склонности, насильственно установит, законодательным путем, регламентацию интимнейших социальных отношений. И многие из писателей, цитируемых у Кенло, считают нужным в каком-то безумном исступлении протестовать против такой невыносимой тирании. Но они мечут свои молнии в воображаемых врагов. При старом порядке, как известно, не было закона, который заставлял бы людей, имевших одинаковые вклады в банках, вступать в ассоциации: новый строй в этом отношении ничем не отличался от старого. Хотя универсальность и утонченность современной культуры создают действительно чрезвычайно благоприятные условия для всякого рода ассоциаций, тем не менее ничто не мешает любому из нас вести самый замкнутый образ жизни, подобно истому цинику древних времен.

ВОЗРАЖЕНИЕ, ЧТО РАВЕНСТВО ПОЛОЖИТ КОНЕЦ КОНКУРЕНЦИИ

— Кенло, — продолжал доктор, — высказывает в одном месте предположение, что, если бы он в своей книге не сохранил тщательно всех этих возражений против экономического равенства, потомство не поверило бы, что их когда-либо серьезные люди могли приводить. Эта мысль Кенло находит себе подтверждение в следующем аргументе, к разбору которого мы приступим.

Этот аргумент заключается в том, что новый порядок должен положить конец конкуренции, а вместе с ней и борьбе за существование.

Но конкуренцию ваши предки считали благотворительным процессом, который якобы способствовал освобождению общества от слабых элементов и развитию и переживанию наиболее совершенных типов, достойных вождей человечества.

Уничтожение конкуренции, в глазах ваших современников, было равносильно уничтожению лучшей воспитательной школы. Если бы ваши современники, сознавая всю несостоятельность и жестокость своей системы, отстаивали ее на том основании, что мир еще не созрел для другой, их довод был бы отчасти понятен, но когда мы узнаем, что такую систему защищали, как весьма желательную с нравственной точки зрения, которой ни в каком случае не следует устранить даже в том случае, если бы это можно было сделать, нашему недоумению нет границ. Что, в самом деле, представляла собою эта система конкуренции, как не безжалостную борьбу за средства к существованию, в которую все были вовлечены и вся пикантность которой обуславливалась тем, что для всего населения средств никогда не хватало, а поэтому побежденным оставалось либо погибнуть, либо сделаться рабами победителей?

Мы не видим никакой разницы между подобной борьбой за средства к существованию и между отстаиванием самой жизни с оружием в руках. Рассмотрим, однако, добросовестно это возражение.

Допустим, что, как бы ни были ужасны отдельные проявления системы конкуренции, она, в общем, представляла собою хорошую школу воспитания, которая вырабатывала совершеннейшие человеческие типы. При таком предположении в ней нашлось бы хоть что-нибудь, что говорило бы в пользу ее сохранения. Но для того чтобы результаты конкуренции, как и всякого другого испытания, представляли собой какую-либо ценность и заслуживали доверия, необходимо одно условие: чтобы состязание велось честно, при одинаковых для всех участвующих условиях. А разве этим требованиям честной борьбы отвечала конкуренция в ваше время?

— Наоборот, — возразил я, — большинство борцов были связаны по рукам и ногам при самом начале борьбы. Различия в экономическом положении обеспечивали некоторым борцам полную победу при самом их выходе на арену борьбы, а другим создавали такие препятствия, которые могли одолеть только особенно одаренные в погоне за богатствами. Получение приза зависело, при таких условиях, не от искусства борца, а от случайности рождения.

— В общем, значит, — снова заговорил доктор, — из всех несправедливых, недобросовестных и лицемерных состязаний, которые когда-либо происходили, под видом ли спорта или серьезной борьбы, ваша система экономического соревнования

была самым отвратительным, и, хотя она называлась системой соревнования, на деле в ней не было ни капли настоящего соревнования, это было не что иное, как грубое и подлое истребление обессиленных и безоружных вооруженными хулиганами. Мы, следовательно, напрасно сравнивали вашу конкуренцию с состязанием в беге, она была далеко не похожа на такой невинный спорт, это была, скорее, борьба на смерть за жизнь и свободу, борьба, в которую весьма многие не решились бы вступить, если бы судьба не вынуждала их принять вызов даже тогда, когда не было никаких шансов на победу.

Древние римляне наслаждались зрелищем кровавого боя, но они, по крайней мере, старались правильно сочетать силы своих гладиаторов. Самые жестокие посетители Колизея осмистали бы представление, в котором борцы представляли бы собою такие неподходящие, неравные стороны, какие противопоставлялись в вашей так называемой борьбе за существование.

— Вы сами не можете понять, доктор, — сказал я, — хотя вы и знаете все это так хорошо из литературы, сколько ужасающей правды в ваших словах!

— Прекрасно. А теперь скажите мне, что необходимо было сделать для того, чтоб уравнивать условия борьбы так, чтобы последняя могла без насмешки называться правильным испытанием конкурентов.

— Было бы необходимо, по крайней мере, — сказал я, — уравнивать тот образовательный и экономический багаж, которым они были снабжены, и те преимущества, которыми каждый из них располагал при выходе на арену.

— Совершенно верно, и это именно то, что предлагали сделать сторонники экономического равенства. Ваши странные современники высказывались против экономического равенства потому, что оно, по их мнению, должно было уничтожить систему конкуренции, на самом же деле с осуществлением этого принципа должна была водвориться настоящая нефальсифицированная конкуренция и в такой совершенной форме, которая до сих пор миру была неизвестна.

— Это возражение напоминает мне австралийский бумеранг.

— Да, это бумеранг, и притом о двух концах, — продолжал доктор, — мы рассмотрели пока только один его конец. Мы видели, что то, что в капиталистическом строе называлось системой соревнования, далеко не соответствовало своему названию и что настоящая правильная конкуренция возможна только при

экономическом равенстве. Но допустим, для доказательства нашей мысли, что старая система была добросовестна и что призы давались тем из соискателей, кто наиболее удовлетворял требованиям борьбы, остается еще вопрос: насколько были желательны те черты, развитию которых способствовала данная система?

Представьте себе, что существует какая-нибудь школа, например для изучения искусства лжи, разбоя, клеветы и обмана, и что в ней очень успешно применяются известные приемы и призы раздаются весьма добросовестно тем ученикам, которые оказались наиболее искусными в избранной специальности; из всего этого навряд ли вы заключите, что такая школа полезна с точки зрения общего блага. Возражение, разбором которого мы сейчас занимаемся, предполагает, что те качества, которые поощряла и награждала система конкуренции, были весьма желательными свойствами, развития которых требовал общественный строй. Следовательно, ваши победители и те, которым доставались высшие призы, должны были быть самыми совершенными типами как в нравственном, так и в интеллектуальном отношении. Было ли так на самом деле?

— Не будьте так саркастичны, доктор.

— Нет, я не буду саркастичен, как ни велико искушение, а буду говорить правду. Скажите, какого мнения был весь современный вам мир о тогдашних загребателях денег? К типу каких людей вы их причисляли? Разве не считалось аксиомой, что образование только мешает успешному ведению дел, и вполне естественно: самое поверхностное усвоение правил гуманности должно было ослабить человека в борьбе за богатство при тех беспощадных условиях, при которых она велась. Те, которым в ваше время доставались лучшие призы, часто похвалялись своим невежеством. Неудивительно, если их неуклюжая внешность и грубые манеры, так мало гармонизировавшие с окружавшей утонченной роскошью, явно шокировали их детей и внуков, что, однако, не мешало последним с радостью наследовать их несметные богатства.

Таков интеллектуальный облик ваших победителей в погоне за богатством, которую вы окрестили неверным названием конкуренции; теперь разберем их нравственные черты. К каким приемам должны были прибегать искатели золота, какие качества они должны были систематически развивать в себе для того, чтобы достигнуть намеченной цели? Всю свою жизнь они проводили в расчетах и вычислениях, в неустанном стремлении

воспользоваться слабостью, нуждой и ошибками других, в настойчивом использовании каждого удобного случая для того, чтобы вернее нанести удар другому; они старались обесценить все то, что должны были купить, и искусственно вздуть цены на то, что им нужно было продать; эгоизм и самый грубый расчет, которые служили в течение всей их жизни во всех их поступках и мыслях единственной путеводной звездой, должны были в конце концов вытравить в них всякое благородное чувство, всякую способность на великодушный порыв, на малейшее самопожертвование. Так вот какие умственные и душевные черты культивировала ваша система безумной погони за богатством, вот какие свойства находили себе блестящее выражение в тех героях, которые получали первые призы в борьбе!

Конечно, число последних было весьма незначительно и если бы только на них распространялось деморализующее влияние вашей системы, то нравственное падение касалось бы немногих. В действительности деморализации подвергалась не одна кучка победителей, но и миллионы побежденных, которые в бешеной погоне за богатством отставали не потому, что были более добродетельны или более разборчивы в средствах, чем их счастливые соперники, а только потому, что не обладали достаточной ловкостью или же судьба им не благоприютствовала. Хотя едва ли один из десяти тысяч успевал в приобретении богатств, но ведь правила борьбы были одни и те же как для добывания необходимых средств к существованию, так и для того, чтобы составить себе большое состояние; приемы, по существу, оставались те же, шла ли речь о старых тряпках или же о приобретении железнодорожной линии. Вся система была так построена, что она в одинаковой степени уродовала душу и сердце как богатых, так и бедных, как баловней судьбы, так и неудачников. Помните ли вы старую сказку о черте, который покупает у людей их души, обещая им взамен земные блага? В этой сказке торг происходит очень добросовестно: человек получает ту плату, на которую он согласился во время торга. Ваша система конкуренции была лживее дьявола: она убивала души всех, а взамен дарила земные блага лишь одному из тысячи.

А теперь, Юлиан, обратите внимание на контраст между тем, что сулила «победа» как победителю, так и побежденным, при старой системе лжеконкуренции и что она означает ныне, при системе действительного соревнования. Победителями в ваше время назывались те, которым удавалось отнять деньги у других. Они даже никогда не претендовали на стремление к

общему благу или общему благоденствию, если же иногда получались такие результаты, то это было чисто случайным явлением. Гораздо чаще обогащение одного приносило разорение другому. Вот почему богатства так часто служили у вас ярлыком бесчестья, а победа в экономической борьбе покупалась ценой позора. Не то мы видим при современной системе конкуренции: победители — это те, которые наиболее содействовали поднятию общего благосостояния. Те же, которым не удалось получить приза, отнюдь не являются жертвами победителей, а, наоборот, последние охраняют их интересы, равно как интересы всех членов общества. Более слабые элементы только выигрывают от того, что в обществе является сильный человек, какой-либо крупный талант, который посвящает себя служению народу. Различные знаки отличия, почетные должности и назначения, которые при нашей системе являются наградой победителю, служат выражением любви и признательности всего общества по отношению к тем людям, которые оказались самыми его ревностными служителями и действительными благодетелями.

— Чем больше я слушаю вас, тем более убеждаюсь, — сказал я, — что именно те черты старого режима, которые его защитники особенно превозносили и в которых они черпали аргументы против новой экономической организации, являются на самом деле самыми слабыми и темными сторонами частнокапиталистического строя.

ВОЗРАЖЕНИЕ, ЧТО РАВЕНСТВО ПОДАВЛЯЕТ НЕЗАВИСИМОСТЬ И ОРИГИНАЛЬНОСТЬ

— Ваше убеждение, — сказал доктор, — найдет себе подтверждение в следующем аргументе, который занесен в наш перечень возражений против экономического равенства. Существовало мнение, что легкий заработок и обеспеченное существование, гарантируемые каждому всей нацией, должны привести к подавлению оригинальности и самостоятельности как в мыслях, так и в поступках; что с осуществлением экономического равенства исчезнут сильные характеры и резко выраженные индивидуальности. Это возражение может быть рассматриваемо как развитие прежнего, доказывающего, что экономическое равенство должно сделать всех похожими друг на друга или же, как следствие того положения, которое мы сейчас привели, а именно что ваша система конкуренции играла

роль школы, в которой развивались характеры. Если я решил, однако, данное возражение выделить и рассмотреть особо, то сделал это именно потому, что противники Революции придавали ему выдающееся значение.

Это возражение легко опровергается теми самими терминами, которыми оно выражено. Как мы видели, оно утверждало, что человек, приобретая независимое материальное положение, теряет независимость мысли. Но если бы я, например, спросил вас, какое экономическое положение в ваше время наиболее благоприятствовало развитию нравственной и интеллектуальной независимости, проявлению самостоятельной инициативы, которая никогда ничего не боится и ни в ком не ищет поддержки; что бы вы на это ответили?

— Я бы, конечно, сказал, что для этого прежде всего было необходимо прочно обеспеченное, самостоятельное экономическое положение.

— Конечно. Но ведь именно эту абсолютную независимость в средствах к существованию и обещал обеспечить каждому новый строй. Как странно звучит заявление, что такой строй должен убить самостоятельность характера. Нам кажется, что из всех сторон новой экономической организации наиболее благотворно повлияла именно эта экономическая обеспеченность, благодаря которой каждый сам себе единственный господин, ответственный только пред своей совестью за все свои взгляды и поступки.

Быть может, сказанного вполне достаточно, чтобы опровергнуть возражение, которое, как я уже заметил, само себя уничтожает; но необыкновенная дерзость защитников старого строя, доказывавших, что любая система должна хуже отстаиваемой ими отразиться на достоинстве и оригинальности человеческого характера, побуждает нас к дальнейшим комментариям. Некоторые дополнительные замечания я считаю тем более уместными, что они затрагивают такую сторону старого режима, на которой мы до сих пор очень мало останавливались. Нам кажется, что самой неприятной чертой частнокапиталистического строя, насколько мы в состоянии только разобраться среди огромного множества ее неприятных черт, была именно та, созданная этим строем, зависимость от одного какого-либо лица или группы, в которой находился каждый из вас при добывании средств к жизни, — зависимость, которая превращалась в низкое, трусливое холопство. Окинем с этой точки зрения беглым взглядом старое общество. Возьмем прежде всего женщин, по-

ловину человеческой расы. Только потому, что они находились в полной экономической зависимости, во-первых, от мужчин вообще, а во-вторых, от своих мужей в частности, только поэтому они были вынуждены в течение всей своей жизни подчинять свою волю воле мужчин и в своих поступках сообразоваться с целым кодексом скучных, мертвящих правил приличия, которыми мужчины определяли их каждый шаг и каждое слово. Но не только ваши женщины были лишены всякой самостоятельности: положение мужчин в ваше время было немногим лучше. Большая часть сильной половины человеческого рода были наемнослужащими и во всем зависели от милости своих хозяев, в силу чего большинство мужчин должны были в своих поступках приспособляться к взглядам и поступкам своих господ, и если им такое приспособление было не по душе, они должны были, по крайней мере, молчать. Вспомните далее вашу систему тайного голосования. Вы считали последнее необходимым для того, чтобы ваши рабочие могли свободно подавать свой голос. Но какое это, в сущности, откровенное признание той кабалы, в какой хозяева держали своих служащих! Возьмите, наконец, ваших коммерсантов, которые сами считали себя выше рабочих. Я имею в виду ваших торговцев, которые зарабатывали средства к жизни тем, что убеждали других покупать у них. Но здесь независимость являлась еще большей фикцией, чем у рабочих, так как для того, чтобы привлечь к себе клиентов, которых они подобоострастно называли патронами, купцу необходимо было быть *нужным человеком* всегда, для всех и во всем и вечно изощряться в искусстве прислуживания.

Пойдем дальше, заглянем в высшие сферы. Мы вправе были бы надеяться, что, по крайней мере, среди образованных классов, среди людей, занятых так называемыми свободными профессиями, мы найдем независимость мысли и слова, но посмотрим, к каким заключениям приведет нас ближайшее знакомство с этими сферами.

Возьмем сначала духовенство, класс религиозных проповедников и священников. Оказывается, что они были наемными слугами у высших представителей Церкви или у конгрегаций, которые платили им с тем условием, чтоб они поддерживали взгляды только своих патронов. Каждое слово, которое сходило с их уст, обсуждалось и тщательно взвешивалось, не заключает ли оно в себе каких-нибудь следов самостоятельного мышления, и, если подозрение оправдывалось, священник рисковал своим местом, которое давало средства к существованию. Возьмите

далее представителей высших отраслей человеческого знания на поприще практической деятельности или в качестве преподавателей с университетской кафедры. Правда, допускалась некоторая свобода в преподавании древних языков, но стоило только учителю взяться за какой-нибудь живой предмет и преподавать его не так, как этого требовали интересы капиталистов, и вы хорошо знаете, какая участь его постигала. Та же картина обнаружится, если мы возьмем издательскую профессию, класс журналистов, которые, в общем, были самым влиятельным элементом среди представителей интеллигенции. Большие газеты XIX столетия составляли такое же чисто коммерческое предприятие, как и мануфактурные фабрики, и журналисты так же не могли свободно высказывать в них своих взглядов, как и ткачи были невольны в выборе узоров для выделяемых ими тканей. Журналистам платили с тем условием, чтобы они отстаивали интересы капиталистов, владельцев газет, а не чьи-либо другие. Между журналистами и духовенством была лишь та разница, что последние проповедовали известные традиционные догматы, первые же должны были при каждой перемене собственника газеты соответственно менять отстаиваемые ими взгляды. Вот вам, Юлиан, та хваленая оригинальность, та смелая независимость мыслей и чувств, то яркое проявление разноцветной индивидуальности, за участь которых так боялись ваши современники в случае перемены экономической системы. Мы согласны с ними, что было бы очень жаль, если бы какие-либо перемены могли сделать независимость характера более редким явлением, чем она была раньше, но опасения эти не имели основания.

— Если все аргументы, — заметил я, — которые могли выставить противники Революции были похожи на те, которые рассмотрены нами, революционерам, я думаю, не стоило большого труда справиться с ними.

— Если иметь в виду логическую силу выставленных возражений, — сказал доктор, — ни одному великому революционному движению не приходилось бороться с более слабой оппозицией. Дело капиталистов было так безнадежно с точки зрения нравственной, политической и экономической, что решительно ничего нельзя было придумать в его пользу, что не могло бы быть с несравненно большим успехом направлено против него. При таких условиях молчание представлялось единственно благоразумной политикой и капиталисты охотно придерживались бы этой политики, если бы народ не

настаивал на том, что они должны представить какие-либо оправдания в виду выставленных против них обвинений. Но из того, что революционерам пришлось бороться со слабой в диалектике оппозицией, еще не следует, что работа, которую им приходилось выполнять, была из легких. Настоящая задача революционеров — задача, которая была под силу только гигантам, — заключалась не в том, чтобы отражать словесные нападки своих противников, а в том, чтоб разбудить инертные массы от их умственной и нравственной спячки и заставить их самих думать за себя.

ПРОДАЖНОСТЬ ЧИНОВНИКОВ КАК АРГУМЕНТ ПРОТИВ НАЦИОНАЛИЗАЦИИ ПРОМЫШЛЕННОСТИ

— Следующее возражение — их осталось не более двух или трех, достойных упоминания, — направлено не столько против экономического равенства самого по себе, сколько против пригодности того механизма, посредством которого принцип экономического равенства должен был быть проведен в жизнь.

Распространение компетенции народного представительства на сферу промышленности и торговли, рассуждали ваши современники, предполагает замещение безответственного контроля частных капиталистов безграничной властью общественной и политической администрации. Так вот, ввиду общеизвестной продажности государственных и общественных деятелей в последней трети XIX века в Соединенных Штатах, — на эту тему мне нет нужды пред вами распространяться, — возникало вполне основательное, по-видимому, опасение, как бы расширение функции правительства, столь доступного подкупу, не явилось безумным, гибельным для народа, шагом.

— Наконец-то, — воскликнул я, — нашлось хоть одно разумное возражение! Я не знаю, каким образом можно опровергнуть его, так как вопиющая продажность нашей администрации вошла в поговорку.

— Без сомнения, — сказал доктор, — продажность существовала, и в довольно почтенных размерах; нельзя также отрицать, что она была источником многих злоупотреблений. Но если мы желаем оценить истинное значение этого факта для принципа национализации промышленности, мы не должны ограничиться одним поверхностным констатированием его, как это делали ваши современники.

Испорченность вашей администрации выражалась в том, что слуги народа злоупотребляли его доверием и во вверенных им отраслях управления руководились не интересами народа, а своими личными интересами, другими словами, на дело народа они смотрели как на свое частное дело, из которого старались извлечь возможно больше для себя выгод.

Такое позорное поведение вызывало единодушное негодование общества, и те из ваших чиновников, которые были доступны подкупу, должны были с большой осторожностью обделывать свои делишки, так как им всегда грозила опасность обнаружения их преступления и соответствующего наказания. Вот почему в ваше время даже при самом испорченном правительстве огромное большинство государственных дел велось честно, в интересах народа, и влияние подкупа на управление страной было, в общем, незначительно и носило случайный характер.

С другой стороны, в чем заключалась теория и практика бесконтрольного хозяйничания в стране капиталистов? Последнее, которым фактически принадлежал контроль над экономической жизнью народа, и не думали скрывать, что стремление к общественной пользе вовсе не входит в их намерения. Они откровенно заявляли, что их политика заключается в том, чтобы с наибольшей для себя выгодой использовать ту удобную позицию, которую они заняли по отношению к обществу.

Но разве такая политика капиталистов не была тождественна со стремлением превратить находившийся в их руках контроль над хозяйственной жизнью страны в источник личных доходов? А между тем, когда ту же политику осмеливались проводить ваши чиновники и общественные деятели, вы объявляли ее преступной, достойной наказания и всеми силами боролись против нее.

Чиновник гордился, если он оставлял свою должность таким же бедным, каким он был, когда он занял ее; капиталист, наоборот, похвалялся, если ему удавалось ловко воспользоваться своим положением и нажать большое состояние. Но от того, что доходы капиталиста считались законными и назывались прибылью, а доходы чиновника признавались преступными и носили позорное название взяток, суть дела не изменялась: результат обеих систем был один и тот же, и прибыль капиталиста обходилась народу так дорого, что и ее с полным правом можно было бы назвать политическим грабежом.

Тем не менее мудрецы из коллекции Кенло поучали народ — и, по-видимому, были люди, которые принимали их слова на веру, — что так как некоторые чиновники, невзирая на все меры предосторожности, которые общество принимает по отношению к ним, умудряются обмануть доверие народа и извлечь из своего положения личные выгоды, то дальнейшее расширение функций общественной администрации грозит нации серьезной опасностью и что-де, наоборот, гораздо безопаснее предоставить капиталистам, открыто совершавшим те самые деяния, за которые жестоко наказывали чиновников, и впредь пользоваться своим привилегированным положением и обогащаться на счет народа.

Представьте себе, что какой-либо владелец поместья, не найдя надежного управляющего, обратился бы к знакомому за советом и тот посоветовал бы ему передать управление имением в руки профессиональных воров.

Каким именем вы назвали бы такого советчика? Но разве не подобные же советы предлагали народу ваши мудрецы?

— Вы хотите сказать, — заметил я, — что продажная администрация пользовалась в сфере государственного управления теми самыми приемами, которые применяли в сфере экономической жизни люди, жадные до наживы.

— Именно так. Разве мы не вправе утверждать, что злоупотребление народным доверием в сфере административной свидетельствовало как о забвении чиновником данной им клятвы, так и об усвоении им «деловой» точки зрения на свой привилегированный пост. Ту же мысль можно выразить иначе: продажный чиновник в своем нравственном падении никогда не опускался ниже того этического уровня, на котором всегда стояли ваши дельцы, совершавшие свои операции беспрепятственно, на глазах всего общества. Близорукость, которую проявили в данном случае ваши современники, прямо непостижима. Я, конечно, не вижу ничего странного в тех строгих требованиях, которые предъявляло ваше поколение к государственным чиновникам, но я отказываюсь понять, почему оно считало нужным игнорировать тот очевидный факт, что капиталисты получали свою прибыль из того же кармана, из которого бесчестные чиновники брали свои взятки; что даже в самых продажных департаментах деньги, которые крали чиновники, составляли лишь ничтожную часть той суммы, которую, в виде прибыли, взымали бы с граждан капиталисты, если бы им поручили ведение

административных дел. Вот все, что можно сказать по поводу этого пресловутого аргумента, посредством которого хотели убедить народ в том, что для него выгоднее оставить ведение всех дел в стране в руках капиталистов, чем довериться общественной администрации, отдельные представители которой в прошлом запятнали себя бесчестными поборами.

Но говоря уж о том, что упразднение системы прибыли вместе с переходом всех промышленных и торговых предприятий в ведение общественной администрации принесло бы огромные выгоды народу даже и в том случае, если бы не исключена была возможность отдельных случаев злоупотреблений, — эти последние не могли иметь места при новой экономической организации. Какое общество, сколько-нибудь уважающее себя, стало бы равнодушно терпеть продажность администраторов и не стремилось бы путем установления бдительнейшего надзора искоренить ее? Но вы спросите: что должно было заставить народ установить подобный контроль? Дело в том, что общество тем ревностнее следит за деятельностью того или другого правительственного агента, чем важнее интересы, которые ему вверены. Система подкупа процветала преимущественно в тех правительственных департаментах, с которыми народные массы редко приходили в соприкосновение. Не стоило доверить общественной администрации жизненные интересы народа, непосредственно затрагивающие различные стороны его благосостояния, и на отсутствие самого деятельного контроля со стороны граждан нельзя было пожаловаться.

Если бы противники присвоения общественной властью экономических функций были дальновиднее, они бы поняли, что в борьбе с продажностью чиновников, внушавшей им такие тяжелые опасения, передача промышленных и торговых предприятий в руки народа является единственным действительным средством.

Близорукость этих людей тем более поразительна, что из всех видов политического подкупа в Америке самым опасным для народа был практиковавшийся крупными предпринимателями и синдикатами подкуп высших чиновников законодательных учреждений с целью удержать за собой льготы и привилегии. Пред этой формой бюрократической продажности бледнели все другие грубые виды подкупа и казнокрадства. Очевидно, что первым, непосредственным результатом перехода экономических предприятий в ведение общественной администрации должно было быть, как оно и было на самом деле,

уничтожение этого самого пагубного источника политического разврата, так как революционеры предлагали, чтобы крупные капиталистические предприятия в первую очередь подверглись контролю общества.

Надо заметить, что возражение, которое мы сейчас разобрали, выставлялось только при введении экономической организации. Когда же последняя достигла полного развития, для всех стало очевидно, что всякая возможность подкупа исчезла благодаря установленному при распределении доходов принципу абсолютного единообразия.

— Я вижу, что чем дальше мы подвигаемся вперед, тем возражения становятся несостоятельнее. Стоит ли в таком случае продолжать наш разговор?

— Терпение! — заметил доктор. — Надо исчерпать предмет, раз мы взялись за него. Осталось всего только два возражения, которые могут быть, по крайней мере, сформулированы.

ВОЗРАЖЕНИЕ, ЧТО НАЦИОНАЛИЗАЦИЯ ПРОМЫШЛЕННОСТИ ГРОЗИТ ОПАСНОСТЬЮ СВОБОДЕ

— Первое из них, — продолжал доктор, — заключается в следующем: непомерное расширение функций общественной администрации, связанное с переходом в ее ведение всей промышленности страны, должно сообщить правительству такую огромную силу, которая не может не быть опасной для свободы граждан, хотя бы это правительство и было истинно народным.

В основание этого возражения легло, очевидно, молчаливое допущение, что народ при частнокапиталистическом строе в своей экономической жизни был свободен, не знал никакого принуждения и не должен был подчиняться никакому авторитету. Но разве против подобного допущения не говорила вся ваша действительность? Разве при вашем строе не властвовали надо всем, над промышленной, торговой и частной жизнью каждого, деспотизм и произвол частных предпринимателей? И не этот ли гнет, под которым изнывал народ, и послужил главной причиной национализации промышленности?

В 1776 году американцы свергли правительство Британии и на его место поставили свое. Представьте себе, что король вздумал бы в то время отправить в Америку посольство, которому поручил бы предупредить американский народ о том, что, присваивая себе политические функции, раньше выполнявшиеся

им, королем, он совершает шаг, опасный для своей собственной свободы. Вы согласны, что подобное предостережение было бы встречено с улыбкой. Если бы, однако, понадобилось дать какой-либо ответ, можно было бы указать на то, что американцы не руководились желанием поставить над собой новое правительство, а хотели лишь старое правительство, чуждое им и равнодушное или враждебное к их интересам, заменить своим, действующим в интересах своего народа. То же самое, как мы видели, было и с национализацией промышленности.

Раз было признано, что экономическая жизнь нуждается в известном руководстве и регулировании, вопрос представился в такой форме: что грозит большей опасностью народной свободе — безответственная ли власть людей, враждебно относящихся к интересам общества, или же правление агентов, избранных народом и ответственных перед ним? Казалось бы, что на этот вопрос не могло быть двух ответов.

А между тем один из знаменитейших философов вашего времени в дошедшем до нас трактате пытался доказать, что, если народ доверит демократическому правительству заведование экономической жизнью страны, он рискует навлечь на себя иго столь тяжкого рабства, что оно заставит его с сожалением вспоминать дни Нерона и Калигулы.

Я очень жалею, что этого философа нет среди нас. Я бы спросил его: согласно каким законам человеческой природы рабство должно явиться неизбежным результатом системы, которая стремится установить и сохранить интеллектуальное и экономическое равенство в такой совершенной форме, в какой оно не было известно до сих пор миру? Не воображал ли ваш философ, что народ добровольно и злоумышленно возложит сам на себя ярмо, или, может быть, он предполагал, что найдется узурпатор, который захватит в свои руки социальный механизм и воспользуется им для порабощения народа? Но скажите, какой узурпатор в состоянии был бы разрешить столь грандиозную неразрешимую задачу, как захват власти в государстве, где нет ни классов, ни групп, которые можно было бы натравить друг на друга, где нет деления на аристократию и чернь, где прочность целого тесно связана с благосостоянием составляющих его элементов? Тот, кто опасается, что современный республиканский строй может быть ниспровергнут тираном, рассуждает не менее нелепо, чем тот, кто вздумал бы привязывать цепями основания пирамид из страха, чтоб они в один прекрас-

ный день, вопреки всем законам природы, не перевернулись и не стали на своих вершинах.

Но предоставим мертвым хоронить мертвецов, а сами обратимся к более жизненному вопросу: какое действительно влияние оказала национализация промышленности на отношение правительства к народу?

Если бы все части правительственного механизма — те, которые заведуют контролем, регулированием, распределением и общим ходом производственных процессов, — остались в том же виде, в каком они были при господстве капиталистов, то даже при этом условии сам факт, что теперь правительство стало народным, связанным действовать в интересах всего народа, а не кучки эксплуататоров, ответственным пред всем обществом, а не бесконтрольным в своих поступках, — этот факт произвел бы целый переворот в характере и системе правления и сделал бы его менее тягостным, чем оно было прежде. На деле же национализация промышленности не только коренным образом изменила характер экономической администрации, поставив перед ней новые цели, но в значительной степени сократила самые размеры правящего механизма. Последнее обстоятельство явилось естественным результатом единства новой системы, в которой принципы координации и взаимного сотрудничества заступили место господствовавшей прежде в промышленности тысячеголовой гидры капитализма, состоявшего из многочисленных предприятий, соперничавших между собой, преследовавших противоположные интересы, пользовавшихся различными приемами, следовавших каждое своим собственным законам. На рабочих особенно сильно отразилась перемена экономической организации: отныне они не должны были больше зависеть от капризов и произвола бесчисленного множества, маленьких деспотов; благодаря тому что законы и принципы, на основании которых действовало новое правительство, были чрезвычайно понятны и гармонично связаны между собой, никто не чувствовал над собой гнета личности или давления авторитета.

Интересующий нас аргумент, построенный на страхе пред расширением функций правительственной власти, которое якобы неразрывно связано с национализацией промышленности, обладает еще в большей степени, чем все разобранные нами возражения, свойством «бумеранга», то есть может быть обращено против самих противников экономического равенства.

Для того чтобы вы могли убедиться в этом, нам следует рассмотреть ближайшие последствия, к которым должен был привести новый строй, провозгласивший принцип социальной справедливости основой общежития. Непосредственным результатом новой системы было совершенное упразднение многих частей прежнего правительственного аппарата. Главнейшее, а подчас и единственное занятие ваших правительств заключилось в охране собственности и личности против посягательства преступников; но нередко с последними страдали и совершенно невинные граждане. В настоящее время эта функция стала совершенно лишней, так как среди нас не возникает больше споров из-за собственности, нет больше преступлений против собственности и нет, следовательно, нужды охранять ее. Всем в одинаковой степени предоставлена возможность удовлетворять свои потребности. В прежние века любовь и ревность были частой причиной преступлений. Здесь сказывалось влияние той унаследованной от незапамятных времен варварства идеи, что мужчина или женщина могут стать половой собственностью другого лица, которому должны принадлежать даже вопреки своему желанию. С тех пор как благодаря экономическому равенству в половых отношениях достигнута абсолютная автономия и независимость обоих полов, подобного рода преступления исчезли.

Таким образом, в настоящее время практически мы нуждаемся лишь постольку в правительстве, поскольку ваши промышленные ассоциации нуждались в координирующем аппарате: дирекции или правлении. Царство разума и справедливости, в котором люди для регулирования своих взаимных отношений не должны обращаться к содействию законов, вы называли фантазией философов. Наш строй осуществил эту фантазию и облек ее в реальные формы, так как в нем нет места ни принудительной регламентации, ни системе наказаний. Это отсутствие принудительного законодательства придает нашей системе характер анархии. Даже по отношению к исполнению обязательной для каждого общественной службы мы не прибегаем к насилию, на что я имел уже случай обратить ваше внимание, когда мы посетили биржу труда. По отношению к членам общества, которые решительно отказываются внести свою долю в общую сокровищницу, мы ограничиваемся лишь тем, что лишаем их права на участие в общественном фонде: в заботах о существовании они предоставлены своим собственным силам и не могут рассчитывать на чью-либо помощь.

— А теперь мы перейдем к последнему из возражений, которые значатся в моем списке. Это возражение совершенно отлично от всех остальных.

Те, которые приводили его, нисколько не отрицали, что экономическое равенство само по себе желательно и осуществимо; они также не утверждали, что при новой системе общественный механизм должен непременно плохо функционировать. Более того, они готовы были согласиться с тем, что новая экономическая система ознаменовалась бы небывалым подъемом человеческого благосостояния, так что жизнь стала бы куда более приятной, чем она была до сих пор. Но именно в этом несомненном материальном успехе они видели главное основание для своих аргументов.

— Это должно быть очень любопытное возражение, — сказал я, — интересно его послушать.

— Наши оппоненты так говорили: «Допустим, что бедность и все пагубные влияния, которые до сих пор тяготели над жизнью и здоровьем человека, навсегда изгнаны и человеческая жизнь может безмятежно протекать вплоть до ее естественного конца. Но при всеобщей материальной обеспеченности не существует мотивов для ограничения численности потомства. Таким образом, при равенстве всех остальных условий новая система должна привести к такому чрезмерному увеличению населения, какого раньше никогда не бывало, а это, в свою очередь, должно вызвать столь усиленный спрос на съестные припасы, который возможно было бы удовлетворить только в том случае, если бы были открыты какие-либо новые неисчерпаемые источники пищевых продуктов».

— При равенстве всех остальных условий подобного рода опасения мне кажутся вполне основательными.

— Да, — возразил доктор, — если бы все условия оставались неизменными, можно было бы ожидать таких результатов. Но дело в том, что прочие условия ни в каком случае не могли остаться неизменными, а соответственно этому и результаты должны были получиться иные.

— Каковы же те условия, которые должны были измениться? — спросил я.

— А вот какие: прежде всего распространение образования, культуры и всеобщей утонченности нравов. Скажите: были ли

в ваше время в Америке богатые и образованные семьи многодетны?

— Наоборот. Как правило, наблюдалось, что в богатых семействах детей было не больше, чем супругов.

— А между тем в данном случае у родителей не было, собственно говоря, никаких благоразумных мотивов, которые заставили бы их воздержаться от умножения своего рода. Богатые семейства в ваше время были так же независимы и обеспечены, как в настоящее время все семейства. Неужели вы никогда не задумывались над тем, почему богатые и образованные люди были малосемейны?

— Конечно, — сказал я, — с распространением образования и культуры умственный и эстетический горизонт человека все больше раздвигался и чисто животные импульсы переставали играть важную роль в его жизни. Чем утонченнее становилась семейная жизнь, тем больше жена освобождалась от полового рабства и тем серьезнее стали считаться с ее желаниями.

— Совершенно верно, — ответил доктор. — Достаточно одного этого соображения, чтобы доказать всю ложь мальтузовской теории роста населения, на которой построено приведенное возражение против улучшения социальных условий человеческой жизни. Мальтус, как вам известно, учил, что народонаселение увеличивается в большей прогрессии, чем средства к жизни, и что поэтому бедность и разные другие бедствия, которым человек подвергается, необходимы для того, чтобы спасти человечество от гибели, которая грозит ему при чрезмерном размножении. Вполне понятно, что эта доктрина пользовалась большим сочувствием среди богатых и образованных классов, которые, в сущности, были единственными виновниками всех бедствий в этом мире. Они были в восторге от теории, которая не только оправдывала их равнодушное, или, вернее, их бесчеловечное, отношение к страданиям бедняков, но провозглашала их поступки чуть ли не похвальными и угодными Самому Провидению. Теория Мальтуса была еще удобна в том отношении, что ее можно было противопоставить мечтаниям революционеров, так как, согласно этой теории, выходило, что осуществление реформаторских идеалов не только не улучшит положения вещей в этом мире, но, вызвав чрезмерное размножение человеческого рода, даже ухудшит его.

При помощи этой теории нетрудно доказать, что самые низкие люди были в известной степени скрытыми благодетелями человечества, а филантропы — его злейшими врагами. Маль-

тузианством было очень удобно пользоваться для защиты всех существующих зол, и только этим объясняется то непонятное на первый взгляд явление, что столь нелепая теория могла снизить себе такую широкую популярность.

Абсурдность этой теории заключается в том, что, усиленно подчеркивая прямые последствия бедности, которые разрушают человеческую жизнь, она совершенно игнорирует ее другие противоположные и более сильные влияния, а именно: огрубение нравов и развитие беспечности в вопросе о размножении. Не надо забывать, что если бедность со всеми ее ужасными последствиями готовила преждевременные могилы миллионам людей, то десятки миллионов были обязаны ей своим рождением, так как она развивала в людях беспечность и отдавала их во власть животных инстинктов. Теория Мальтуса указывала только на второстепенные последствия бедности и вырождения, которые вели к уменьшению народонаселения, и совершенно игнорировала их первичное и более могучее влияние на чрезмерное размножение человеческого рода. Вот в чем заключается роковая ошибка этой теории и ошибка, тем более непростительная, что общество и обстановка, среди которых жил Мальтус и его последователи, на каждом шагу доказывали всю несостоятельность их рассуждений. Стоило только посмотреть кругом себя, чтобы убедиться, что плодovitость находилась в отношении, обратном пропорциональном к уровню экономического благосостояния, и что именно в грязи и нищете, которые мальтузианцы считали главной помехой для чрезмерного размножения, народ плодился подобно кроликам. Разве этот факт не свидетельствует с очевидностью о том, что опасность переселения можно предотвратить не понижением уровня благосостояния масс, а, наоборот, его повышением. Я думаю, вы согласитесь со мной, что грубое заблуждение, которое послужило исходным пунктом Мальтусовой теории, было бы немедленно разоблачено, если бы автор теории был революционером, а не защитником капиталистического строя. Но оставим Мальтуса в покое. Вернемся к разбираемому нами возражению. Хотя оно достаточно убедительно опровергается фактом незначительного числа деторождений в ваших образованных и состоятельных классах, тем не менее я считаю нужным привести еще один более веский аргумент. Вы только что отметили, как одну из главных причин малого числа рождений в образованных семьях тот факт, что в этих семьях с мнениями и желаниями женщин больше считались, чем в семьях

некультурных. Но при полном экономическом равенстве обоих полов с мнениями и желаниями женщин не только считаются, но в данной области их голос имеет решающее значение. До утверждения великой Революцией системы экономического равенства решающий голос в вопросе о рождении детей принадлежал недеторождающему полу. Вот почему и возможно было появление Мальтуса и его теории. Тяжелые страдания, сопряженные с деторождением, являются достаточно крепкой уздой, посредством которой природа могла бы в данном случае, как это она делает при других естественных отправлениях, удерживать людей от излишества и злоупотреблений. Но для того, чтобы эта узда могла достигнуть своей цели, необходимо, чтобы женщины были абсолютно свободны в своих действиях и могли располагать собою по своему желанию, а это возможно лишь при полном экономическом равенстве, обеспечивающем им абсолютную независимость. Только при таком условии можно с уверенностью сказать, что, с одной стороны, материнские инстинкты обеспечат человечеству продолжение рода, а с другой стороны, высокий уровень культуры предохранит общество от опасности чрезмерного размножения.

СОДЕРЖАНИЕ

РАВЕНСТВО

Роман (окончание)

Пер. с англ. Б. Винницкой

<i>Глава XXI. В гимназии</i>	7
<i>Глава XXII. Система прибыли как метод экономического самоубийства</i>	17
<i>Глава XXIII. Притча о бассейне воды</i>	60
<i>Глава XXIV. Мне показывают все страны земного шара</i>	68
<i>Глава XXV. Стаечники</i>	69
<i>Глава XXVI. Влияние прибыли на иностранную торговлю; протекционизм и фритредерство, или Между Сциллой и Харибдой</i>	75
<i>Глава XXVII. Несовместимость системы личных доходов (vested interests) с коренными улучшениями</i>	85
<i>Глава XXVIII. О том, как система прибыли сводила к нулю все благодейния изобретений</i>	93
<i>Глава XXIX. Мне устраивают овацию</i>	107
<i>Глава XXX. Значение всеобщего распространения образования</i>	109
<i>Глава XXXI. «Ни на этой горе, ни в Иерусалиме»</i>	116
<i>Глава XXXII. «И вы будете как Бог...»</i>	127
<i>Глава XXXIII. Краткий обзор некоторых важных вопросов</i>	133
<i>Глава XXXIV. Что вызвало Революцию?</i>	166
<i>Глава XXXV. Почему Революция так медленно готовилась и так быстро развилась</i>	184
<i>Глава XXXVI. Посещение театра в XX веке</i>	207
<i>Глава XXXVII. Переходный период</i>	209
<i>Глава XXXVIII. «Книга слепых»</i>	241